

О ТВОРЕНИИ БОЖИЕМ
О ГНЕВЕ БОЖИЕМ
О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ

ЭПИТОМЫ
БОЖЕСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА
ХРИСТИАНСКОЙ
МЫСЛИ

ЛАКТАНЦИИ

О ТВОРЕНИИ БОЖИЕМ • О ГНЕВЕ БОЖИЕМ
О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ
ЭПИТОМЫ БОЖЕСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА
ХРИСТИАНСКОЙ
МЫСЛИ

LACTANTIUS

DE OPIFICIO DEI
DE IRA DEI
DE MORTIBUS PERSECUTORUM
EPITOME DIVINARUM INSTITUTIONUM

ИСТОЧНИКИ

Πίστει νοοῦμεν...
Верою розумеваем...

Евр. 11, 3

Серия основана в 2002 г.

ЛАКТАНЦИЙ

О ТВОРЕНИИ БОЖИЕМ О ГНЕВЕ БОЖИЕМ О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ ЭПИТОМЫ БОЖЕСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

Перевод с латинского, вступительная статья,
комментарии и указатель *В. М. Тюленева*

Научное издание

издательство
олега абышко

Санкт-Петербург
2007

Лактанций

Л19 О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2007. — 256 с. — (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»).

ISBN 5-89740-156-X

В настоящем томе сочинений христианского латинского апологета IV века Лактанция (ок. 250 — ок. 325 г.), одного из самых интересных мыслителей раннего христианства, современника Константина Великого, публикуются его малые произведения: «О творении Божиим», «О гневе Божиим», «О смерти гонителей» и «Эпитомы Божественных установлений». В этих сочинениях Лактанций, полемизируя с язычниками, поднимает важнейшие вопросы христианского мировоззрения: о природе человека, о Божественном промысле в мире, о истории и возможности спасения. Сочинения Лактанция дают представления о развитии христианской мысли в первые века ее существования, об отношении христианских апологетов к античному наследию.

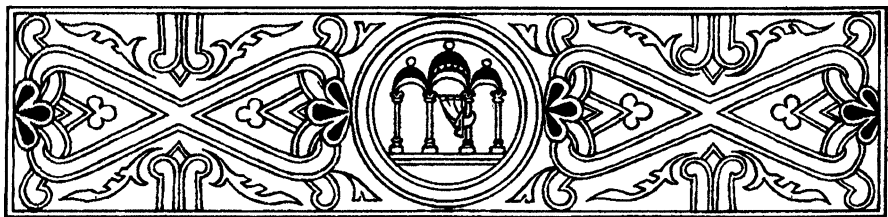
Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.

ISBN 5-89740-156-X

9 785897 401567

© «Издательство Олега Абышко» (СПб.),
подготовка текста к изданию,
художественное оформление, 2007
© В. М. Тюленев, перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии,
указатель, 2007

МАЛЫЕ СОЧИНЕНИЯ ЛАКТАНЦИЯ*

Во втором томе «Сочинений» Лактанция (ок. 250 — ок. 325 гг.) вниманию читателей представлены так называемые малые произведения этого христианского автора, которые нередко теряются в тени его фундаментального сочинения — «Божественных установлений», благодаря которому Лактанций заслуженно занял место одного из крупнейших и ярчайших латинских апологетов в истории раннего христианства.¹

Три сочинения — «О творении Божиим», «О гневе Божиим» и «Эпитомы Божественных установлений» — составляют цикл апологетических трудов Лактанция, тесно связанных друг с другом и, конечно, с главным произведением этого христианского мыслителя, «Божественными установлениями». Так, уже в самом раннем из дошедших до нас произведении Лактанция, «О творении Божиим», его автор говорит о своем желании посвятить специальный труд полемике с языческими философами (Т 15.6)² и даже в конце трактата излагает краткий план этого труда

---

* Перевод сочинений Лактанция, написание статьи и составление комментариев осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям и Совета по грантам Президента Российской Федерации (Грант № МД-5903.2006.6), а также при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Христианский латинский апологет IV века Лактанций»), проект № 06-03-00027а.

¹ Об основных вехах жизни Лактанция см. вступительную статью к первому тому «Сочинений».

² Ссылки на сочинения Лактанция даются в статье с указанием на название книги (Т — «О творении Божиим», Г — «О гневе Божиим», С — «О смерти гонителей», Э — «Эпитомы Божественных установлений», БУ — «Божественные установления»), номер главы и отрывка.

(Т 20.1–9), который будет реализован при написании «Божественных установлений». В сочинении «О гневе Божиим» Лактанций намеренно избегает подробных рассуждений относительно сказанного уже в более ранних трудах, ограничиваясь лишь ссылками на них (Г 17.12). То же самое мы встречаем и в «Эпитамах Божественных установлений» (Э 24[29].10). Еще более красноречиво о цельности авторской концепции и о продуктивности его литературной деятельности говорит содержание сочинений Лактанция, ни одно из которых не лишено доказательств присутствия в мире Провидения и исключительности человека. В этой связи особенно бросается в глаза обособленность сочинения «О смерти гонителей», абсолютно лишенного полемического начала и общеполемических рассуждений. На него почти нет ссылок в остальных сочинениях Лактанция.¹ Эта «несхожесть» сочинения о гонителях с циклом апологетических трудов Лактанция, а также отсутствие текста «О смерти гонителей» в рукописных сводах, содержащих прочие произведения этого апологета, даже поставили в науке проблему принадлежности «О смерти гонителей» Лактанцию.² Тем не менее, современная наука признает за Лактанцием авторство всех пяти произведений, включая, естественно, и «Божественные установления».

«О творении Божиим» (De opificio Dei)

Считается, что это сочинение — самое раннее из дошедших до нас литературных творений Лактанция. Скорее всего, оно было написано вскоре после прибытия этого латинского ратора в Никомидию и принятия там христианства, приблизительно в 303 или 304 г. О том, что трактат

---

¹ Исключение составляют, пожалуй, общие сюжеты в «О смерти гонителей» (С 16.4) и «Божественных установлениях» (БУ V.2.2–17) о событиях Великого гонения в Вифинии.

² Обсуждения, развернувшейся в западноевропейской науке в конце XIX в. по поводу принадлежности *De mortibus persecutorum* перу Лактанция см.: Садов А. И. Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. С. XXII–XXV; Тюленев В. М. Лактанций и его «De mortibus persecutorum» // Лактанций. О смертях преследователей. СПб., 1998. С. 12–14.

создавался в годы Великого гонения, свидетельствуют слова самого Лактанция по поводу свирепости врага христиан, особенно проявившей себя в последнее время, и нелегкого состояния дел (Т 1.7; 20.1).¹ Сочинение посвящено некоему Деметриану, судя по словам Лактанция, его бывшему ученику по риторской школе, которого Лактанций теперь хочет наставить в христианском учении (Т 1.1–2). Произведение «О творении Божиим» сохранилось в шести рукописях, наиболее ранней из которых, хотя и недостаточно точной, является Болонский манускрипт VI–VII вв.²

Уже в этом раннем сочинении Лактанций поднимает важнейшие для своей системы взглядов темы. В острой полемике с атомистами вообще и эпикурейцами в частности он доказывает существование Божественного Провидения в мире, исключительный статус человека в замысле Божиим, ограниченность человеческого познания. Уже беглое знакомство с трактатом «О творении Божиим» показывает, что главной из перечисленных стала для Лактанция в данном произведении тема антропологии. В большинстве раннехристианских сочинений, так или иначе, вопрос о человеке поднимался или хотя бы затрагивался.³ Но рассматриваемое сочинение Лактанция оказалось для христианской латинской апологетики поистине исключительным, оно от начала до конца посвящено проблемам антропологии.

Интерес раннего христианства к человеку вполне естествен. И дело вовсе не в том, что христианство предлагало принципиально новый взгляд

---

¹ См. также: *Altaner B.* Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1938. S. 111; *Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1958. S. 424.

² Имеется в виду манускрипт № 701, хранящийся в библиотеке Болонского университета. В рукописи содержится кодекс сочинений Лактанция, включающий *De Divinis Institutionibus*, *De ira Dei*, *De opificio Dei* и *Epitome* (См.: *Brandt S.* Prologomena // *Lactantius. Opera omnia* / CSEL. Bd. 27. S. VIII–IX). Более раннюю датировку рукописного свода, пятым веком, см.: *Albrecht Michael von.* A History of Roman Literature from Livius Andronicus to Boetius. Leiden; NY, Köln; 1997. P. 1605.

³ Представления христианских апологетов о человеке специально рассматривал в рамках эстетических идей В. В. Бычков. См.: *Бычков В. В.* Эстетика поздней Античности (II–III века). М., 1981. С. 147–166.

на мир, и в том числе на человека, и стремилось объяснить все стороны бытия, но прежде всего в том, что весь смысл христианского учения строится вокруг судьбы человека и человечества. Логос Божий воплотился ради спасения падшей человеческой природы, и в этом смысле антропология становится составной частью сотериологии — учения о спасении. Сын Божий принял человеческий облик, и человеческая природа наряду с природой Божественной стала неотъемлемой частью природы Христа, и в этом смысле христианская антропология становится также частью христологии. Однако Лактанций, в отличие от более поздних христианских авторов, так или иначе обращавшихся к теме человека (и Григория Нисского, и Немесия Эмесского), преследует не столько теологические, сколько полемические цели. Его задача — не просто объяснить устройство человеческого тела и природу его души, но изобличить заблуждения языческих философов, в первую очередь последователей Эпикура, относительно человека и его места в мире, доказать божественное происхождение людей и изначальную связь человека и Господа.

Само содержание этого небольшого произведения Лактанция показывает, насколько тесно его автор связан прежде всего с античной (языческой) ученостью. На страницах трактата «О творении Божиим» мы не найдем ни одной ссылки на Священное Писание. Единственный раз автор вспоминает о ветхозаветных пророках, и то лишь для того, чтобы поговорить о свойствах сна и случаях «вещих» снов (Т 18.10). Пожалуй, основным источником для рассуждений Лактанция послужили идеи Цицерона, а конкретнее — речь стоика Бальба из трактата Цицерона «О природе богов». Лактанций в предисловии к своему трактату сам признает, что интересующие его в данном случае вопросы уже были подняты Цицероном сначала в трактате «О законах», а затем более подробно, хотя и недостаточно, в сочинении «О природе богов» (Т 1.13–14). Именно у Цицерона христианский писатель берет важнейший для раннехристианской идеологии тезис стоиков о том, что мир создан для людей, и о разуме как исключительном благе, данном человеку. Более того, Лактанций заимствует у античных интеллектуалов (как у Цицерона, так и у Варрона) способы доказательств, важнейшим из которых часто оказывается этимология. Так же, как и Цицерона, Лактанция восхищает эстетическое совершенство сотворенного мира и самой вершины Божественного

творчества — человека. Внешняя красота и целесообразность строения тела и его внутренней организации как у животных, так и у человека служат Лактанцию, так же как и стоикам, важнейшим доказательством заботы Всевышнего Творца о мире и важнейшим аргументом в споре со сторонниками случайного возникновения мира. «Неужели не удивительно то, — спрашивает Лактанций, — что среди такого множества живых существ каждое животное обладает красотой, присущей его роду, так что если бы вдруг что-то перешло от одного к другому, то неизбежно бы этот [орган] показался излишним с точки зрения полезности и обезображивающим облик?» (Т 7.6).

Именно воспринятое от Цицерона единство утилитарного и эстетического начал в живых существах и прежде всего в человеке служит у Лактанция свидетельством продуманности мира, изначальной заботы о нем Высшего Творца. Собственно, с целью доказать всеведение Бога при сотворении всего сущего Лактанций дает последовательное описание человеческого тела. Однако еще до своих естественно-научных рассуждений Лактанций пытается определить достоинство человека, выделить его из всех творений Господа. При этом латинский апологет формулирует весьма важное для всей раннехристианской антропологии положение, которое впоследствии будет воспринято и развито европейской гуманистической мыслью. Согласно Лактанцию, Бог единственно человека создал разумным существом, и уже этим была продемонстрирована неразрывная связь между Творцом и человеком. «Бог, — пишет Лактанций, — наш Создатель и Родитель, дал человеку чувство и разум, чтобы из этого стало очевидным, что мы рождены Им, ибо Он Сам — познавательная сила, Сам — чувство и разум» (Т 2.1). Разум — тот дар Божий, которого лишены прочие животные и который компенсирует все физические недостатки человека. «Человек с помощью разума, — продолжает апологет, — может восполнить для себя все то, в чем ему отказано его природой. В самом деле, он остался голым и беззащитным, потому что благодаря своей сообразительности может защитить себя и одеть с помощью разума» (Т 2.6). «Разум, — как бы подводит итог дискуссии Лактанций, — дает человеку больше, чем природа бессловесным животным» (Т 3.17). Более того, физическая крепость и разум оказываются настолько противопоставлены у Лактанция, что наличие одного неизбежно отрица-

ет другое. Зачем бы наделенному разумом человеку природа стала давать то, что он сам может обрести с помощью рассудка? — спрашивает Лактанций (Т 3.13). Наконец, защищая человека, Лактанций ставит античного философа перед воображаемым выбором: остаться физически слабым человеком или превратиться в сильное и крепкое животное — и сам же предвосхищает итог этого воображаемого выбора: «Если бы Бог превратил их (т. е. философов-эпикурейцев. — В. Т.) в тех животных, участь которых они предпочли бы своей, они наверняка стали бы стремиться к прежнему состоянию, со слезами прося об этом. В самом деле, нет такой мощи и крепости тела, чтобы ради нее отказываться от языка, не стоит свободный птичий полет того, чтобы лишать себя рук. Ибо руки дают больше, чем легкость крыльев и возможность летать, а язык дает больше, чем крепость всего тела» (Т 3.20).

Слабость человека, по поводу которой сетуют философы-эпикурейцы, подверженность его болезням и смерти столь же разумно предусмотрены Создателем, задумавшим человека смертным существом (ибо бессмертен только Бог). Тело, созданное из земного материала, неизбежно смертно (Т 4.7). Смерть же должна вызываться какими-то причинами — болезнями, ранами и старостью. К тому же природная слабость стимулирует человеческий разум, заставляет человека строить себе жилища от дождей и холода, шить одежды, вооружаться против зверей (Т 4.8–17). И, наверное, самое главное для христианства то, что слабость заставляет людей жить вместе и уважительно и трепетно относиться друг к другу (Т 4.18–21). Таким образом, христианская идея милосердия, братского отношения человека к человеку рождается у Лактанция не только из признания общего для всех Прародителя, но и из самой человеческой природы.

Свое описание человека Лактанций начинает с внешнего вида, поскольку сам облик человека, вертикальное положение тела «свидетельствуют о его происхождении и Создателе» (Т 8.3). Подробно описывая лицо человека, рассматривая его органы чувств (и уши, и глаза, и нос), Лактанций всякий раз стремится показать, с какой целесообразностью, продуманностью и красотой создан человек. Сама голова, этот «чертог ума», имеет форму шара, «ибо шар является совершенной фигурой» (Т 8.4). Совершенство проявляется также в парности органов чувств: два глаза, два уха, две ноздри — что повторяет не только парность рук и ног, но и

двойственность всего сущего. «Как в самом мире, — пишет Лактанций, — все сущее является либо двойным, состоящим из простого, либо простым, содержащим двойное, так и в теле все соединения, состоящие из двух, обнаруживают нераздельное единство» (Т 10.11). Описав лицо человека, Лактанций переходит к изображению всего тела, восхищаясь продуманностью и красотой рук, которые он называет «слугами разума и мудрости» (Т 10.22), великолепной открытой грудью, которой наделен только человек, созданный прямоходящим (Т 10.26).

Далее Лактанций берется рассмотреть внутренние органы, которые пусть и некрасивы, но весьма полезны для жизни (Т 11.1). В этой части своего труда Лактанций среди прочих поднимает также вопрос о рождении детей, наследовании ими качеств родителей, почему рождаются девочки или мальчики, отчего мальчик бывает наделен женскими чертами, а девочка — мужскими (Т 12.6–14). Анализируя внутренние органы человека, апологет оставляет место непознаваемому. Далеко не все подвластно человеческому уму, «в теле есть много [органов], предназначение и смысл которых никто не может постичь, кроме их Творца» (Т 14.1). Поэтому Лактанций наполняет текст своего сочинения вопросами и сомнениями: «Зачем две одинаковые почки? Зачем селезенка? Зачем печень? Зачем горчайшая жидкость желчи? Зачем шар сердца?» (Т 14.2–4). Объяснения языческих интеллектуалов его явно не удовлетворяют и приводят в недоумение.

Одним из непостижимых вопросов антропологии является для Лактанция вопрос о сущности ума или духа, а также души. Несмотря на традиционное представление о дихотомическом взгляде Лактанция на человека, состоящего из души и тела,¹ в его антропологических взглядах можно обнаружить также идущую от Платона, воспринятую и развитую Плотинином и повторенную применительно к учению о душе Тертуллианом² трихотомию человека. Согласно Лактанцию, человек состоит из ума или духа (*mens, animus*), души (*anima*) и тела (*corpus*). Он, как в свое время и Тертуллиан,³ посвящает отдельную главу, в которой пытается

¹ См., напр.: Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 139; Бычков В. В. Указ. соч. С. 152.

² См.: Тертуллиан. О душе. 11–13.

³ Там же. 12.

обсудить вопрос, является ли душа и дух (ум) одним и тем же или нет (Т 18.1–11). Дух для Лактанция — это познающее и чувственное начало в человеке; душа — начало жизненное. Дух или ум может исчезать, уединяться, душа же — бессмертна и не покидает человеческое тело до смерти.¹ По сути, душа и есть истинный человек: тело «является в некотором роде глиняным сосудом, в который заключена душа, т. е. подлинный человек» (Т 1.11).²

В дискуссии античных философов и ученых, помещавших ум кто в груди человека, кто в голове, Лактанций встает, скорее, на позицию вторых: «...поскольку ум является руководителем всего тела, то надлежало, чтобы он пребывал в верхней части тела, словно в крепости, и нет ничего выше, чем ум, который управляет всеми органами, подобно тому как сам Господь и Правитель мира находится вверху» (Т 16.4). Но в то же время ум может уходить в грудь: «...когда ум погружается в какое-либо размышление, он нисходит в грудь и удаляется туда, будто бы в некие тайные покои, чтобы получить и извлечь, словно из потаенной сокровищницы, решение» (Т 16.6). В итоге христианский писатель соглашается с тем, что ум, скорее всего, растворен во всем теле: «Ведь природа его столь тонка и легка, что, растворенный в твердой плоти, он сочетается живым и словно бы горячим чувством со всеми членами» (Т 16.12).

Не менее сложен для Лактанция вопрос о душе. Уже в начале своего рассуждения апологет прямо заявляет, что «постижть ее сущность и природе нельзя» (Т 17.1), а поиски философов в этом направлении не только не привели к истине, но и не приведут к ней никогда (Т 17.2). Непостижимость души, о чем говорит Лактанций, делает и его собственные взгляды достаточно сложными и противоречивыми. Более обстоятельные рассуждения о душе, которые Лактанций предлагает читателю в

---

¹ Ср.: «...душа и ум не одно и то же. Душа ведь является тем, чем мы живем, ум — чем мы мыслим. Ведь когда ум спит, душа продолжает бодрствовать, и ума нет у неистовых людей, но душа остается, и потому они именуются не бездыханными, а безумными» (БУ VII.12.9).

² Ср.: «...ведь это тельце, в которое мы помещены, является вместилищем человека, самого же человека нельзя ни осязать, ни увидеть, ни различить, так как он скрыт внутри того, что видимо» (Т 19.9).

«Божественных установлениях»,¹ даже позволили некоторым исследователям сблизить взгляды этого апологета с представлениями Тертуллиана о душе как телесной субстанции.² Однако в анализируемом сочинении Лактанций не оставляет сомнения в том, что душа является бестелесной, происходящей от Бога субстанцией. Неслучайно, решая вопрос, от кого из родителей ребенок принимает душу, Лактанций отрицает саму идею рождения души от других (родительских) душ, ибо «от тонкого и неуловимого ничего не может отделиться» (Т 19.2). А потому единственным источником и началом души является только Бог.

В своем первом апологетическом сочинении Лактанций лишь намечает этические проблемы, лишь в самых общих чертах проговаривает идею посмертного воздаяния и ответственности человеческого поведения в земной жизни. Этические вопросы были разработаны Лактанцием в следующем его произведении, на этот раз в поистине фундаментальном труде — в «Божественных установлениях», — и стали основными в сочинении «О гневе Божиим».

«О гневе Божиим» (De ira Dei)

Эту книгу Лактанция блаж. Иероним Стридонский в своем исследовании «О знаменитых мужах» назвал одной из самых прекрасных работ христианского апологета (*Hier. De vil. ill.* 80). Действительно, она написана блестящим языком, и в ней Лактанций предложил ту сумму идей, которую накопил за период работы над «Божественными установлениями», а поэтому трактат отличается особой продуманностью и логичностью. Несмотря на мнение А. Гарнака о том, что сочинение «О гневе Божиим» увидело свет в 305 г.,³ его появление или по крайней мере появление его последней редакции следует относить к более позднему времени, так как в начале трактата Лактанций говорит о второй и четвер-

¹ Действительно, говоря о посмертном воздаянии грешникам, Лактанций говорит, что души порочных людей воспринимают нечто от тела, за счет чего способны испытывать страдания и муки после смерти тела (БУ VII.20.9).

² Майоров Г. Г. Указ. соч. С. 139.

³ Harnack A. Op. cit. S. 424.

той книгах «Божественных установлений» как об уже законченных (Г 2.4–6). Скорее всего, Лактанций завершил работу над этим трудом к 313 г.¹ Свою книгу «О гневе Божиим» апологет адресовал некоему Донату, о котором, как и о большинстве адресатов Лактанция, нам почти ничего не известно. У нас даже нет оснований считать, что Донат, которому посвящено «О гневе Божиим», и Донат, в адрес которого написано «О смерти гонителей», одно и то же лицо,² также как нет оснований полностью исключить такую возможность. Как и другие малые произведения Лактанция, «О гневе Божиим» слабо представлено рукописной традицией. Современная наука располагает двумя манускриптами — Болонским VI–VII в. и Парижским IX в.,³ в которых сочинение «О гневе Божиим» представлено вместе с текстами «Божественных установлений», «О творении Божиим» и «Эпитом Божественных установлений».

Вопрос, который поднимает в анализируемом сочинении Лактанций, о том, может ли гнев быть присущ Богу, если Он всеблаг, возник в христианстве задолго до начала IV столетия. Известно, что в текстах Нового Завета сформулировано совершенно особое отношение между Богом и человеком, которое укладывается в самую простую формулу: «Бог есть любовь». Эта идея божественной любви стала центральной в учении ранних христиан, а понимание христианского Бога как Бога любви порой возводилось в абсолют. Первым, кто со всей остротой поставил вопрос о том, может ли Бог, Который есть любовь, быть пусть справедливым, но все же строгим Судией и кто решил этот вопрос в духе стоической философии, был Маркион, учение которого вызвало жесткую дискуссию в христианском интеллектуальном мире II–III вв.⁴ Согласно учению

¹ Altaner B. Op. cit. S. 111.

² Г. Литцманн считает, что в обоих упомянутых произведениях Лактанция один и тот же адресат — исповедник Донат, арестованный в ходе Великого гонения на Церковь и выпущенный в 311 г. См.: Lietzmann H. Lactantius // Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Halbbd. 23. S. 354.

³ См.: Brandt S. Prologomena... S. VIII–IX; датировку ранней рукописи V веком см.: Albrecht Michael von. Op. cit. P. 1606.

⁴ Из последних исследований, посвященных Маркиону, см.: Морев М. П. Маркион из Синопы: первый реформатор христианства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Саратов, 2002.

Маркиона, справедливый и строгий Бог Ветхого Завета не может быть тождествен Богу Нового Завета, Отцу Иисуса Христа, Богу любви. Справедливость Бога-Творца противостоит любви Бога, явившего Себя в Иисусе Христе.¹

Лактанций был, безусловно, знаком с идеями если и не самого Маркиона, то уж точно его оппонентов,² о чем свидетельствует его рассуждение о тех, кто принимают Бога «иначе, нежели требует вера» (Г 2.6). Однако он намеренно выбирает в качестве своих противников в споре не еретиков, а представителей античных философских школ, прежде всего эпикурейцев и стоиков. И дело, по всей видимости, не только и не столько в желании Лактанция продолжить начатую им в трактатах «О творении Божиим» и в «Божественных установлениях» дискуссию с приверженцами античной философии. Само построение текстов, способы аргументации Лактанция свидетельствуют о его поверхностном знакомстве с трудами своих предшественников-единоверцев. Обращение к ним ограничивается, собственно, заимствованием аргументов для апологии и упоминаниями имен трех христианских писателей (Минуция Феликса, св. Киприана Карфагенского и Тертуллиана) в начале V книги «Божественных установлений» (БУ V.1.23–24; 4.3–7). Что же касается еретических учений, то у Лактанция все ограничивается довольно беглым пояснением причин их появления и перечислением некоторых из них в IV книге «Божественных установлений» (БУ IV.30.1–10) и обещанием написать специальный труд против еретиков (Г 2.6), которое так и осталось невыполненным.

Итак, в качестве основных оппонентов Лактанций выбирает представителей двух античных философских школ — эпикурейцев и стоиков, по-своему решавших интересующий его вопрос. Как эпикурейцы, так и стоики отказывали Божеству в проявлении гнева. По мнению Эпикура, которое Лактанций воспроизводит по трактату Цицерона «О природе

---

¹ См.: Лёзов С. В. Введение // Канонические Евангелия. М., 1993. С. 19; Афонасин Е. В. «В начале было...». Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002. С. 270.

² Лактанций наверняка был знаком с трудами Тертуллиана, чье имя упоминается в «Божественных установлениях» (БУ V.1.23). Тертуллиану принадлежит специальное произведение «Против Маркиона».

богов» и поэме Тита Лукреция Кара «О природе вещей», Божеству чужды любые человеческие страсти, а потому оно одинаково лишено как благодати, так и гнева. Подобная позиция Эпикура естественным образом ведет, по мнению Лактанция, к полному отрицанию божественной заботы о мире, а следовательно, и Его самого (Г 4.13). Атеистическому по сути взгляду Эпикура Лактанций предпочитает учение стоиков, хотя и не разделяет его полностью. Для стоиков, чья позиция с некоторыми оговорками часто принималась христианами, безусловно, что Богу принадлежит только благодать, в то время как гнев чужд божественной природе (Г 5.1–2). Оспаривая этот взгляд стоиков, Лактанций исходит из характерных для его мировоззрения биполярных представлений о мире: «...мир сотворен из двух противоборствующих и связанных друг с другом элементов, из огня и воды. И не мог бы существовать свет, если бы не было темноты, так, как не может существовать верх без низа, восток без запада, тепло без холода, мягкое без твердого» (Г 15.2). В системе подобных взглядов добру постоянно противостоит зло, более того, противоположности проявляются и познаются только друг через друга. Следовательно, добро не может существовать без зла, и как без зла нельзя почувствовать добра, так и без ненависти нельзя познать любовь: «кто любит, тот и ненавидит, а кто ненавидит, тот и любит» (Г 5.13). Стало быть, благодати не может быть без проявления гнева, и если Бог проявляет благодать в отношении тех, кого Он любит, то с необходимостью Он должен гневаться на тех, кто не любит Его.

Однако Лактанция волнует вопрос о гневе Божиим не сам по себе. Через рассмотрение этой теологической по сути проблемы Лактанций приходит к анализу этических вопросов. Вообще тема нравственности — одна из центральных в литературном и философском творчестве Лактанция. К ней апологет обращался в «Божественных установлениях», ей он посвящает и основное содержание трактата «О гневе Божиим». Прежде чем перейти к ключевым вопросам этики, Лактанций вновь возвращается к сюжетам, уже рассмотренным в сочинениях «О творении Божиим» и «Божественных установлениях». Он говорит об особом статусе человека, который единственный создан прямоходящим и разумным, кому единственному дано представление о Боге, т. е. религия. Лактанций говорит о Божественном Провидении, Которое управляет миром. Разум служит

человеку для различения добра и зла, зло же намеренно оставлено Богом (а не в силу Своей немощи или зависти, как думал Эпикур, см.: Г 13.20–21), чтобы человек с помощью добродетели противостоял этому злу, выбирая с опорой на разум всякий раз добро. Но, пишет Лактанций, «ни Эпикур, ни кто другой не видят того, что если бы было уничтожено зло, то равно исчезла бы и разумность, и в человеке бы не осталось никакого следа добродетели, смысл которой заключается в стойком перенесении и преодолении зла» (Г 13.24).

Человек, не устает повторять Лактанций сентенцию Цицерона, создан для справедливости (Г 14.4). Но если это так, то сразу же встает вопрос о происхождении греха. На этот вопрос Лактанций отвечает в обычной для себя манере. Поскольку весь мир состоит из противоположностей, то и в человеке борются доброе и злое начала.¹ Добро близко душе, а злое начало, склонное ко греху, к земным и тленным наслаждениям, заключено в теле, созданном из земли (Г 15.1–4). Справедливость, пишет Лактанций, заключена в почитании, в любви к Богу и к человеку; следовательно, человек, отвергающий Бога и Его почитание, причиняющий вред другому человеку, нарушает замысел и закон Божий (Г 14.5–6).

Отношения между Богом и человеком для Лактанция подобны отношениям между государем и подданными, а также между отцом семейства и домочадцами. Как видим, христианский апологет активно использует в своих рассуждениях понятия римской культуры. Он наделяет Бога двумя важнейшими функциями: функцией Правителя или Господина (*Dominus*) и функцией Отца семейства (*Pater familiae*). Это позволяет ему наполнить текст сочинения «О гнев Божием» понятными его читателям бытовыми (реже — историческими) примерами. Он пишет о дерзких рабах, презревших своего господина, в отношении которых господин обязан проявить свой гнев (Г 17.8), поражается примеру Архита Тарентийского, чья сдержанность в гневе по отношению к управляющему, разорившему его имение, приносит только вред (Г 18.4–9). Понимая отношения между Богом и человеком как отношения подчиненности, Лактанций не мыслит себе религию без уважения Бога со стороны человека, уважения, основанного на страхе.

¹ У Лактанция нет и намека на идею первородного греха, ставшую ключевой в западном христианстве только после блаженного Августина.

Именно страх перед Богом выступает у Лактанция важнейшим сдерживающим фактором в человеческой жизни. Страх Божий, пишет он, это «единственное, что сохраняет человеческую общность, благодаря ему сохраняется, укрепляется и упорядочивается сама жизнь» (Г 12.5). В свою очередь, без гнева Божьего «жизнь человеческая расстроилась бы, и положение дел пришло бы в такое смятение, что стала бы править дерзость, поскольку законами бы пренебрегали и нарушали их, так что никто бы, кроме тех, кто сильнее, не мог чувствовать себя в безопасности. В результате вся земля обезлюдела бы, словно после всеобщего опустошения» (Г 16.8). Страх же перед Богом, который внушает, что злых людей ожидает наказание, а добрых награда, заставляет совершать добрые поступки и не совершать преступления. Подобные рассуждения Лактанция не могли не поставить новый вопрос: «Почему часто преступники остаются без наказания и даже живут счастливо?» Отвечая своим оппонентам, Лактанций вновь обращается к вопросу человеческой природы. Слабость человеческой плоти, подчиненной греху, приводит к тому, что ни один человек не способен избежать преступления или прегрешения в своей жизни. В этой ситуации немедленная реакция Бога, Его кара уничтожили бы человеческий род. Поэтому Бог проявляет долготерпение, имеющее весьма важное значение, ибо дает грешнику возможность исправиться. «Сколь многие из грешников становились со временем праведниками, из злых — добрыми, из необузданных — сдержанными! Сколь многие, будучи в раннем возрасте нечестивыми и осуждаемыми всеми, превращались со временем в людей, достойных похвал! Этого, конечно, не случилось бы, если бы за каждым прегрешением следовало немедленное наказание», — восклицает Лактанций (Г 20.6).

Тем не менее, подчеркивая важность того, что Бог терпелив, Лактанций верит не только в загробное воздаяние, на проблеме которого практически не останавливается в анализируемом трактате, но и в земную кару грешникам. «Хотя терпение Бога велико и имеет смысл, — пишет он в заключение, — сколько бы ни откладывал Он наказание преступников, все же Он не терпит, чтобы это продолжалось слишком долго, видя, что те неисправимы» (Г 20.13). Этот тезис Лактанция нашел свое воплощение, обретя в исторических примерах прочную доказательную базу, в следующем сочинении нашего апологета.

«О смерти гонителей» (De mortibus persecutorum)

Это одно из самых загадочных произведений Лактанция. Во-первых, современная наука располагает единственной рукописью этого сочинения, обнаруженной в 1678 г. в одном из бенедиктинских монастырей Аквитании и принадлежащей либо IX,¹ либо XI столетию.² Это затрудняет прочтение и понимание некоторых мест в тексте. Во-вторых, как уже отмечалось, непохожесть данного произведения, посвященного изложению преимущественно политической истории, на апологетические труды Лактанция поставила в науке вопрос о принадлежности сочинения о гонителях перу нашего апологета. В-третьих, на протяжении десятилетий шла дискуссия о времени написания *De mortibus persecutorum*, завершившаяся в конце 60-х годов минувшего столетия. После долгих уточнений исследователи как истории позднего Рима, так и творчества Лактанция пришли к выводу, что данное сочинение появилось не ранее зимы 314/315 гг. и не позднее 316 г.³

«О смерти гонителей» — не просто единственное историческое произведение Лактанция, но и вообще первый исторический труд, созданный на латинском языке христианином.⁴ Историческое повествование Лактанция охватывает период истории Церкви и Римской империи от распятия Христа и возникновения Церкви во времена Тиберия до 314 г., когда прекращаются гонения на христиан, а политическая власть сосредоточивается в руках Константина и Лициния. При этом костяк сочинения представляет

---

¹ Labriolle P. de. Histoire de la littérature latine chrétienne. Vol. 1. Paris, 1947. P. 275; Barnes T. D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 63. 1973. P. 39.

² Moreau J. Introduction // *Lactance*. De la mort des persécuteurs. Paris, 1954. P. 73.

³ Palanque J.-R. Date du «De mortibus persecutorum» // Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à Jérôme Carcopino. Paris, 1966. P. 32; Barnes T. D. Op. cit. P. 32; Christensen A. S. Lactantius the Historian. An analysis of the «De Mortibus Persecutorum». Copenhagen, 1980. P. 23.

⁴ Об историографических новациях Лактанция см.: Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на рубеже эпох. СПб., 2000; Он же. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 36–73.

собой изложение событий Великого гонения и гражданской войны начала IV в., т. е. с 303 г. по 314 г. Рассказ же о предшествующих 303 г. событиях превращается у Лактанция в череду зарисовок несчастной участи императоров Нерона, Домициана, Деция, Валериана и Аврелиана.

Лактанций посвящает свой труд важнейшей для христиан теме, в рамках рассмотрения которой можно было бы объяснить логику как истории христианской Церкви, так и Римской империи — теме антихристианских преследований. Поэтому не случайно вся интересующая автора история строится вокруг проблемы терпимости и нетерпимости к христианской Церкви властителей Рима.

Пытаясь объяснить логику взаимоотношений Империи и Церкви, Лактанций обращается к популярной в апологетике идее о провиденциальной связи судеб Римской империи и христианского учения. Для христианства, родившегося на периферии Римского мира, изначально важно было определить роль Империи в собственной судьбе, также как и доказать позитивный смысл новой религии для государства. Часто нетерпимая политика римских императоров по отношению к носителям новой веры только обостряла этот вопрос. Не случайно важнейший для всей раннехристианской мысли тезис о провиденциальной связи успехов Римской империи с развитием христианской религии появляется именно в апологиях. Впервые в раннехристианской литературе эта идея достаточно четко была обозначена Мелитом Сардийским. Отталкиваясь, по всей видимости, от хронологической пометы евангелиста Луки, чей рассказ о рождении Иисуса начинается с упоминания переписи, проводимой Августом (Лк. 2.1), Мелитон в своей «Апологии к Антону», появившейся приблизительно в 170 г., приводит важнейший для христианской мысли синхронизм «Христос — Август». Признавая, что рождение Сына Божьего произошло одновременно с рождением Римской империи, Мелитон прямо заявляет, что с воцарением Августа, когда христианская религия утверждается у римлян, она приносила только счастье Империи: «... с тех пор росли и мощь, и слава Рима... начиная с царствования Августа, на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно» (Eus. *HE* IV.26.7–8).¹

¹ О концепции Мелитона особо см.: Peterson E. *Der Monotheismus als Problem*. Leipzig, 1935.

Уже формулируя задачи своего труда, Лактанций заявляет о себе как о явном приверженце мелитоновской концепции. Он обещает поставить в центр своего внимания, с одной стороны, судьбу императоров, преследовавших Церковь, а с другой — императоров, этой Церкви покровительствующих, а также показать непосредственное участие в этих событиях Бога и Его первостепенную роль в восстановлении Церкви и мира: «Мне бы хотелось своим сочинением свидетельствовать о конце их, [императоров-преследователей], жизни, чтобы все, кто были далеко, либо еще только будут жить, узнали, как Бог, полный мужества и величия, явил свыше уничтожение врагов имени Своего. А значит, уместно будет, если наряду с императором, приведшим Церковь в порядок, я опишу и тех правителей, которые были ее гонителями, и как в наказании их проявилась строгость Небесного Судии» (С 1.7).

Все историческое повествование Лактанция «О смерти гонителей» делится на две части. Первая, занимающая пять глав (С 2–6), охватывает более чем двухсотлетний период истории от образования Церкви Христом и апостолами (С 2.2) до гибели императора Аврелиана (С 6.3). Вторая, составляющая главное содержание книги, посвящена современным автору событиям: Великому гонению и торжеству Константина Великого и Лициния (С 7–52).

В первой части произведения история объясняется Лактанцием исключительно в мелитоновском духе. Изложение событий от образования Церкви до начала правления Диоклетиана выглядит весьма спекулятивным. Лактанций превращает этот период истории в череду примеров несчастной участи императоров, посмеявших не только начать гонения на христианскую Церковь (Нерон, Домициан, Деций и Валериан), но даже только помыслить об этом (Аврелиан). Лактанций намеренно спрессовывает время, сближая друг с другом эпохи антихристианских преследований и выделяя тем самым факты, важные для обоснования главной мысли. Цель данных отрывков не в том, чтобы представить историю в стереоскопическом изображении, но показать, что всякий раз антихристианская политика императора завершается наказанием этого правителя Богом.¹

¹ Применение Лактанцием в изложении истории принципа возмездия «плохим» императорам, начиная с Нерона, оказывается универсальным для исторической концепции автора «О смертях преследователей». Это, по мнению

Идея наказания нечестивых императоров дополняется у Лактанция позитивными оценками времен, не знавших гонений. Воспроизводя характеристики, данные апостольскому времени Лукой,¹ и пока не связывая успехи христианства с существованием Империи, Лактанций проводит концепцию безусловного «прогресса» церковной истории в апостольский период. Он пишет о быстром и значительном по масштабам распространении христианской веры, когда «в течение двадцати пяти лет, вплоть до начала правления Нерона, [апостолы] распространили по всем провинциям и городам основания Церкви» (С 2.4). Дальнейшие же успехи Церкви, которых она достигла после гонений Нерона и Домициана, уже напрямую связаны у Лактанция с деятельностью благочестивых императоров: «...Церковь... была не только возвращена в прежнее состояние, но расцвела и засияла великим блеском, и в безмятежные времена, когда кормило государства удерживали великие и добродетельные императоры Римской империи, не допускавшие никаких вражеских происков против нее, руки свои простерла и на восток, и на запад» (С 3.4). В то же время для Лактанция важно, что терпимая политика способствует не только успехам Церкви, но само расширение Церкви приводит к всеобщему благополучию. Так, в период правления веротерпимых императоров Церковь расширилась настолько, что «уже не было никакого, самого отдаленного уголка земли, куда бы не проникло почитание Бога, и не было никакого, живущего дикими обычаями народа, что не смягчился бы для дел праведных, устремленный к поклонению Богу» (С 3.5). Терпимость в отношении христианской Церкви обеспечивает спокойное правление даже будущему гонителю Домициану: «...он довольно долго правил, не подвергаясь опасности, пока не устремил нечестивых рук своих против Господа» (С 3.1).

Г. Тромпфа, отличает концепцию нашего автора от позиции Евсевия, применявшего этот принцип к судьбам императоров лишь эпохи Великого гонения. См.: *Trompf G. W. The Logic of Retribution in Eusebius of Caesarea / / History and Historians in Late Antiquity / Eds. B. Croke, A. Emmett. Sydney, 1983. P. 134.*

¹ Идея распространения христианства из Иерусалима сначала к самарянам, затем к эфиопам и далее вплоть до Рима является фундаментальной идеей «Деяний апостолов». См. об этом: *Тищенко С. В. Основные мотивы интерпретации Лк / / Канонические Евангелия. М., 1993. С. 276.*

Рассказы Лактанция о первых гонителях весьма кратки, что позволяет читателю ясно понять авторскую оценку случившегося. Так, он сообщает, что Нерон начал преследовать Церковь, убил апостолов Петра и Павла, и тогда Бог «увидел мучения народа Своего» и низверг тирана (С 2.6–7). Домициан, правивший несправедливо, начал гонение и после этого «претерпел наказание, будучи предан в руки врагов» (С 3.1–2). Деций «начал бесноваться против Бога», вскоре после этого попал в окружение и был убит варварами (С 4.1–3). Валериан «поднял руку нечестивую на Бога... но Бог поразил его новым и исключительным видом наказания»: попав в плен к персам, император до смерти влачил рабское существование (С 5.1–6). Наконец, Аврелиан «жестокими злодеяниями своими прогневил Бога», но еще до открытия гонений был убит приближенными (С 6.1–2). Рассказы о первых гонениях не только чересчур кратки, но почти лишены деталей. Связь между действием героя и реакцией на него со стороны Бога настолько непосредственная, а приводимые в качестве примеров ситуации настолько схожи между собой, что возникает ощущение, что перед нами скорее *exempla*, нежели собственно исторические события. Это впечатление усиливается благодаря тому, что Лактанций слабо разрабатывает данный период на хронологическом уровне. Гонения датируются прежде всего по правлениям императоров, их инициировавших, а также через неопределенные хронологические пометы типа: «несколько лет спустя» (Домициан, С 3.1), «спустя много лет» (Деций, С 4.1), «несколько позже» (Валериан, С 5.1). Абсолютно «вне времени» оказывается гонение Аврелиана: читатель не может даже догадаться, сколь долгий срок отделяет его от преследований Валериана, также как и определить продолжительность религиозного мира, последовавшего за ним (С 6.1).

Инициаторами гонений у Лактанция выступают нечестивые императоры. Христианский историк вслед за своими языческими предшественниками, а также следуя за писателями-единоверцами предшествующего века, ищет причины исторических событий в человеческих особенностях, представляя гонения как события случайные и лишая их демонической окраски.¹ При этом, давая императорам-гонителям краткие

¹ Лишь в конце сочинения, в риторическом финале Лактанций, выражая надежды на будущее благополучие, упоминает в качестве виновника разруше-

характеристики, которые совершенно не складываются у него в индивидуальные портреты, историк следует и другой традиционной для апологетической литературы идее: гонители христиан — люди, прежде всего, негодные. На примерах первых гонителей Лактанций стремится в духе Тертуллиана примирить собственное христианское негативное отношение к гонителям с традиционным для римской традиции осуждением таких императоров, как Нерон и Домициан.¹

Итак, история, охватывающая весьма длительный период времени от гонения Нерона до преследования Аврелиана, превращается Лактанцием в повторение одной и той же исторической модели. Эта повторяемость, безусловно, лишает историю у Лактанция истинного развития, однако именно ее обнаружение позволило христианскому историку увидеть в прошлом определенную закономерность. Принцип, обнаруженный на материале более чем двухсотлетней истории, Лактанций активно использует для объяснения центрального события: Великого гонения и гражданской войны в Римской империи времен тетрархии.

ния религиозного и гражданского мира дьявола (С 52.5), однако эта теоретическая посылка не разрабатывается на уровне изложения исторических событий. Подобный подход к объяснению причин гонений на Церковь как событий случайных, спровоцированных недостойными людьми, можно обнаружить и у Евсевия Кесарийского в «Церковной истории». См.: *Кривушин И. В.* Ранне-византийская церковная историография. СПб., 1998. С. 110.

¹ Именно стремлением Лактанция сблизить свое «христианское» отношение к императорам-гонителям с традиционным для римской литературы осуждением этих императоров объясняется тот факт, что в этом сочинении перечисляются далеко не все гонители христианства. Как считается, находясь в зависимости от оценок языческих историков, а также в угоду стереотипам читательской аудитории, Лактанций намеренно отстранился от изложения истории гонений при Траяне и Марке Аврелии, императорах, удостоенных высоких оценок в языческой историографии. См. об этом: *Соколов В. С.* Историческая концепция Лактанция // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 341; *Roller K.* Die Kaisergeschichte in Laktanz de Mortibus Persecutorum. Giessen, 1927. S. 38; *Christensen A. S.* Op. cit. P. 17; *Zecchini G.* La storiografia cristiana latina del IV secolo (da Lattanzio ad Orosio) // I Cristiani e l'Imperio nel IV secolo. Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico / A cura di G. Bonamente, A. Nestori. Macerata, 1988. P. 173.

Основная часть сочинения Лактанция резко отличается от его первых отрывков. Краткие зарисовки сменяются подробным изложением исторических событий. Читатель узнает о причинах Великого гонения, его начале, первых результатах. Лактанций в духе античных историков сталкивает героев друг с другом, наполняя историю особым психологизмом. Перед нами раскрываются коварные замыслы Галерия, которые приводят к отречению Диоклетиана и Максимиана Геркулия. Лактанций во всех подробностях излагает перипетии гражданской войны, борьбу Константина Великого с политическими противниками и гибель каждого из коронованных гонителей христиан. Именно в написании данной части произведения Лактанций выступает достойным подражателем римских языческих историков и знатоком риторических законов, по которым следовало организовывать историческое сочинение. Как того требовал еще Дионисий Галикарнасский, Лактанций выбирает одну важную тему и один период, излагая события, современные ему, им самим пережитые. Центральная для всего сочинения мелитоновская концепция зависимости судьбы того или иного императора от его отношения к христианской Церкви укладывается в риторические и историографические каноны, выработанные в языческой античности. К ним в первую очередь относится понимание истории как череды политических конфликтов.

Главными героями исторической драмы Лактанция по-прежнему выступают императоры, чьи портреты на этот раз достаточно скрупулезно разработаны автором. Прекрасно знакомый с законами риторики, Лактанций не стремится, изображая императоров, к объективному их рассмотрению. Несмотря на значительные отступления от традиционных моделей жизнеописания, Лактанций при изображении современных ему императоров так или иначе ориентируется на античный психос (в портретах императоров-гонителей) и энкомий или панегирик (в портрете благочестивого Константина). Императоры-гонители для автора — негодные люди и дурные правители; нередко Лактанций называет их тиранами (С 16.7; 31.5; 49.1). Создавая портреты этих императоров, христианский историк не просто следует принципам античной риторики; те оценки, которыми Лактанций наделяет нечестивых правителей, свидетельствуют о его зависимости от установок, прежде всего

сенаторской римской историографии.¹ Эти императоры оказываются врагами римской аристократии, цвета Империи: Максимин Геркулий постоянно казнил богатых и знатных сенаторов, обвиняя их в измене (С 8.4–5); Галерий «лишал почестей первых людей» (С 21.3); Максимин Дайя казнил высокородных дам (С 40.1–3). Они мучают не только высокопоставленных граждан, но причиняют страдания всем людям (Галерий: С 21.2; 21.6–7; 31.3–4; Максимин: С 37.4–6). Эти императоры чародействуют (Диоклетиан: С 10.1; Максимин: С 37.1–2), пьянствуют, распутничают, совершают насилия (Максимин Геркулий: С 8.5–6; Север: С 18.12; Максимин: С 38.1–2).

Однако Лактанций не ограничивается только этими характеристиками императоров-тиранов. В изображении нашего автора политика, проводимая императорами-гонителями, подчеркнута варварская, что Лактанций и показывает на протяжении всего своего сочинения. Всю вину за Великое гонение Лактанций возлагает на Галерия, императора, чье варварское происхождение, внешний вид и образ жизни он не устает подчеркивать: «Этому зверю была присуща врожденная дикость, чуждая римской крови... и словами, и поступками, и взором он наводил на всех страх и ужас» (С 9.2–4). Лактанций часто сравнивает его со зверем: «...он держал медведей, по дикости и величине не уступавших ему самому» (С 21.5); «Галерий сокрушался и рычал, подобно зверю» (С 32.4). Политика Галерия — это политика варвара не только в отношении христиан, но и всей Империи. Он пытался ввести в Риме обычай персов раболепствовать перед правителем (С 21.2); из-за презрения к римскому народу, чья вольность была ненавистна также Диоклетиану (С 17.2), Галерий даже намеревался переименовать Римскую империю в Дакскую (С 27.8). Просенатская позиция автора проявилась также в изображении падения нравов при дворе властителей Империи.

¹ *Roller K.* Op. cit. S. 29; *Kirsch W.* Triebkräfte der historischen Entwicklung bei Laktanz // *Klio*. Bd. 66. Heft 2. 1984. S. 627; *Cracco Ruggini L.* De morte persecutorum e polemica antibarbarica nella storiografia pagana e cristiana // *Rivista di storia e letteratura religiosa*. 1968. P. 433–447; *Zecchini G.* Op. cit. P. 175; *Momigliano A.* Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. // *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century* / Ed. A. Momigliano. London, 1963. P. 115; *Christensen A. S.* Op. cit. P. 80.

На противоположной стороне ценностной шкалы стоят «христианские» императоры, среди которых выделяется прежде всего Константин Великий. В изображении этого императора Лактанций использует также известные уже античной историографии средства: Константин — сын добродетельного отца (С 8.7), он обладает прекрасной внешностью, воинским талантом, его любят как воины, так и простые люди (С 18.10), сенат предпочитает его тиранам Максенцию и Максимину (С 44.11–12); и естественно, что вместе с ним приходит мир как гражданский, так и церковный (С 1.3, 48.1). В отличие от Галерия, варвара и разрушителя Римского мира, Константин становится подлинным основателем нового Римского государства. Добиться такого понимания Константина Лактанцию удастся с помощью особым образом подобранных цитат из знакомой каждому образованному римлянину «Энеиды» Вергилия. Уподобляя через них императоров-гонителей врагам Энея, Лактанций, как пишет датский исследователь А. Христенсен, «хотел показать, что теперь у Римской империи в лице Константина появился император, который мог быть сравним с мифическим предком римлян Энеем».¹

Рассказ о Великом гонении Лактанций начинает с портретных характеристик Диоклетиана (С 7.1–12), Максимиана Геркулия (С 8.1–6) и Максимиана Галерия (С 9.1–9), императоров, повинных в разрушении гражданского и церковного мира. Жесточайшее преследование Церкви оказывается продолжением и одновременно вершиной политического хаоса. Налоговая политика Диоклетиана вынуждает земледельцев оставлять свои наделы, в результате чего «некогда ухоженные пашни превращались в леса» (С 7.3). При Диоклетиане разрастается армия и чиновничий аппарат (С 7.4). Правление Диоклетиана сопровождалось постоянными конфискациями имений и богатств (С 7.11). И вот Диоклетиан, «после того как привел все к краху, не смог удержать рук даже от Бога» (С 7.1). В результате Лактанций стремится показать, что анти-

---

¹ А. Христенсен оспаривает традиционную точку зрения на то, что цитаты из «Энеиды» в сочинении Лактанция призваны лишь поэтизировать текст. По его мнению, которое он доказывает, анализируя каждую цитату и контекст, в котором она используется, Лактанций преследовал вполне конкретную идеологическую цель — возвышение Константина до уровня Энея. См.: *Christensen A. S. Op. cit.* P. 34–41.

христианская политика императоров-гонителей — явление того же порядка, что и политика антигражданская, а если шире, то и антиримская. Акцент на тезисе Тертуллиана о том, что гонители — дурные люди и правители, усилен изобразительными средствами.

Заканчивая череду портретных зарисовок трех тетрархов (Констанций Хлор намеренно обойден молчанием, «поскольку он не был похож на других и был достоин того, чтобы одному лишь владеть всей землей», см.: С 8.7), Лактанций вновь воспроизводит мелитоновский тезис. Он напрямую связывает личное благополучие императоров с их религиозной политикой: Диоклетиан, «хотя разорил государство подобными мерами и с помощью таких сподручных, хотя ничего не навлек на себя злодеяниями своими, все же счастливо правил лишь до тех пор, пока руки свои не запятнал кровью праведников» (С 9.11). Идея Божьего суда, которую Лактанций использовал для объяснения первых гонений, становится центральной в изложении кульминационного события, которое он изображает как человеческую драму, как традиционное для античной историографии противостояние «должного» и «недолжного» в поведении героев. Мы вновь не встретим на страницах сочинения Лактанция особой активности сил зла, Бог же у него вмешивается в историю лишь в критические моменты, оказывая помощь Своим избранныкам, когда историческое действие уже развивается.¹

Победы, одержанные императорами в начале их войны с Церковью, постепенно приближают их поражение (С 13.2). Так, Лактанций подчеркивает, что вслед за организацией злодеяний в отношении Церкви счастье начинает покидать Диоклетиана (С 17.1): он совершает поездку в Рим, в ходе которой его поражает болезнь (С 17.5–6), и, ослабевший здоровьем, он вынужден уступить власть своему завистнику — цезарю Галерию (С 19.3). Дальнейшую историю, все происходящее после начала гонений, можно рассматривать как наказание гонителей. Однако Лактанций не спешит вводить в исторический процесс Бога, возмездие Которого положило бы конец происходящим бесчинствам. Хаос должен достичь апогея.

---

¹ В данном случае мы не можем согласиться с мнением А. Христенсена, увидевшего в сочинении Лактанция картину противостояния Бога диаволу. См.: *Christensen A. S. Op. cit. P. 16.*

И мы видим, что гонения, начавшиеся в одной пространственной точке — в Никомидии, вскоре распространяются на большую часть Римской империи (С 16.1). Набирающие размах преследования демонстрируют на страницах сочинения Лактанция ту, все возрастающую, степень хаоса, которая достигается политикой императоров в государстве. История претерпевает явный регресс, лишаясь порядка и подчиняясь хаосу. Гонения на христиан перестают быть собственно гонениями, политика Галерия, принявшего Империю после Диоклетиана, в одинаковой степени направлена и против Церкви, и против государства (С 21.2–11; 22.1–3; 23.1–9). Война, начатая против христиан, переросла в войну против всех граждан. Лактанций даже описывает происходящее при Галерии в терминах, применимых к изложению военных событий: «...это имело вид вражеского набега и ужасного завоевания <...> всюду слышны были лязганье оков и удары плетей <...>, что предки по закону войны совершали в отношении побежденных, Максимиан Галерий решил устроить в отношении римлян и римских подданных» (С 23.1–2,5).

Высшей точкой гражданского беспорядка оказывается война, разразившаяся между императорами. В изображении событий этой войны Лактанций решает не только выдвинутую им в начале произведения задачу — доказательство неизбежности Господнего возмездия противникам Церкви и торжества боголюбивых императоров, но демонстрирует участие Бога в восстановлении всеобщего, в том числе и гражданского, порядка. При этом автор невольно смешивает политических противников боголюбивых Константина и Лициния (прежде всего Максенция и Севера, в проведении антихристианской политики не участвовавших, но в управлении государством проявивших себя тиранами) с гонителями истинной веры. Благодаря этому произведение Лактанция превращается в действительную драму борьбы добра со злом.¹ Именно излагая события гражданской войны, Лактанций выводит на историческую арену главного участника разыгрываемой драмы — Бога, Который в этой войне поддерживает благочестивых императоров Константина и Лициния и наказывает нечестивых правителей.

¹ Christensen A. S. Op. cit. P. 15.

В событиях гражданской войны, несмотря на то, что последняя несет крах власти гонителей, а это, в свою очередь, трактуется Лактанцием как проявление суда Божьего (С 24.1), необычайно возрастает сюжетная роль императоров. Лактанций все меньше обращается к проблеме гонений, и само историческое повествование обретает еще более светский характер. Автор нередко решает исторические сюжеты исключительно в духе античной, языческой историографии. Это становится особенно заметным при анализе используемого Лактанцием способа объяснения и описания политических конфликтов, прежде всего битв.

Все политические события, не затрагивающие напрямую судьбу христианской Церкви, Лактанцием трактуются как осуществление человеческих устремлений или же игра случая. Христианский историк не стремится объяснять их как реализацию Божественного Промысла. Бог вообще никак не участвует в разрешении тех политических конфликтов, описание которых приводит Лактанций. Изначально заявляя, что все неудачи Галерия являются Господним судом над этим гонителем (С 24.1), Лактанций тем не менее не выражает эту идею при непосредственном изображении истории. Идея Бога отступает на второй план, в центре же оказываются человек (индивид) и человеческие общности (толпа, войско).

Рассказы о битвах у Мульвийского моста (между Константином и Максенцием) и на Серенских полях (между Лицинием и Максиминем Дайей), в которых решается судьба христианской Церкви, являются для автора сочинения не просто историческими актами, а выступают примерами реализации провиденциальной сущности исторического процесса. Итог сражения у Мульвийского моста оказывается уже предрешенным еще до столкновения войск на поле брани, как только Константин исполняет требование, предъявленное ему во сне, приказывая воинам изобразить на своих щитах знак Христа (С 46.5). Предрешенным оказывается и исход битвы при Адрианополе, на Серенских полях, после того как Лициний и его войско произносят молитву (С 46.10). Поэтому военные усилия сторон теряют всякий смысл.

Если в греко-римской историографии особую роль в сражении играла личность стратега, способная изменить ход событий, то для Лактанция эта роль становится второстепенной. На протяжении всего изложения хода битв этот христианский автор не называет ни одного конкретного

полководца, не вспоминает также о воинских способностях предводителей войск — императоров. Личные качества императоров как полководцев в данном случае не играют никакой роли и не определяют хоть в какой-то степени исход сражения. Роль личности отступает на второй план. И Константин, и Лициний исполняют требования, услышанные ими во сне. Роль коллективных участников истории в происходящем также незначительна: римляне бранными криками заставляют Максенция покинуть город, за пределами которого он погибает (С 44.7–9); воины Лициния вместе со своим императором хором произносят молитву (С 46.11). Главным лицом в сражении оказывается Бог, и не случайно Лактанций сообщает о первоначальном перевесе Максенция, равно — о неудачах Константина, а затем об успехах Максимиана, противника Лициния. Кажется, что не в человеческих силах переломить ход происходящего, поэтому вмешательство Бога становится исторически необходимым и оказывается решающим фактором в разворачивающихся событиях.

В рассказах об обеих битвах, венчающих историю гонения и гражданской войны, Лактанций выражает «доминанту» Провидения, не только включая Бога в историю, но и особым образом датируя эти сражения, упоминая, что битвы происходят в день годовщины обретения власти Максенцием (С 44.4) и, позднее, Максимином (С 46.8). Используя данные хронологические пометы, автор показывает важность ожидаемого события для противников Константина и Лициния. Господь разрушает человеческие замыслы. Герой бессилен перед необходимостью, источник которой в Божественной идее, и история наглядно демонстрирует это.

Включая рассказы об этих битвах в изложение событий Великого гонения, Лактанций наделяет два решающих для христианской истории сражения дополнительным смыслом: они оказываются у Лактанция событиями, положившими конец Великому гонению. Сразу вслед за рассказом о последней битве Лактанций сообщает о выходе в свет Медиоланского эдикта о веротерпимости и этим событием определяет хронологическую границу всего периода (С 48.13).

Сложно определить, насколько Лактанций в момент завершения работы над своим историческим сочинением сознавал действительное значе-

ние победы Константина. С одной стороны, его оптимистические высказывания в начале и в конце сочинения подчеркивают тот особый статус, который он придавал победам Константина и Лициния: «Бог возвысил императоров, которые сокрушили безбожное и кровавое господство тиранов, проявили заботу о роде человеческом <...> ныне, после беспресветного периода неистовых бурь воссияла тихая аура и желанный свет. Теперь же, смягченный мольбами рабов Своих, Бог поддерживает обесиленных и несчастных небесной помощью. Теперь [Он] утирает слезы горюющих, уничтожив заговор нечестивых» (С 1.3–4); «Бог сразил всех преследователей имени Своего таким образом, что не осталось ни побега, ни единого корешка их» (С 50.1). С другой стороны, действительная историческая трансформация, связанная с образованием «христианской Империи», является скорее предметом надежд Лактанция, нежели сознаваемой им исторической реальностью. Вот как звучат финальные строки сочинения: «Так восславим же с ликованием триумф Божий, возвеличим хвалами победу Господа, восславим Его дневными и всенощными молитвами, восславим, чтобы Он мир, дарованный рабам Своим после десяти лет гонений, упрочил в веках... чтобы Он, милостивый и снисходительный, милосердие Свое предвечное сохранял к рабам Своим; чтобы все козни и напасти диявола отвратил Он от народа Своего; чтобы Церковь цветущую в вечном спокойствии берег» (С 52.4–5). Времена Великого гонения и победы Константина Великого действительно оказываются для Лактанция эпохой, замкнутой между тем, что было, и тем, что будет.¹

Также и в «Божественных установлениях» Лактанций, полностью разделяя эсхатологические ожидания ранних христиан и веря в скорую гибель Римской империи, а вместе с ней и всего мира,² и связывая с этим окончательное наступление истинного «золотого века»,³ лишь высказы-

---

¹ См. нашу статью о Лактанции: Тюленев В. М. Лактанций как историк: между тем, что было, и тем, что будет // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе / Под ред. И. В. Кривушина. Иваново, 1998. С. 101–118.

² Весьма показательны в этом плане рассуждения Лактанция по поводу античной теории исторических возрастов Рима, которые апологет завершает утверждением о близящейся смерти Римского государства (БУ VII.15).

³ О концепции «золотого века» Лактанция см.: Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. С. 62–68, 96–101.

вал надежду на то, что обращение Константина Великого будет иметь важные исторические последствия. В этом смысле Лактанций безусловно уступает Евсевию Кесарийскому, уловившему историческую значимость переворота Константина и увидевшему в нем действительного создателя «христианской Империи».¹

«Эпитомы Божественных установлений» (*Epitome Divinarum institutionum*)

Ввиду того, что «Эпитомы» в силу своего жанра изначально предполагают сжатое повторение уже высказанных автором идей, мы ограничимся в данном случае лишь самыми общими и формальными замечаниями, адресовав читателя к статье, опубликованной в первом томе «Сочинений» Лактанция и посвященной обзору представлений этого христианского апологета, нашедших отражение в «Божественных установлениях».²

Итак, последнее из представленных в настоящем томе сочинений Лактанция является его собственным конспектом главного литературного творения — «Божественных установлений». Как следует из риторического предисловия или пролога, открывающего сочинение, Лактанций откликнулся на просьбу брата по вере Пентадия и составил для него сокращенный вариант семи книг «Установлений», о которых говорит как об уже давно написанных (Э пр. 1). Это замечание — единственное, которое позволяет нам догадываться хотя бы о приблизительном времени написания «Эпитом». Что касается точной даты выхода их в свет, то мы, пожалуй, никогда ее не узнаем. Абсолютно точно можно сказать лишь то, что они были созданы после 313 г.³ «Эпитомы» сохранились и дошли

¹ О новации Евсевия как создателя теории «христианской Империи» см.: *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. С. 115–117.

² Следует, однако, заметить, что, несмотря на некоторую вторичность «Эпитом» относительно «Божественных установлений», Лактанция ни в коем случае нельзя обвинять в отсутствии у него творческого подхода даже к составлению брeвиария. Повторяя большинство положений, уже высказанных в «Божественных установлениях», Лактанций, выделяя из них главные и важные для себя, стремится максимально четко выразить собственную концепцию.

³ *Harnack A.* Op. cit. S. 420.

до нас в трех рукописных сводах, два из которых — Болонский VI–VII вв. и Парижский IX в. — уже упоминались. Третья рукопись «Эпитом» — это Туринский манускрипт I b VI 28, который исследователи относят к VII в.¹

Насколько нам известно, «Эпитомы Божественных установлений» Лактанция впервые переводятся на русский язык. По крайней мере, издание литературных трудов этого апологета, осуществленное в середине XIX столетия Е. Карнеевым и долгое время сохранявшее авторитетность, ограничивается публикацией четырех прозаических произведений Лактанция. Так что у отечественного читателя появляется возможность самому увидеть динамику развития взглядов христианского писателя начала IV в.

Мы надеемся, что публикация сочинений Лактанция лишь откроет путь к активному изучению творческого наследия этого поистине удивительного, совершенно античного христианского мыслителя.

* * *

В малых сочинениях Лактанций, так же как и в «Божественных установлениях», для доказательства своей позиции активно привлекает материал античной литературы и книг Священного Писания. В переводе «Эпитом Божественных установлений» мы предлагаем читателю прочтение основных цитат из книг Ветхого Завета по Синодальному переводу, кроме тех случаев, где Лактанций вольно или невольно искажает смысл текста Библии — там мы даем свой перевод с необходимыми пояснениями в примечаниях.

Стихотворные цитаты из классических сочинений греческой и римской античности, а также из «Песен Сивилл», кроме особых случаев, оговоренных в примечаниях, даются в существующих авторитетных переводах по следующим изданиям:

Вергилий. Георгики / Пер. С. В. Шервинского / / *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

Вергилий. Энеида / Пер. С. А. Ошерова / / *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

¹ Brandt S. Prologomena... S. VIII–IX; Albrecht Michael von. Op. cit. P. 1606.

Книги Сивилл / Пер. М. Г. и В. Е. Витковских. М., 1996.

Луцилий. Сатиры / Пер. Е. Г. Рабинович / Римская сатира. М., 1989.

Овидий. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. М., 1977.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1983.

Прозаические цитаты из сочинений античных писателей даются в нашем переводе и сверены с существующими изданиями этих произведений в русских переводах по изданиям:

Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова / Платон. Собрание сочинений в 4-х т. М., 1994. Т. 3.

Платон. Федон / Пер. С. П. Маркиша / Платон. Собрание сочинений в 4-х т. М., 1993. Т. 2.

Сенека. О гневе / Пер. Т. Ю. Бородай / Сенека. Философские трактаты. СПб., 2001.

Цицерон. О природе богов / Пер. М. И. Рижского / Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

Цицерон. О дивинации / Пер. М. И. Рижского / Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

Цицерон. О государстве / Пер. В. О. Горенштейна / Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1972.

Цицерон. Письма / Пер. В. О. Горенштейна. В 3-х т. Л., 1949–1951.

Цицерон. Речи / Изд. подг. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пасек. В 2-х т. М., 1993.

Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова / Цицерон. Избранные сочинения. М., 2000.

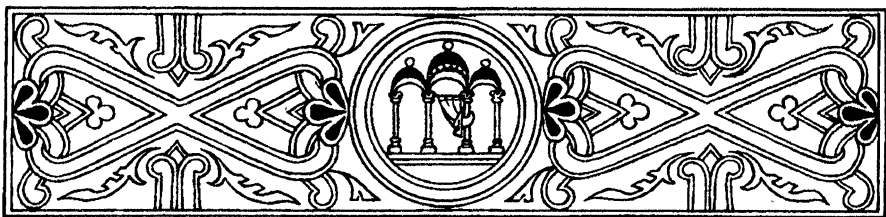
* * *

В заключение хотелось бы выразить благодарность тем людям, которые помогли и продолжают помогать мне в реализации моих научных интересов и сделали возможным появление представленного в настоящем издании перевода сочинений Лактанция. В первую очередь хотелось бы сердечно поблагодарить доктора исторических наук, профессора Ивана Владимировича Кривушина, под научным руководством которого в свое время началось мое изучение исторических взглядов Лак-

танция; доктора исторических наук, профессора Галину Евгеньевну Лебедеву, под чьим руководством мною была написана и защищена докторская диссертация по проблемам христианской исторической мысли IV — начала V в.; кандидата филологических наук, доцента Людмилу Алексеевну Самуткину — за помощь в переводе греческих отрывков в текстах Лактанция.

В. М. Тюленев

О ТВОРЕНИИ БОЖИЕМ

1. 1. Сколь мало во мне покоя и в каком серьезном я нахожусь затруднении, ты можешь понять по этой книжице, о Деметриан,¹ которую в весьма незамысловатых фразах составил для тебя мой заурядный талант. Я написал ее, чтобы ты узнал о ежедневных трудах моих и чтобы не был ты лишен моего наставления и сейчас, но уже в более достойных вопросах и в гораздо лучшем учении. 2. В самом деле, если ты оказался весьма способным учеником в литературных занятиях, не дающих ничего другого, кроме [знания] языка, то насколько более восприимчивым ты должен быть при постижении этих истинных и имеющих отношение к жизни вопросов? От этого, я открыто заявляю, не удержат меня ни сложность задуманного предприятия, ни тяготы времени, которые помешали мне написать то, благодаря чему философы нашего учения [philosophi sectae nostrae], которое я защищаю, стали бы в будущем более сведущими и более учеными.

Сейчас их плохо слушает и порицает не только народ, но и те, кто живут как подобает мудрецам и кто скрывают под этим именем свои пороки, от которых они должны излечивать [других] и сами бежать прочь, чтобы самой жизнью, согласующейся с предписаниями, хранить благое и непорочное имя мудрости. 3. Несмотря на это, я не остановлюсь ни перед какой преградой, лишь бы наставить и наших [единоверцев], и всех прочих. Ибо я не могу не помнить о своем долге особенно тогда, когда нельзя о нем забывать, так же, как, я надеюсь и уповаю, не забываешь и ты о своем. 4. В самом деле, хотя государственные дела

---

¹ Деметриан — ученик Лактанция по риторской школе, которого теперь он наставляет в христианском вероучении.

отвлекают тебя от истинных и праведных дел, но все же не может быть, чтобы *ум, правоту за собой признающий*,¹ перестал взирать вдруг на небо. 5. Хотя я и рад, что все, признаваемое благом, течет в руки твои, но лишь бы это не повредило твоей душе. Действительно, я боюсь, как бы привычка к этим благам и привлекательность их мало-помалу, как обыкновенно случается, не вкрались в душу твою. 6. И потому я напоминаю *и вновь, и вновь о том же напому*,² чтобы ты не считал те земные наслаждения великим и истинным благом; они не только обманчивы, ибо сомнительны, но и опасны, ибо сладостны. 7. Ведь ты знаешь, сколь хитер и свиреп наш противник и враг, особенно, как мы видим, теперь. Он все то, что способно соблазнять, использует в качестве ловушек, причем столь изощренных, что они не различимы очами разума, так что даже человеческая осторожность не в состоянии избавиться от них. 8. Стало быть, высшее знание — ступать осторожно, ибо то здесь, то там он расставил засады и вырыл под ногами ловчие ямы. 9. Вот я и советую, чтобы благополучие свое, в котором ты сейчас пребываешь, ты, если сможешь, презрел бы с помощью добродетели своей или, по крайней мере, не слишком ему радовался. Помни истинного Отца своего, в граде Которого ты живешь и общности Которого ты принадлежишь. Ты, конечно, понимаешь, о чем я говорю. 10. В самом деле, я не уличаю тебя в высокомерии, но то, что я говорю, следует относить к душе, а не к телу, вся суть которого в том лишь и состоит, чтобы служить душе, словно госпоже, и управляться ее волей. 11. Ибо оно является в некотором роде глиняным сосудом, в который заключена душа, т. е. подлинный человек, и создано не Прометеем, как утверждают поэты, а Богом, Высшим Создателем и Творцом мира, Божественное Провидение Которого и совершеннейшую добродетель невозможно ни чувством постичь, ни словом истолковать. Поскольку я упомянул о теле и о душе, то все же постараюсь, насколько я в скудоумии своем это вижу, разъяснить сущность того и другого.

12. Я считаю нужным взять на себя эту задачу по той особенно причине, что Марк Туллий, муж выдающегося ума, попытавшийся сделать

¹ Вергилий. Энеида. I.604. Перевод наш. — В. Т.

² Там же. III.436.

это в своей четвертой книге *О государстве*, ограничил обширный материал узкими пределами. 13. А чтобы его вдруг не стали обвинять в том, что он не проследил этого вопроса до конца, он сам заявил, что у него не было недостатка ни в доброй воле, ни в старании,¹ но в своей первой книге *О законах*, мимоходом коснувшись этого вопроса и подводя итог, пояснил: «Сципион, мне кажется, достаточно ясно все изложил по этому вопросу в тех книгах, которые вы прочитали».² Правда, позже, во второй книге *О природе богов*, он попытался осветить данный вопрос шире.³ 14. Однако поскольку даже там он сказал недостаточно, то я возьму эту задачу на себя и дерзну рассмотреть то, что красноречивейший муж оставил почти нетронутым.

15. Возможно, ты осудишь меня за то, что я задумал рассуждать о чем-то, относящемся к туманным вопросам. Посмотри, в каком безрассудстве пребывали люди, именующиеся в народе философами, когда искали то, что Бог захотел полностью сокрыть и оставить тайной, и пытались обнаружить природу небесных и земных вещей, которые от нас весьма далеки и которых нельзя увидеть глазами, ощупать руками, почувствовать, и при этом так спорили о сущности их, словно хотели, чтобы их точка зрения была признана и очевидна.

16. А раз так, то почему кто-то станет осуждать меня за то, что и я захотел внимательно рассмотреть и обсудить существо нашего тела? Это совершенно не туманный вопрос, так как на основе анализа функций членов и пользы отдельных частей его мы можем постичь, какой силой Провидения и для чего тело было создано.

2. 1. Бог, наш Создатель и Родитель, дал человеку чувство и разум, чтобы из этого стало очевидным, что мы рождены Им, ибо Он Сам — познавательная сила, Сам — чувство и разум. 2. Поскольку же Он не наделил прочих животных этой разумной силой, то заранее определил, каким образом жизнь их была бы более защищенной. Он покрыл их собственными шкурами, чтобы они могли легче переносить силу жара и холода. 3. Каждому виду Он дал собственную защиту для отражения

---

¹ Цицерон. О государстве. IV.1.1.

² Цицерон. О законах. I.27.

³ См.: Цицерон. О природе богов. II.18.47–49.

врагов, чтобы они или противостояли более сильным, [данным им] от природы оружием, или, если слабы, избегали опасности благодаря своей быстроте, или, если лишены и сил, и скорости, ловко скрывались и прятались в норах. 4. И вот одни из них благодаря легкому оперению парят в высоте, другие наделены копытами, иные вооружены рогами, у некоторых защитой служат зубы в пасти или острые когти на лапах. Никто не лишен собственного оплота. 5. Даже если они служат добычей более сильных животных, то вид их все равно не истребляется полностью. Такие животные либо скрываются в местах, где не может быть крупных зверей, либо они столь плодовиты, что и зверям, которые питаются кровью, хватает пропитания, и опасность прекращения рода покрывается самим их множеством. 6. Человека же, даровав ему разум, наделив способностью размышления и речи, Бог лишил того, что предоставил прочим животным, поскольку человек с помощью разума может восполнить для себя все то, в чем ему отказано его природой. В самом деле, он остался голым и беззащитным, потому что благодаря своей сообразительности может защитить себя и одеть с помощью разума. 7. Нельзя и высказать, сколь удивительно служит красоте человека то, что он лишен тех членов, которыми награждены прочие животные. В самом деле, если бы Бог дал человеку звериные зубы, рога, копыта, когти, хвост и волосы разных цветов, то кто бы не счел его столь же безобразным, как и бессловесных животных, если бы они были созданы голыми и беззащитными? 8. Если ты отнимешь у них или природный покров их тел, или то, чем они вооружены, то утратят они и красоту, и защиту; так что они выглядят удивительно оснащенными, если ты смотришь с точки зрения пользы, и украшенными, если смотришь с точки зрения внешней привлекательности. Настолько удивительным образом полезность согласуется с красотой!

9. Человека же Бог, поскольку сотворил его вечным и бессмертным животным, вооружил не снаружи, а изнутри, и защиту его поместил не на теле, а в душе. Ведь было излишним покрывать его телесным оплотом, когда была дарована ему гораздо большая [защита], и особенно когда тот [наружный] оплот скрывал бы красоту человеческого тела. 10. Поэтому я обычно удивляюсь безумию философов, следующих Эпикуру, которые порицают творения природы, чтобы показать,

будто мир не создан и не управляется никаким Провидением, но приписывают начало вещей неделимым и твердым телам, от чьих случайных соединений все родилось и [впредь] будет рождаться. 11. Я обхожу молчанием то, что они порочно говорят относительно самого мира, в чем они безумствуют до смешного, но остановлюсь лишь на том, что имеет отношение к предмету, о котором мы сейчас рассуждаем.

3. 1. Эпикурейцы сетуют на то, что человек рождается немощным и более слабым, нежели прочие животные, которые, как только выходят из утробы, тотчас же встают на ноги свои и резвятся, бегая туда-сюда, и они не боятся [холодного] ветра, ибо выходят на свет защищенными природным покровом. Человек же, напротив, выходит [из утробы] голым и беззащитным, являясь к несчастьям этой жизни, словно [моряк] после кораблекрушения.¹ Он не может ни сдвинуться с места, где был рожден, ни найти питательного молока, ни сносить тягот времени. 2. И природа [словно] не матерью является роду человеческому, а мачехой, которая весьма ласково обходится с бессловесными животными, но с человеком столь жестока, что немощный, бессильный и нуждающийся во всякой помощи, он не может ничего, кроме как с плачем и в слезах сетовать по поводу своей несчастной участи, поскольку

Много ему предстоит испытать злключения при жизни.²

3. Когда они говорят такое, то кажутся весьма разумными по той причине, что никто по безрассудству своему не знает своего состояния, я же утверждаю, что они сами никогда не были столь безумны, как в тот момент, когда говорили такое. 4. В самом деле, анализируя состояние вещей, я понимаю, что ничего не должно было (не скажу, что не могло, ибо Бог может все) возникнуть иначе, но необходимо, чтобы Провидение могуществом своим создало то, что было бы наилучшим и правильным.

5. И вот мне хочется спросить у тех порицателей божественных творений, что же плохого в том, что человек рождается слабым? Неужели люди по этой причине не растут, неужели они не достигают зрелости лет, неужели слабость препятствует их росту или здоровью, если то,

---

¹ Ср.: Лукреций. О природе вещей. V.222.

² Там же. V.227.

чего им недостает, возмещает разум? 6. Но чтобы человек вырос, говорят они, требуется много усилий, а чтобы вырос скот, конечно, меньше, ведь когда животные производят на свет молодняк, он не требует никакой заботы, кроме кормления. Выходит так, что молодняк, который сам по себе растет и мужает, получает молоко, которое находит, движимый природой, без всякой материнской заботы. 7. Что же? Неужели при воспитании птенцов, сущность которых отлична [от детенышей зверей], не требуется великих трудов, так что иногда кажется, будто они обладают чем-то от человеческой разумности? Ведь они либо строят гнезда из глины, либо выют их из веточек или из листьев, высиживают без пищи яйца, поскольку же не дано им вскармливать птенцов [молоком], то они ищут корм и целыми днями летают туда и обратно, ночами же защищают птенцов и согревают их. 8. Чем еще отличаются от них люди, кроме, пожалуй, того лишь, что люди не прогоняют выросших детей, а сохраняют с ними неразрывную и кровную связь? 9. А как насчет того, что птенцы гораздо слабее детей человека, поскольку не сразу рождаются, но вылупляются из яиц, согретых теплом и жаром материнского тела? Когда же они вылупляются, то лишены еще оперения и слабы не только для того, чтобы летать, но даже для того, чтобы ходить. 10. Так не безумцем ли окажется тот, кто сочтет, что природа дурно обошлась с птицами, во-первых, потому что они дважды рождаются, а во-вторых, потому что рождаются столь слабыми, что должны вскармливаться родителями, с трудом отыскивающими пищу? Но те [философы] вспоминают о более крепких [животных] и оставляют без внимания более слабых.

11. Так вот, я спрашиваю у тех, кто предпочитают участь скота своей собственной, что бы они выбрали, если бы Бог дал им такую возможность: предпочли бы они человеческую разумность при [телесной] слабости или крепость скотов вместе с их природой? 12. Они, конечно, не до такой степени являются скотом, чтобы не предпочесть более слабую, чем даже сейчас, но человеческую разумность неразумной крепости.¹ Но, очевидно, эти хитрые мужи не хотят ни разума человека со

---

¹ Ср.: Цицерон. О государстве. IV.1.1; Лактанций. Божественные установления. V.11.2.

слабостью, ни крепости бессловесных [тварей] без разума. 13. Но нет ничего столь противоположного друг другу и столь враждебного [как телесная крепость и разум], поэтому всякое животное неизбежно вооружено либо разумом, либо природным дарованием. Если оно снабжено природной защитой, то разум излишен. Ведь что ему придумывать? Что он будет делать? Что сооружать? С другой стороны, в ком заключен свет разума, зачем природа ему будет давать то, что он может обрести с помощью рассудка? 14. Если кто наделен разумом, зачем нужна еще телесная защита, когда природные преимущества могут быть восполнены с помощью предоставленного разума? При этом разум настолько способствует облагораживанию и сохранению человека, что Бог уже не может дать ему ничего, что было бы лучше и сильнее разума. 15. Наконец, хотя человек и не обладает крепким телом, хотя у него недостаточно сил и слабое здоровье, все же, поскольку он получил нечто большее, он более укреплен и более оснащен, чем прочие животные. 16. Ведь хотя он рождается слабым и немощным, все же он защищен от всяких бессловесных [тварей], а все те, кто рождены более крепкими, даже если и стойко переносят стихию, все же не могут защитить себя от человека.

17. Итак, выходит, что разум дает человеку больше, чем природа бессловесным животным, поскольку ни огромные силы их, ни крепость тела не могут сделать так, чтобы они не покорялись нами и не находились у нас в подчинении. 18. Неужели кто-нибудь, когда увидит, что даже луканские быки,¹ имеющие огромные тела и великую силу, служат человеку, сможет сетовать по поводу Бога, Создателя мира, дескать, Он дал человеку малые силы и небольшое тело, и при этом по заслугам не оценит божественных милостей, оказанных ему? Такой человек неблагодарен или, как мы сказали бы лучше, безумец.

19. Платон, мне думается, чтобы обличить во лжи этих неблагодарных людей, благодарит природу за то, что он рожден человеком.² 20. Насколь-

---

¹ Луканскими быками называли слонов, которых римляне впервые увидели в Лукании в войске Пирра Эпирского.

² См.: *Плутарх*. Гай Марий. 46; *Цицерон*. О государстве. III.1.2; *Лактанций*. Божественные установления. III.19.17.

ко справедливее и рассудительнее тот, кто считает, что участь человека лучше [участи скотов], чем те, кто предпочел бы родиться скотом! Если бы Бог превратил их в тех животных, участь которых они предпочли бы своей, они наверняка стали бы стремиться к прежнему состоянию, со слезами прося об этом. В самом деле, нет такой мощи и крепости тела, чтобы ради нее отказываться от языка, не стоит свободный птичий полет того, чтобы лишать себя рук. Ибо руки дают больше, чем легкость крыльев и возможность летать, а язык дает больше, чем крепость всего тела. 21. Итак, какое же это безумие — предпочитать те [свойства], от которых ты отказался бы, если бы они тебе были даны!

4. 1. Те же философы сетуют на то, что человек подвержен болезням и безвременной смерти.¹ Они, наверное, досадуют, что рождены не богами. «Вовсе нет, — говорят они, — но мы из этого приходим к заключению, будто человек не был создан никаким Провидением, что должно быть по-другому». 2. А что, если я покажу, что было предусмотрено именно с великим разумением, чтобы можно было подвергаться [человеку] болезням и чтобы жизнь зачастую обрывалась вдруг в середине своего пути? Ведь Бог, когда задумал, чтобы животное, созданное Им, было подвержено смерти, для того чтобы человек мог принять смерть, которая является разрушением природы, дал ему слабость, которая бы готовила человека к приходу этой самой смерти. 3. В самом деле, если бы Он сотворил человека крепким, так что к нему не могли бы подступиться ни болезни, ни недуги, то и смерть бы не могла его одолеть, поскольку смерть является следствием болезней. Каким же образом может избежать безвременной смерти тот, кому смерть все равно уготована? Очевидно, они хотят, чтобы ни один человек не умирал, не достигнув столетнего возраста. 4. Каким образом мог бы помочь разум в этом противоречии? Ведь чтобы никто не умирал, не достигнув ста лет, человеку должна была быть дарована некая крепость, что делало бы человека бессмертным. Обретя ее, человек с необходимостью перестал бы быть подверженным смерти. 5. Каким же образом это может быть и что человека может сделать стойким к болезням и неподверженным внешним ударам? Ведь если он состоит из костей, сухожи-

---

¹ Лукреций. О природе вещей. V.221.

лий, мяса и крови, что может быть в них столь крепким, чтобы одолеть тленность и смерть? 6. Итак, чтобы человек был неуничтожим до того времени, которое, по их разумению, должно быть отведено человеческой жизни, из какого вещества они составили бы его тело? Все, что они могут видеть и ощущать, тленно. Остается, чтобы они искали что-то на небе, поскольку на земле нет ничего, что не было бы тленным. 7. Стало быть, поскольку Богом было задумано создать человека таким, чтобы тот был смертным, то сама суть подсказывает, что человека Он должен был сотворить из земного и тленного тела. Итак, человек необходимо когда-то принимает смерть, поскольку обладает телом. Ибо всякое тело подвержено разложению и смерти. 8. Следовательно, совершенно безумны те, кто сетуют о преждевременной смерти, поскольку место ей определено природой.

По той же причине человек также подвержен болезням. Ибо природа не терпит, чтобы тело, которое неизбежно когда-то разрушится, не было подвержено слабости. 9. Но предположим, что могло бы быть так, как хотят эти [эпикурейцы], а именно, чтобы люди рождались с таким преимуществом, чтобы никто не был подвержен ни болезням, ни смерти до тех пор, пока не доживет до глубокой старости. 10. Они не видят, что если бы было так устроено, то выходило бы, что человек никаким образом не может умереть в иное время, [т. е. не достигнув старости]. Но если человека может убить другой человек, то он может умереть [и прежде старости]. К тому же выходит так, что человеку, если он не может умереть раньше определенного дня, не нужна пища. Но если человеку не будет нужды в пище, то он уже будет не человеком, а Богом. Следовательно, как я говорил выше,¹ те, кто сетуют по поводу тленности человека, сетуют прежде всего на то, что они рождены не бессмертными и не вечными. 11. «Никто не должен умирать, кроме стариков». Но смертность не может сочетаться с бессмертием. Ибо если человек смертен в старости, то он не может быть бессмертным в юности; не избавлен от смертной участи тот, кто когда-то умрет, и лишен всякого бессмертия тот, кому установлен предел [в жизни]. 12. Получается, что человеку, поскольку он лишен бессмертия и обречен в

---

¹ См.: 4.1.

определенный момент на смерть, определена такая участь, что он может умереть в любом возрасте.

Итак, необходимость требует заключить, что человек не мог и не должен был сотворен быть как-то иначе. Но эти философы не увидели выводов, поскольку ошибались в самой сути. 13. Ведь поскольку они исключили из человеческой жизни Божественное Провидение, то поневоле выходило, что все было рождено само собой. Отсюда они выдумали столкновения мельчайших частиц и их случайные сцепления, ибо не видели начала вещей. 14. Когда они ввергли себя в эти заблуждения, уже необходимость принуждала их полагать, будто души рождаются вместе с телами и вместе с телами же умирают. Они добавляли, что Божественный Ум ни о чем не позаботился. Это они могли доказывать, не иначе как утверждая, что есть некоторые [вещи], в которых сила Провидения, по их мнению, не проявилась. 15. При этом они обращались к тому, в чем Провидение особенно явно выражает свою божественность, а именно к тому, что человек не избавлен от болезней и от преждевременной смерти, в то время как должны были бы, рассмотрев это, понять, что все это необходимо. 16. А именно, как я сказал, если бы человек не был подвержен болезням, то он не нуждался бы ни в жилищах, ни в одежде. Ибо зачем бы он стал бояться ветра, дождей и морозов, сила которых в том заключена, что они приносят болезни? Но для того он и получил разум, чтобы укрепить свою слабость среди опасностей. 17. Поскольку же он наследовал болезни, чтобы сдерживать их с помощью разума, то с необходимостью следует и то, что ему постоянно угрожает смерть. Ибо тот, кому не угрожает смерть, должен обязательно быть крепок. Слабость ведь включает в себе смертную участь, а где крепость, там не может быть места ни старости, ни смерти, которая следует за старостью.

18. Кроме того, если бы смерть была привязана к определенному возрасту, человек стал бы чрезвычайно высокомерным и лишенным всякой человечности. Ведь почти вся человечность, которой мы связаны друг с другом, рождается из страха и осознания слабости. 19. Ведь все более слабые и более робкие животные собираются [в группы], чтобы, поскольку не в состоянии защитить себя с помощью силы, защититься числом, а вот более крепкие предпочитают одиночество, поскольку полагаются на

силу и мощь. 20. И человек если бы также обладал для отражения опасностей достаточной мощью и если бы не нуждался в помощи другого [человека], то откуда бы взялась общность, откуда уважение друг к другу, откуда порядок, откуда взаимоотношения, откуда человечность? И что было бы ужаснее человека, свирепее его и злее? 21. Но поскольку он слаб и не может сам по себе, без [другого] человека, жить, то стремится к объединению, чтобы совместная жизнь стала более организованной и более безопасной. 22. Итак, знай, что сущность человека в том прежде всего и состоит, что он рождается голым и слабым, что подвержен болезням и претерпевает смерть. Если все это у человека отнять, то неизбежно надо отнять и разум, и мудрость.

23. Однако я слишком долго рассуждаю об очевидном, поскольку ясно, что ничего не создано без Провидения, и никогда не могло быть создано. Если бы я захотел сейчас поразмышлять обо всех его произведениях по порядку, это не имело бы конца. 24. Но я решил поговорить об одном только теле человека, чтобы показать через него силу Божественного Провидения, какова она, по крайней мере, в том, что видимо и осязаемо. Ведь то, что относится к душе, нельзя ни увидеть, ни ощутить. Теперь же скажем о самом сосуде человека, который мы видим.

5. 1. Когда Бог изначально создавал животных, Он не захотел, чтобы они приобрели круглую форму тела, когда бы они могли без труда перемещаться и катиться в каком угодно направлении, но поместил в верхней части тела голову. Также Он удлинил некоторые члены, которые называются ногами, чтобы они, попеременно двигаясь, перемещали по земле животных туда, куда их зовет ум или влечет голод или жажда. 2. Из этого самого телесного сосуда Он выделил четыре конечности: две сзади, которые у всех служат ногами, а также две ближе к голове и к шее, которые играют разную роль у животных. При этом у скота и у диких зверей они являются ногами, как и задние, у человека же руками, которые созданы не для ходьбы, а для того, чтобы ими что-то делать или что-то в них держать. 3. Есть и третий род [животных], у которого те передние конечности являются не ногами и не руками, а крыльями, в которых расположенные в определенном порядке перья служат для полета. Таким образом, одна и та же часть тела имеет разный вид и разные функции. 4. А чтобы обеспечить самой толще тела нерушимость,

Бог, соединив друг с другом длинные и короткие кости, изготовил что-то похожее на киль корабля, что мы называем хребтом. Он не захотел создавать его из одной цельной кости, когда бы животное не получило возможности ни ходить, ни нагибаться. 5. Из этой части, словно из середины, Он вытянул в обе стороны ребра, т. е. плоские поперечные кости, которые, несколько изгибаясь и почти соединяясь одна с другой, как бы образуя круг, закрывают внутренние органы, чтобы их, изначально более нежные и менее крепкие, мог защитить оплот прочного каркаса. 6. Вверху же той конструкции, которую мы уподобили килю корабля, Он поместил голову, чтобы она была царицей над всем этим животным, и дал ей это имя, как писал Цицерону Варрон, потому что отсюда получают начало чувства и нервы.¹

7. Те же члены, которые, как мы сказали, были выделены из тела ради ходьбы, полета или изготовления чего-то, Он захотел сделать из не слишком длинных костей (чтобы сохранялась подвижность) и из не слишком коротких (чтобы сохранялась крепость), но из немногих и при этом крепких костей. 8. В самом деле, их или две, как у человека, или четыре, как у четвероногих. Причем Он не создал их цельными. Чтобы их вялость и тяжесть не препятствовали ходьбе, Он сотворил их полыми и для сохранения крепости тела наполнил костным мозгом. И опять-таки Он не сделал их одинаковыми по всей протяженности, но верхнюю их часть увенчал толстыми узлами, чтобы они легче могли сочленяться с нервами и свободнее поворачиваться [verti], почему они и называются суставами [vertibula]. 9. Эти достаточно плотные узлы Он укутал в некий нежный покров, который называется хрящом, для того, конечно же, чтобы кости двигались без всякого трения и болевых ощущений. Хрящи Он также сотворил не по одному образцу. 10. Ибо одни Он создал простыми и изогнутыми в круг: в тех только суставах, в которых члены должны поворачиваться во все стороны, как в плечах, ведь рука должна двигаться и обращаться в любую сторону. Другие же Он создал широкими, ровными и закругленными только с одной стороны: в тех местах, где члены должны только лишь сгибаться, как в коленях, локтях и в кистях. 11. Ведь как красиво и вместе с тем полезно,

¹ См.: Varro. De ling. lat. Fr. 38.

что руки поворачиваются в любую сторону в том месте, где они начинаются, так, конечно же, было бы излишним и безобразным, если бы подобное движение происходило в локтях. 12. Ведь рука, утратив достоинство, которым обладает сейчас, из-за излишней подвижности уже казалась бы похожей на хобот, а человек был бы змееруким, каковая особенность удивительным образом была придана знаменитым огромным слонам. 13. Ведь Бог, который хотел явить Провидение и могущество Свое через удивительное разнообразие многочисленных творений, поскольку не создал голову этого животного длинной, чтобы слон мог дотянуться ртом до земли, что сделало бы его ужасным и безобразным, и поскольку сам рот его вооружил такими длинными бивнями, что даже если бы он и дотянулся [до земли], бивни не дали бы ему возможности брать корм, создал между ними в самом центре морды мягкий и гибкий орган, которым бы он мог хватать и держать что угодно, чтобы величина выступающих бивней и ограниченность шеи не лишали его возможности питаться.

6. 1. Я не могу в этом месте удержаться, чтобы еще раз не изобличить глупость Эпикура. Ведь ему принадлежит весь тот вздор, который произносит Лукреций. Для доказательства того, что животные были рождены не благодаря удивительному мастерству Божественного Ума, а, как у него обычно, случайно, он сказал, что в начале мира родилось множество неких других животных удивительного вида и величины, но они не могли сохраниться, ибо не имели возможности добыть пропитание, вступать в связь и продолжить род.¹ 2. Очевидно, чтобы освободить место для своих атомов, он решил исключить Божественное Провидение. Но поскольку видел, что во всех, кто дышат, находится удивительная сила Провидения, он произнес глупость и безумие о том, что существовали чудовищные животные, в которых не было смысла. 3. И вот поскольку все [животные], которых мы видим, рождены с умыслом (ведь то, что рождается, не может не иметь смысла), то очевидно, что совершенно ничего не могло родиться бессмысленным. 4. Ведь было заранее продумано по отдельности каждое творение, в какой степени и для чего в жизни должен служить каждый

---

¹ Ср.: Лукреций. О природе вещей. V.837–850.

орган, насколько долго потомство, рождаемое в результате соития тел, будет сохранять поколение за поколением весь свой род. 5. В самом деле, если опытный архитектор, задумывая строить какое-то крупное сооружение, прежде всего продумывает, каким в итоге будет здание, и сначала определяет для него ровное место, рассчитывает, насколько тяжелыми построить стены, каково будет расстояние между колоннами, какой и где будет находиться сток воды и ее вместилище. 6. (Все это, как я сказал, он предвидит заранее, чтобы все необходимое для будущего здания рассмотреть до закладки фундамента), то почему кто-то будет думать, что Бог при сотворении животных не провидел заранее, что им необходимо для жизни и какую дать собственно жизнь? Как бы то ни было, жизнь не могла бы сохраняться, если бы не было прежде создано то, чем ее сохранять.

7. Итак, Эпикур видел в телах животных проявление мастерства Божественного разума, но чтобы доказать то, что он прежде принял по незнанию, он добавил еще бреда, соответствующего предыдущему. 8. Ведь он сказал, что ни глаза не созданы для того, чтобы видеть, ни уши для того, чтобы слушать, ни ноги для того, чтобы ходить, поскольку эти органы предшествовали умению видеть, слышать и ходить, а применение всех этих органов появилось после рождения.¹ 9. Я боюсь показаться столь же вздорным, но мне просто необходимо нести вздор, и поскольку мы беседуем с глупцом, надо, чтобы тот не счел себя неопровержимым. 10. Зачем ты говоришь, Эпикур, что глаза не созданы для того, чтобы видеть? Почему же мы ими видим? Он говорит, что их назначение проявилось позже. Стало быть, они для того и созданы, чтобы видеть, поскольку ничего другого, кроме как смотреть, они не могут. Ради чего созданы прочие органы, также показывает их использование, которого, конечно же, никоим образом не могло бы быть, если бы все органы не были созданы настолько правильно и настолько предусмотрительно, что стало возможным их использование. 11. Зачем же ты говоришь, что птицы созданы не для полета, звери не для свирепости, рыбы не для плавания и человек не для размышлений, если ясно, что животные подчинены той природе и тому долгу, для которого каждое

¹ См.: Лукреций. О природе вещей. IV.822–852.

рождено? 12. Но кто упустил самую суть истины, тот, разумеется, с неизбежностью будет заблуждаться постоянно. Ведь если все рождено не по Провидению, но благодаря случайным столкновениям атомов, почему никогда не случилось вдруг так, чтобы те начала соединились таким образом, чтобы произвести животное, которое слушало бы ноздрями, различало бы запахи глазами, а видело бы ушами? 13. Ведь если первоначально не сохраняют привычного расположения, то ясно, что каждодневно должны были бы рождаться такие чудовища, у которых было бы неправильное расположение органов, которые и служили бы совершенно иначе. 14. Поскольку же все виды и все органы у каждого животного выполняют свои задачи и установленные для них функции, очевидно, что ничего не было создано случайно, поскольку соблюдается неизменный порядок, установленный Божественным разумом. 15. Впрочем, мы будем опровергать Эпикура в другом месте, теперь же поговорим, как и начали, о Провидении.

7. 1. Итак, Бог связал и соединил основы тела, которые называются костями, с нервами, чтобы ум, если бы захотел начать движение [тела] или остановить его, пользовался ими, как вожжами, притом без всякого труда и усилия, но минимальным бы побуждением направлял и поворачивал всю массу тела. 2. Он также покрыл костяк мясом, насколько это было необходимо в каждом месте, чтобы окутать плотные кости. Саму же плоть Он пронизал венами, словно ручьями, текущими по телу. Перемещаясь по ним, влага и кровь наполняют все члены жизненными соками. Все это мясо, наделенное такой формой, которая соответствовала бы лишь одному и тому же виду животного, Он покрыл сверху кожей. У каких-то животных Он сделал ее красивой и гладкой, у каких-то покрыл шерстью, у каких-то испещрил чешуйками, у каких-то украсил разноцветным оперением.

3. Замысел же Бога тем удивителен, что одно расположение [органов] и одно строение являет бесчисленное разнообразие внешних обликов. В самом деле, почти у всех животных один порядок и один ряд органов: 4. сначала голова, присовокупленная к ней шея, далее присоединенная к шее грудь, от которой идут выступающие плечи, продолжающий грудь живот, соединенные с животом гениталии, на последнем месте бедра и ноги. 5. Не только органы подчинены во всем своему

назначению и положению, но и части органов. В самом деле, на голове уши находятся в определенном месте, в определенном месте — глаза, также ноздри, рот и в нем зубы и язык. Хотя все они и имеются у всех животных, все же существует бесконечное и неисчислимое разнообразие форм, ибо те [части тела], которые я назвал, созданы или более длинными, или более короткими и различаются несхожими очертаниями. 6. Что же? Неужели не удивительно то, что среди такого множества живых существ каждое животное обладает красотой, присущей его роду, так что если бы вдруг что-то перешло от одного к другому, то неизбежно бы этот [орган] показался излишним с точки зрения полезности и обезображивающим облик? Например, в том случае, если ты наделишь слона вытянутой шеей или верблюда короткой или же если ты добавишь змеям ноги или шерсть, у которых протяженность тела ничего другого требует, кроме того, чтобы, не имея на хребте лишнего, несомые легкостью чешуек, змей, извиваясь, скользили по гладкой поверхности. 7. У четвероногих же Творец продлил линию спины, идущую от самой головы далее за тело, и превратил ее в хвост, чтобы он либо прикрывал задние части тела из-за их безобразного вида, либо защищал из-за их нежности, или же, чтобы животные, размахивая им, отгоняли от тела разных мелких и вредоносных тварей. Если ты отнимешь этот орган, животное станет несовершенным и беззащитным. 8. Там же, где есть руки и разум, в хвосте нет необходимости, также как и в оперении. Настолько каждому роду животных подходит свое, что нельзя вообразить ничего безобразнее голого четвероногого или открытого шерстью человека.

9. Но все же, хотя нагота человека и служит удивительным образом его красоте, она не приличествует его голове. Поэтому Бог покрыл ее волосами и, поскольку она должна быть сверху, украсил ее, словно крышу здания. Это украшение не было собрано в круг или сделано в виде круглой шапки, но, чтобы голова не была безобразна, когда некоторые ее части остались бы голыми, где-то [помещено] чрезмерно, где-то недостаточно, ради красоты того или иного участка. 10. Окаймляя лицо, волосы свисают с висков перед ушами, окружая их сверху наподобие венца, сзади же волосы полностью покрывают голову, служа удивительной красотой. 11. Уже в самой бороде есть невероятный смысл,

и для определения зрелости тел, и для различения полов, и для придания мужественного и крепкого вида. Так что совершенно очевидно, что исчез бы смысл всего творения, если бы что-нибудь было сделано по-другому.

8. 1. Теперь я рассмотрю сущность всего человека и отдельных органов, которые находятся как внутри, так и снаружи тела, открою, чему они служат и как выглядят. 2. Итак, когда Бог из всех животных решил одного только человека сделать небесным, а всех прочих земными, Он поднял его вертикально для созерцания неба¹ и сотворил его двуногим, для того, конечно же, чтобы он глядел туда же, где его начало. Тех же [животных] Он обратил к земле, чтобы, поскольку им не обещано бессмертие, они, склоненные всем телом к грязи, служили лишь брюху и [поиску] пищи. 3. Итак, здравый разум одного лишь человека, вертикальное положение [тела], общий и сходный с Богом, его [небесным] Отцом, облик свидетельствуют о его [божественном] происхождении и Создателе. Почти божественный ум его, поскольку получил власть не только над животными, существами на земле, но и над собственным телом, размещенный вверху, в голове, словно в высокой крепости, все созерцает и постигает. 4. Этот чертог ума Бог сделал не вдавленным и не вытянутым, как у бессловесных животных, но похожим на круг или шар, ибо шар является совершенной фигурой. 5. Вот там и скрывается ум и божественный светоч,² как бы на небе. В то время как верхнюю часть головы Бог покрыл природным одеянием, переднюю часть, которая называется лицом, снабдил и одновременно украсил необходимыми органами. 6. И в первую очередь во впалые отверстия [foraminibus] Он заключил круги глаз; от этого отверстия [foratu], как полагает Варрон, лицо [irons] и получило свое название. Бог захотел, чтобы было два глаза, не более того и не менее, ибо для облика нет совершеннее числа, чем два, как и два уха, парность которых удивительно какую являет красоту. И как прекрасно, что [у человека] два уха, так полезно и то, что ими улавливается звук, приходящий с разных сторон. 7. В самом деле, даже сама их форма весьма

---

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. II.56.140; Лактанций. Божественные установления. II.1.14–19.

² Ср.: Цицерон. О государстве. III.1.1.

удивительна; Бог не захотел, чтобы отверстия их были голы и незащищены. Это мало бы служило красоте и пользе, поскольку звук мог бы пролетать мимо узких и простых проемов, если бы он не попадал в эти проемы, предварительно уловленный изогнутыми раковинами и сохраняемый отражением. Это похоже на то, как обычно заполняют сосуды с узким отверстием с помощью воронок. 8. И вот эти уши [aures] (а имя им дано от сочетания «улавливать голоса» [a vocibus hauriendis], почему Вергилий и говорит: *и голос его своими слышал ушами*,¹ — или потому [они так названы], что греки сам голос называют αὐδήν от auditu [от слушания], и в результате замены буквы [уши] были названы aures в значении audes) не пожелал художник Бог создать из мягких шкурок, которые бы, свисающие и болтающиеся, лишились красоты, или из твердых и жестких костей, в результате чего, неподвижные [inmobiles] и негнущиеся, они были бы непригодны для употребления. Но Он придумал их средними, чтобы их образовывал достаточно мягкий хрящ, а сами они обладали одновременно и красотой, и гибкостью.

9. Ушам определена обязанность слушать, как и глазам — видеть. Сложность глаз особенно невыразима и удивительна, так как яблоки их, являющие подобие драгоценных камней, с той стороны, которая предназначена для зрения, Бог покрыл прозрачными мембранами, чтобы образы предметов, расположенных перед ними, отражаясь, словно в зеркале, проникали к внутреннему чувству [ad sensum intimum]. 10. И вот через эти мембраны то чувство, которое называется умом, видит то, что снаружи. Так что не подумай, будто мы видим или благодаря вхождению [в глаза телесных] образов, как рассуждают философы,² поскольку обязанность видеть должна принадлежать тому, кто созерцает, а не тому, что созерцается, или благодаря взаимодействию воздуха со зрачком,³

¹ Вергилий. Энеида. IV.359.

² Имеются в виду философы-эпикурейцы. В отличие от них Аристотель считал, что зрению передается не телесный образ, а качество видимых предметов (Аристотель. О душе. II.7).

³ Скорее всего, Лактанций имеет в виду точку зрения Платона, который полагал, что мы видим благодаря слиянию лучей света, исходящего из глаз, с лучами света, исходящего от предметов (Платон. Тимей. 45b–d).

или благодаря распространению [из глаз] лучей,¹ ибо, если бы это было так, мы бы различали [предметы] позже, чем обращали бы [к ним] глаза, а именно пока воздух, взаимодействующий со зрачком, или пока идущие [от глаз] лучи не достигли бы того, что нам необходимо увидеть. 11. Поскольку же мы начинаем видеть в тот самый момент времени, [как бросаем взгляд], и, часто даже не желая того, видим все, что находится напротив, то более верным и очевидным является то, что существует ум [mentem esse], который видит то, что находится напротив, через глаза, словно через окна с прозрачными стеклами или слюдой. 12. И потому об уме [человека] и об удовольствии, [т. е. приятно что-либо человеку или нет], часто судят по глазам.

Со своей стороны, чтобы опровергнуть это, Лукреций использует нелепейший довод. Ведь если бы, говорит он, через глаза зрел ум, то, когда бы глаза были вырваны или выколоты, он увидел бы больше, поскольку сорванные с петель двери больше впускают света, чем когда они заперты.² 13. Бесспорно, у него самого или, скорее, у Эпикура, который научил его, были вырваны глаза, так что он не увидел, что зияющие орбиты, вырванные глазницы, кровь, текущая по венам, плоть, извлеченная из ран, и затянувшиеся рубцы не способны принять никакого света. Разве только он хотел, чтобы глаза были подобны ушам, чтобы мы различали [предметы] не столько глазами, сколько отверстиями, омерзительнее чего в плане красоты и бесполезнее в плане употребления ничего не может быть. 14. Ведь сколь мало мы могли бы видеть, если бы ум взирал из далеких глубин головы через узкие щели [глазных] отверстий! Так, если бы кто-то захотел смотреть через дырочку свирели, то увидел бы, конечно, не больше, чем позволяла бы толщина самой дырочки. 15. Итак, для зрения необходимы были, скорее, органы круглой формы, чтобы взгляд был широким, и которые бы находились на лице, чтобы могли свободно все видеть. 16. И вот добро-

---

¹ О лучах, распространяющихся из глаз и касающихся своими концами предметов, как бы ощупывая их, писал Гиппарх. О понимании античной философией природы зрения будет говорить в нач. V в. Немезий Эмесский. См.: *Немезий Эмесский. О природе человека*. 7.

² См.: *Лукреций. О природе вещей*. III.359–369.

детель невыразимого Божественного Провидения создала два одинаковых глаза и связала их так, чтобы они не вращались полностью, но все же могли в меру обращаться и поворачиваться. Также Бог захотел, чтобы глаза были наполнены чистой и ясной влагой и чтобы в центре их находились [как бы] запертые искры света, которые мы именуем зрачками. В этих чистых и острых зрачках заключается чувство и сущность зрения. 17. И вот через эти глаза ум сам устремляет себя, чтобы увидеть, и удивительным образом взгляд обоих светочей смешивается и соединяется воедино.

9. 1. В этом месте мне хотелось бы изобличить заблуждение тех, которые, стремясь показать, что существует обман чувств, приводят много [примеров тех случаев], когда глаза обманываются. Среди них также и тот, что пьяным и безумным людям все видится удвоенным, будто бы не ясна причина этой ошибки. Ведь это происходит оттого, что у нас два глаза. 2. Однако послушай, каким образом это случается. Зрение глаз представляет собой напряжение духа [intentione animi]. И вот поскольку ум [mens],¹ как было сказано выше, пользуется глазами как окнами, то это случается не только с безумными и пьяными людьми, но и со здоровыми и трезвыми. Ведь если ты какую-нибудь вещь поднесешь слишком близко [к глазам], она покажется раздвоенной, ибо взгляд двух глаз сходится на определенном расстоянии и промежутке. 3. Так же если ты, наоборот, отвлечешь дух, как бывает в размышлении, и ослабишь напряжение ума, тогда взгляд и того и другого глаза разделяется, и оба начинают видеть порознь. Если же ты вновь напряжешь дух и [как бы] выпрямишь взгляд, то все, что виделось раздвоенным, соединится в одно. 4. Что же удивительного, если ум,строенный зельем и силой вина, не может сосредоточиться на созерцании (подобно тому, как ноги слабы для ходьбы при поражении нервов) или если сила безумия, бушующая в мозгу, разрушает согласие глаз? Это верно также потому, что с одноглазыми людьми, если они пьяны

¹ Лактанций, рассуждая об уме [mens] и духе [animus], использует эти понятия как синонимы (см. особенно гл. 16), что было общим для латинской апологетики (см., в частности: *Тертуллиан. О душе.* 12.1). Согласно Тертуллиану, ум или дух является добавлением души, с помощью которого душа действует и размышляет. См. также: *Цицерон. О природе богов.* II.59.147.

или безумны, не случается так, чтобы они видели что-то раздвоенным. 5. А потому, если ясна причина обмана зрения, очевидно, что чувства не вводятся в заблуждение. Они или не обманываются, если чисты и невредимы, или если и обманываются, то не входит в заблуждение ум, который распознает их ошибку.

10. 1. Но вернемся к творениям Божиим. Итак, чтобы глаза были более защищены от повреждений, Бог покрыл [occuluit] их глазными веками, отчего, по мысли Варрона, глаза [oculi] и получили свое название. 2. В самом деле, веки [palpebrae], имя которым дала их подвижность, т. е. моргание [palpitatio], окаймленные ресницами, расположенными в строгом порядке, создают весьма красивую ограду для глаз. Неустанное движение их, происходящее с непостижимой скоростью, не препятствует зрению и освежает глаза.¹ 3. Ведь зрачок [acies], т. е. та прозрачная мембрана, которая не должна оставаться сухой, утратит зоркость, если, очищенный влагой, он не будет сверкать. 4. Что же само положение бровей, подчеркнутое короткими волосами? Разве не прикрывают они, словно горные кряжи, глаза, чтобы ничего не попадало в них сверху, и не добавляют вместе с тем им и красоты? Рождающийся из слияния их и тянущийся, подобно такому же кряжу, нос разделяет оба глаза и одновременно предохраняет их. 5. Также ниже глаз находятся весьма красивые припухлости, покато возвышающиеся с каждой стороны, наподобие холмов, и делающие более защищенными глаза. При этом Высший Художник позаботился, чтобы, если вдруг будет нанесен серьезный удар, он был отражен щеками.

6. Верхняя часть носа до середины создана твердой, нижняя же мягкой — из хрящевой основы, с тем чтобы она могла быть удобной для проникновения пальца. 7. Этот орган, [т. е. нос], сколько бы ни был он прост, наделен тремя обязанностями. Первая — дышать, вторая — чувствовать запахи, третья — чтобы через проходы его вытекала обильная грязь. Эти проходы Бог сотворил настолько удивительно, с таким божественным разумением, что само отверстие носа не портит красоту лица,

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. II.57.143. Вообще Лактанций очень многое в описании человеческого тела и его преимуществ заимствует из речи стоика Луцилия Бальба, составленной Цицероном для второй книги *О природе богов*.

8. что, конечно, случилось бы, если бы существовало одно простое отверстие. Но Бог разделил и разграничил его как бы стеной, проложенной посередине, и сделал благодаря самой этой парности красивым.

9. Из этого мы понимаем, насколько двойное число, образованное единственной и простой связью, служит совершенству. Ведь хотя тело и одно, все же оно не могло целиком состоять из простых членов, чтобы не было правой и левой частей. 10. И вот как две ноги, а также две руки служат не только для какой-либо пользы, не только для ходьбы или создания чего-либо, но и создают удивительный по красоте облик, так и в голове, которая является как бы вершиной всего божественного творения, Высшим Творцом и слух разделен на два уха, и зрение на два глаза, и обоняние на две ноздри, ибо головной мозг, в котором заключена основа ощущения, хотя и один, все же разделен на две части проходящей посередине мембраной. 11. Да и сердце, которое считается обиталищем мудрости, хотя и одно, все же имеет внутри два круга, в которых заключены источники живой крови, разделенные посередине перегородкой. Так что как в самом мире все сущее является либо двойным, состоящим из простого, либо простым, содержащим двойное, так и в теле все соединения, состоящие из двух, обнаруживают нераздельное единство.

12. Также нельзя высказать, сколь полезны и сколь красивы уста, имеющие поперечное отверстие. Польза их состоит в двух вещах — в приеме пищи и в речи. 13. Заключенный внутри их язык, который своим движением разделяет голос на слова, является вестником духа. И все же один он, сам по себе, не мог бы исполнять функцию речи, если бы кончик его не ударял по нёбу, если бы не содействовали этому выступающие зубы и подвижные губы. При этом более полезны для речи зубы. 14. Ведь и младенцы не раньше начинают говорить, чем у них появляются зубы, и старики, лишившись зубов, говорят настолько невразумительно, что кажется, будто они вернулись вновь в младенческое состояние. 15. Но так язык служит одному только человеку или по крайней мере тем птицам, у которых заостренный и совершающий верные движения язык рождает бесчисленные модуляции голоса и различные звуки. 16. Язык имеет, кроме того, и другое употребление, которым пользуются даже все бессловесные животные, а не только человек, а именно связы-

иает [colligit] истолченную и размельченную зубами пищу, сжимает ее в ком своей силой и отправляет в живот. Вот Варрон и полагает, что язык получил свое имя от связывания пищи [a ligando cibo]. 17. Зверям он служит также для питья. В самом деле, вытянутым и изогнутым языком они зачерпывают воду и, удерживая ее в углублении языка, чтобы вдруг она не выливалась тут же назад, очень быстро провожают ее до нёба. Итак, Бог прикрыл язык полостью нёба, словно сводом, и обнес, словно стеной, оградой зубов. 18. Сами же зубы, чтобы, голые и сжатые, они служили больше не для страха, а для украшения, Он снабдил мягкими деснами [gingivis], которые называются так потому, что рождают зубы [a gignendis dentibus], и покровами губ. Твердость зубов — как у мельничного камня, и она выше, чем у других костей, что необходимо для разжевывания пищи. 19. Сколь же правильно Бог разделил губы, которые как бы выдвинуты вперед! Из них верхнюю под самой серединой ноздрей Он отметил легкой выемкой, словно бы впадиной. Нижнюю красоты ради вывернул слегка наружу. 20. Что же относится к определению вкуса, то ошибается всякий, кто полагает, что это чувство находится на нёбе, ибо вкус ощущается языком, но не всем целиком. В самом деле, вкус через тончайшие чувственные окончания воспринимают более нежные его части, расположенные по краям с обеих сторон. При этом, хотя ничего ни из пищи, ни из напитка не убывает, все же вкус безошибочно достигает органа чувств подобно тому, как запах ничего не отнимает от вещества, [его породившего].

21. Едва ли можно выразить, насколько прекрасны прочие части [человека]! Покато спускающийся от щек подбородок, закругленный книзу так, что острый конец его, кажется, подчеркивает легкое углубление. Прямая и точеная шея, спускающиеся от шеи, словно гладкое коромысло, плечи. Крепкие и стянутые для прочности жилами предплечья, выделяющиеся рельефными мышцами и полные сил руки, изящный и целесообразный изгиб локтей. 22. А что сказать мне о руках, этих слугах разума и мудрости? Искуснейший Творец наделил их небольшими и умеренными углублениями, чтобы если вдруг необходимо удержать какую-то вещь, она могла бы удобно лежать в них. Руки Он завершил пальцами, в которых и не высказать, чего больше, красоты ли, или целесообразности. 23. Ведь и число их совершенно и полно, и порядок и положение

прелестнейшие, и изогнутость равных суставов изящна, и форма ногтей закруглена. Закругленные покровы венчают и укрепляют кончики [пальцев], чтобы мягкость плоти не мешала удержанию [предметов] и обрела еще большую красоту. 24. Использованию же их удивительным образом способствует то, что один палец рождается из самой руки отделенным от прочих и направленным в другую сторону. Он, как бы расположенный навстречу остальным, прежде всего и отвечает за то, чтобы что-то удерживать и изготавливать, словно руководитель и вождь всех [остальных пальцев]. Оттого он и получил имя большого пальца [pollex], что выделяется [polleat] среди остальных своей силой и могуществом. 25. При этом он имеет два выступающих наружу сустава, а не три, как другие. Один сустав связан с рукой плотью ради красоты. Ведь если бы он имел три сустава, а сам был бы отделен, то безобразный и непристойный вид его лишил бы руку изящества.

26. Сама уже широкая грудь, поднятая и открытая очам, обнаруживает удивительное великолепие стана. Причина этого в том, что Бог, кажется, одного только человека создал как бы обращенным вверх (ведь ни одно другое животное не может лежать на спине, ибо бессловесных животных [Бог] сотворил как бы лежащими на том или ином боку и [словно] прижал их к земле). Поэтому у них грудь узкая, скрытая от взора и обращенная в землю, у человека же — открытая и обращенная вверх, так как, исполненная данного небом разума, она не должна была быть низкой и непристойной. 27. Слегка выступающие соски в виде небольших смуглых кругов также не лишены привлекательности. Женщинам они даны для вскармливания детей, а мужчинам единственно для красоты, чтобы грудь не казалась безобразной и изуродованной. Ниже груди находится плоскость живота, приблизительно в центре которой помещен довольно изящный пупок, созданный для того, чтобы через него плод, пока он находится в утробе, получал пищу.

11. 1. Необходимость требует, чтобы я перешел к рассказу о внутренних органах, которые наделены не красотой, ибо они скрыты, а невероятной пользой, поскольку было необходимо, чтобы это земное тело питалось неким соком из пищи и напитков, как и сама земля питается дождями и снегами. 2. Провидящий Творец создал внутри тела вместительное для пищи, которое, переварив пищу и сделав ее жидкой, распре-

двигает живительные соки по всем органам. 3. Но поскольку человек состоит из тела и души, о чем я сказал выше, то желудок дает пищу одному только телу. Для души же [Бог] создал особое обиталище. В самом деле, Он создал некий мягкий и рыхлый род утробы, который мы называем легкими, и сделал его не по образу желудка, дабы воздух не исходил из него сам по себе и сам по себе не проникал в него. 4. И потому хотя Он и изготовил легкие из плоти, Он [сделал их] способными раздуваться и вбирать в себя воздух, чтобы дыхание наполняло их постепенно, пока живительный воздух не разольется по пустотам, и так же постепенно исходило, пока не оставит их пустыми. И вот само это чередование вдоха и выдоха поддерживает жизнь в теле.

5. Поскольку же у человека дваместилища, одно для воздуха, которое кормит душу, другое для пищи, которое кормит тело, необходимо, чтобы через шею проходило два канала, пищевой и дыхательный, первый из которых ведет ото рта к желудку, второй — от ноздрей к легким. 6. Природа и суть их различны. Ведь тот, который проходит ото рта, создан мягким и постоянно закрытым, как и сам рот, питье же и пища, будучи телесными, расширяя и [словно] распахивая глотку, сами создают себе проход. 7. Воздух же, поскольку, являясь бестелесным и тонким, не может сам расширять себе дорогу для доступа, наоборот, получил открытый проход, который именуется горлом. Он состоит из извилистых и гибких костей, словно из колечек, соединенных и связанных друг с другом наподобие колен цыкуты, и вход в него постоянно открыт. 8. В самом деле, дыхание не может иметь никакой остановки. Поскольку же воздух постоянно входит и выходит, весьма полезно пропускаемый порциями через сердцевину органа, который именуется язычком мягкого нёба, он сдерживается, как бы некоей преградой, чтобы с силой вдыхаемый воздух не повредил нежностиместилища [т. е. легких] и не нанес вреда внутренним органам. По этой же причине и ноздри [nares], которые так называются потому, что через них не прекращает проплывать [nare] запах и воздух, имеют узкие отверстия. 9. Впрочем, этот дыхательный канал подходит не только к ноздрям, но и ко рту в дальних участках нёба, где открывается отверстие, ведущее в глотку. 10. Причина этого [соединения] не является тайной. В самом деле, мы не могли бы говорить, если бы путь горла

вел только ко рту, а путь гортани только к ноздрям. 11. И вот Божественное мастерство открыло для голоса путь через этот дыхательный канал, чтобы язык мог выполнять свою службу и своим движением разбивать на слова непрерывный ход голоса. Конечно, ошибается всякий, кто видит другую причину, почему люди бывают немые. 12. Ибо немые имеют не слабый язык, как считается в народе, но пропускают звуковой дух через ноздри, как бы мыча, ибо проход голоса ко рту у них либо вообще отсутствует, либо открыт не настолько, чтобы он мог выпускать полный голос. 13. По большей части такое бывает от природы, а иногда происходит по случаю, так что вследствие какой-нибудь болезни этот проход, оказываясь закупоренным, не пропускает голос к языку, что превращает говорящих в немых. Когда такое случается, неизбежно утрачивается и слух. Ибо поскольку проход не в состоянии выпускать голос, то он тем более не в состоянии впускать его. Итак, причина речи заключена в этом открытом проходе. 14. Он служит также тому, чтобы при посещении бань, поскольку ноздри не в состоянии выдерживать жара, мы вдыхали горячий воздух через рот. Также если вдруг дыхательные отверстия носа из-за холода бывают заложены слизью, то он служит тому, чтобы мы могли вдыхать воздух через рот, чтобы не задохнуться, не имея возможности дышать [через нос].

15. Когда пища, проникающая в желудок, а также питье смешиваются с влагой и под влиянием теплоты перевариваются, их сок, разливаясь неопишым образом по органам, питает и укрепляет все тело. 16. Сколь удивительным творением Бога являются сложные извивы и длина кишечника, представляющего неразрывную связь! В самом деле, когда желудок выпускает переваренную в нем пищу, она последовательно проходит по тем извивам кишечника, чтобы все соки, которые в ней содержатся и которыми питается тело, распределялись по всем органам. 17. При этом, чтобы переваренная пища не застревала где-нибудь и не задерживалась, что могло бы случаться из-за постоянных извивов кишечника и что не могло бы происходить без вреда, кишечник внутри смазан более густым соком, чтобы результат переваривания желудка по скользким стенкам легче достигал своего выхода. 18. Столь же удивительный смысл заключен в том, что мочевой пузырь, которым птицы не пользуются, хотя и отделен от кишечника и не имеет

никакого канала, по которому принимал бы мочу из кишечника, все же наполняется жидкостью. 19. Каким образом это происходит, понять не трудно. Части кишечника, которые принимают пищу и жидкость из желудка, более широкие, чем остальные извивы, и более тонкие. 20. Они обвивают и обнимают мочевой пузырь. Когда пища и жидкость, смешанные друг с другом, достигают этих частей, более плотный кал проходит дальше, а вся жидкость через эти мягкие части процеживается, и мочевой пузырь, оболочка которого тонкая и нежная, ее впитывает и собирает, чтобы испустить наружу там, где природой создан выход.

12. 1. Также необходимо сказать, коль скоро мы говорим о внутренних органах, о материнской утробе и гениталиях, чтобы не показалось, что мы что-то обходим молчанием. Эти органы, хотя и скрыты в потаенных местах, все же не могут скрывать чувства и восприятия. 2. У мужчин вена, которая заключает в себе семя, двойная и находится несколько глубже, чем то вместилище мерзкой жидкости. Ведь как две почки и два яичка, так и семенных вен две, состоящих, тем не менее, в единой связи, что мы видим в телах животных, когда их вскрываем. 3. Правая вена содержит мужское семя, а левая — женское; и вообще правая сторона во всем теле является мужской, а левая женской. 4. Некоторые полагают, что семя стекается в детородную вену из костного мозга, некоторые — что из всего тела, и там сгущается; однако каким образом это происходит, ум человеческий постичь не в состоянии. 5. Также и у женщин матка делится на две части, направленные и обращенные в противоположные стороны, [эти части] закручиваются подобно рогам барана. Та часть, которая обращена в правую сторону, является мужской, та, что в левую — женской.

6. Варрон и Аристотель считают, что оплодотворение происходит следующим образом. Они говорят, что семя есть не только у мужчин, но и у женщин, и потому [дети] по большей части похожи на мать; но семя их является очищенной кровью [sanguinem purgatum].¹ Если оно

---

¹ Немезий Эмесский заимствует у Плутарха иную точку зрения Аристотеля: «Аристотель и Демокрит полагают, что семя женщины не имеет никакого значения для рождения детей: испускаемое женщинами, по их мнению, есть скорее пот от членов, чем семя» (*Немезий Эмесский. О природе человека. 25*).

правильно соединится с мужским, то они срастутся вместе и превратятся в единый сгусток. Первым при этом оформляется сердце, ибо в нем заключена вся жизнь и разумность. Окончательно весь плод формируется на сороковой день.¹ Вероятно, это им стало известно из [изучения] выкидышей. 7. Но у зародышей птиц в первую очередь, несомненно, формируются глаза. Это часто обнаруживается в яйцах. Отчего, я полагаю, не может быть, чтобы формирование [плода] начиналось не с головы. 8. Они также полагают, что телесная похожесть детей [на того или иного родителя] возникает следующим образом. Когда мужское и женское семя, смешиваясь, срастаются друг с другом, то, если сильнее оказывается мужское семя, возникает похожесть на отца, [не важно] — сына ли, или дочери. Если сильнее оказывается женское семя, отпрыск того или иного пола воспроизводит образ матери. 9. То же оказывается более сильным из двоих, которое более насыщено. Ибо второе некоторым образом усваивается и включается в первое. Главным образом, от этого происходит то, что проявляются черты лишь одного родителя. 10. Если же произойдет равное смешение того и другого семени, смешаются также и черты, так что дети окажутся либо похожими на обоих родителей, либо ни на того, ни на другого. Ведь они не будут иметь всех черт одного или обоих, ибо позаимствуют какую-то часть от каждого. 11. В самом деле, мы видим в телах животных, что окрас является либо результатом смешения окраса родителей, когда образуется третий цвет, не похожий ни на тот, ни на другой, либо тот и другой окрас соединяются так, что по всему телу попеременно чередуется цвет того и другого родителя.

12. Считается также, что разные природные свойства возникают следующим образом. Когда семя мужского плода вдруг попадает в левую часть матки, то хотя и предполагается, что родится мальчик, но поскольку он находится в женской части, то будет нести в себе гораздо больше женственного, чем позволяет мужская красота. Или броские формы, или излишнюю белизну, или легкость тела, или изящные члены, или невысокий рост, или тонкий голос, или слабую душу, или нечто подобное. 13. Так же, если семя женского плода попадает в правую

¹ Ср.: *Arist. De gen. anim.* IV.3 [Аристотель. О происхождении животных].

часть матки, хотя и ожидается рождение дочери, все же поскольку она находится в мужской части, то будет нести в себе больше мужского, чем допускает женская сущность. Или крепкие члены, или чрезмерный рост, или смуглую кожу, или грубую внешность, или некрасивое лицо, или низкий голос, или дерзкую душу, или что-то подобное. 14. Если же мужское семя попадет в правую часть матки, а женское в левую, то ребенок родится без искажений. Так что и красота девочки будет соответствовать во всем ее природе, и крепость мальчика будет согласна и с его умом, и с его телом.

15. Сколь удивительное установление Божие в том, что для сохранения отдельных родов были созданы два пола, мужской и женский! Сочетаясь, движимые наслаждением, друг с другом, они создают новое потомство, чтобы смертная участь не уничтожила всего рода живых существ. 16. Но больше твердости было дано мужчинам, чтобы с ее помощью легче было принудить женщину к узам брака. Потому мужчина [vir] и имеет такое имя, что в нем больше силы [vis], чем в женщине; отсюда же свое имя обрела и доблесть [virtus].¹ 17. Так же и имя женщины [mulier], как толкует Варрон, произошло от мягкости [mollitia] в результате изменения и удаления буквы, как бы mollier.²

Когда женщина носит плод, и уже приближаются роды, набухшие соски ее груди наполняются сладостными соками и пышная грудь заполняется для кормления младенца молоком. В самом деле, грудь не служит ничему другому, кроме как тому, чтобы разумное животное получало питание от сердца. 18. Искуснейшим образом было устроено так, чтобы белоснежная и жирная влага укрепляла нежность нового тела, пока [ребенок] не обретет зубы для того, чтобы принимать твердую пищу, и не укрепит свои силы.

Но мы возвращаемся к нашему замыслу, чтобы кратко сказать об остальных органах, которые еще не затронули.

13. 1. Я мог бы тебе объяснить сейчас удивительный смысл собственно детородных органов, если бы стыдливость не удерживала меня от этого разговора. Поэтому то, что непристойно, будет сокрыто нами под

¹ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. II.18.43.

² Ср.: Varro. De ling. lat. V.73.

одеянием застенчивости. 2. Что касается этого вопроса, достаточно посетовать на то, что нечестивые и скверные люди совершают великое злодеяние, когда удивительное и поразительное творение Божие, непостижимым образом задуманное и созданное для продолжения рода, используют или для позорного заработка, или для постыдных дел сладострастия, ничего от священнейшего творения не домогаясь, кроме пустого и бесплодного наслаждения.

3. Что же, неужели прочие части тела лишены смысла и красоты? Сколь пригодно для сидения сосредоточенное на седалище мясо! При чем там оно более плотное, чем в других частях, чтобы кости могли выдержать тяжесть тела. 4. Также и вытянутые бедра упрочены широкими мышцами, чтобы легче нести тяжесть тела. Постепенно они сужаются к коленям, изящные узлы которых создают в ногах удобный для ходьбы и сидения изгиб. 5. Также и голени не имеют одинаковой толщины, чтобы непристойный вид их не портил красоты ног, но укреплены и украшены чуть выпуклыми закругленными и постепенно сужающимися икрами. 6. Стопы [plantae], хотя они и похожи на руки, но все же достаточно отличны от них. Поскольку они являются как бы фундаментом всего творения, чудесный Творец создал их не шарообразными, в результате чего человек не мог бы стоять и нуждался бы в дополнительных ногах для устойчивости, как четвероногие, но сотворил их более вытянутыми и длинными, чтобы их плоскость [planities] делала тело устойчивым. От этого они и получили свое имя. 7. Пальцев на них столько же, сколько и на руках; но они являют больше красоты, нежели пользы, и потому расположены близко друг к другу и коротки. Из них большой палец, поскольку его не надо отделять от других, как на руке, расположен так, что отличается от остальных величиной и отстоит от них на некотором расстоянии. 8. Замечательное братство их в немалой степени способствует движению ног. Ведь мы не можем бежать, если не оттолкнемся пальцами, уперев их в землю.

9. Мне кажется, я объяснил все, суть чего можно постичь; теперь же я обращаюсь к тому, что или сомнительно, или туманно.

14. 1. Известно, что в теле есть много [органов], предназначение и смысл которых никто не может постичь, кроме их Творца. 2. Неужели кто-нибудь считает, что он может объяснить, какая польза и какой

смысл в тонкой прозрачной пленке, которой окружен и покрыт желудок? Зачем две одинаковые почки [renes]? 3. Варрон говорит, что они названы так, потому что от них идут мочеиспускательные каналы [rivi], что совершенно не так, ибо они расположены с другой стороны спины и отделены от кишечника. 4. Зачем селезенка? Зачем печень? Эти внутренности, по-видимому, образованы как бы из смешанной крови. Зачем горчайшая жидкость желчи? Зачем шар сердца? Разве только мы будем считать, что должны поверить тем, кто полагают, что в желчи находится чувство гнева, в сердце — страха, в селезенке же — радости. 5. Эти [ученые] думают, что смысл печени в том, чтобы, окружая желудок и согревая его, [помогать] переваривать пищу; некоторые считают, что в печени заключается похоть. 6. Во-первых, тонкость человеческого ума не в состоянии постичь секреты этих [органов], ибо обязанности их сокрыты в тайне и открыто не являют своей пользы. Ведь если бы было так, [как говорят философы], то некоторые животные, более кроткие, пожалуй, или совсем не имели бы желчи, или имели бы ее меньше, чем более свирепые животные, и более робкие животные имели бы большое сердце, более похотливые — большую печень, более резвые — большую селезенку. 7. Во-вторых, как мы ощущаем, что слышим ушами, видим глазами и обоняем носом, так, разумеется, мы должны бы ощущать, что гневаемся желчью, вождедем печенью и радуемся селезенкой. 8. Поскольку же мы вовсе не чувствуем, откуда происходят эти страсти, то может случиться и так, что они происходят из какого-то другого места, а те внутренние органы служат тому, о чем мы совершенно не подозреваем. Все же мы не можем уличить во лжи тех, кто так рассуждают. Но все, что касается движения души и духа, имеет, по-моему, настолько темный и глубокий смысл, что постичь его — выше [способностей] человека. 9. Тем не менее, должно быть ясно и несомненно то, что такое множество и разнообразие внутренних органов имеют одну обязанность, а именно — поддерживать в теле дух. А вот чему служит каждый орган в отдельности, может знать только Бог Создатель, Которому единственному известно творение Свое.

15. 1. Ведь что мы можем сказать о сущности голоса? Некоторые грамматик и философы определяют голос как воздух, разбитый [verberatum] дыханием, отчего и происходит «слово» [verbum]. Это,

конечно, не так. 2. Ведь голос рождается не вне уст, а внутри их. А потому больше похожа на истину другая мысль, а именно, что голосовой звук порождается скопленным воздухом, когда тот ударяется о препятствие горла, подобно тому как при нашем вдыхании воздуха в отверстие свирели он, отражаясь от полости свирели и возвращаясь обратно, идя по направлению к встречному потоку, в поисках выхода порождает звук, и, отражаясь, воздух сам собой рождает и голос. 3. Впрочем, верно ли это, ведает только Бог Творец. В самом деле, голос, кажется, рождается не в устах, а в глубине груди. Ведь когда рот закрыт, некоторый звук может исходить из ноздрей. 4. Кроме того, сильным дыханием, когда мы сопим, голос не порождается, а легким и небольшим — сколько нам угодно. Итак, не известно, каким образом это происходит и что вообще голос из себя представляет. 5. Не думай, что я встаю сейчас на позиции Академии, ибо не все непостижимо. Но как следует допустить, что есть много неизвестного, ибо Бог захотел, чтобы что-то было вне человеческого постижения, так следует принять и то, что существует много такого, что можно воспринять чувствами и открыть с помощью разума. 6. Однако рассуждения против философов у нас еще впереди.¹ Мы же завершим тот путь, которым следуем сейчас.

16. 1. А кто не знает, что сущность ума [*rationem mentis*] непостижима? Разве только тот, кто сам его лишен,² ибо неизвестно, ни где он пребывает, ни каков он. Вот философы и говорят по-разному о природе его и месте пребывания. 2. И я не стану скрывать того, что знаю, но не для того, чтобы сказать, как обстоит дело в действительности (ибо это глупо в отношении сомнительных вопросов), но чтобы, показав трудность вопроса, дать тебе понять, сколь величественны божественные труды.³

3. Некоторые [философы] полагали, что ум пребывает в груди.⁴ Если это так, то сколь же удивительно то, что вещь, помещенная в темном и

¹ Лактанций намекает на свой будущий полемический труд *Божественные установления*, в котором значительное место уделено спорам с различными философскими школами, в том числе по вопросам гносеологии.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. II.49.147.

³ См.: прим. к 9.2.

⁴ О позициях античных авторов по поводу пребывания духа, ума или души см.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.9.19–10.22.

мрачном обиталище, проявляется в таком свете разума и понимания [rationis atque intellegentiae]! При этом, поскольку чувства от каждого участка тела обращаются к уму, кажется, будто он присутствует в каждом члене! 4. Другие говорили, что место его пребывания — в головном мозге, и приводили при этом заслуживающие внимания доводы. Во-первых, поскольку ум является руководителем всего тела, то надлежало, чтобы он пребывал в верхней части тела, словно в крепости, и нет ничего выше, чем ум, который управляет всеми органами, подобно тому как Сам Господь и Правитель мира находится вверху. 5. Во-вторых, потому что все чувства, а именно органы слуха, зрения и обоняния, размещены на голове, и нервы от них идут не к груди, а [именно] к головному мозгу. К тому же мы неизбежно медленнее бы соображали, если бы способность понимания долгим путем нисходила через шею к груди. 6. Эти философы или не слишком ошибаются, или даже правы. Ибо очевидно, что ум, который управляет телом, расположен в голове, подобно тому как Бог — на небе. Но когда ум погружается в какое-либо размышление, он нисходит в грудь и удаляется туда, будто бы в некие тайные покои, чтобы получить и извлечь, словно из потаенной сокровищницы, решение. 7. И потому, когда мы обращаемся к размышлению и ум, занятый [мыслью], уходит вглубь, то мы обычно не слышим ничего вокруг и не видим окружающего. 8. Если это так, то, конечно, следует удивляться, каким образом это происходит, ведь нет никакого пути от шеи к груди. Если даже это не так, то все равно следует поражаться тому, что по Божественному размышлению, не знаю уж зачем, случилось так, что кажется, будто происходит именно так. 9. Неужели кто-то может не удивляться тому, что живое и небесное чувство, которое называется умом [mens] или духом [animus], столь подвижно, что не отдыхает даже тогда, когда спит, настолько скоро, что в один миг, если захочет, может обозреть все небо, пролететь над морем, обойти города и земли, которое, наконец, обозревает все, чего только касается, сколь бы велико и протяженно это ни было? 10. И удивится ли кто-нибудь, что дивный ум Божий проникает во все части мира, всем управляет, присутствуя всюду и будучи всюду растворен, когда такая сила и такое могущество человеческого ума заключены внутри смертного тела, что даже преграды тяжелого и бесчувственного тела, которыми ум отягчен, никоим образом

не могут удержать его, чтобы он, не переносящий покоя, не имел возможности свободно летать?

11. Итак, [вне зависимости], находится ли ум в голове или в груди, неужели кто-нибудь может постичь, какая сила разума сделала так, что это непостижимое чувство пребывает в сердцевине головного мозга или в двойной крови [saŋguine bipertito], которая заключена в сердце? И не видно ли, каково могущество Бога, из того, что разумное начало [animus] не видит само себя, ни каково оно, ни где пребывает, и даже если бы видело, то не могло бы постичь, каким образом связаны друг с другом телесная и бестелесная сущности? 12. Если же разумное начало [mens] не имеет никакого местопребывания, но, растворенное во всем теле, переходит с места на место (что вполне вероятно и что утверждает Ксенократ,¹ ученик Платона, на том основании, что чувство пребывает в каждой части тела), то нельзя узнать, ни что собой представляет ум, ни где он пребывает. Ведь природа его столь тонка и легка, что, растворенный в твердой плоти, он сочетается живым и словно бы горячим чувством со всеми членами.

13. Остерегайся также того, чтобы когда-нибудь посчитать похожим на истину то, что говорит Аристоксен,² будто нет никакого разумного начала вообще, но из самого строения тела и соединений внутренних возникает сила чувственности подобно тому, как в кифаре рождается гармония [звука].³ В самом деле, музыканты безошибочно обращают натяжение и созвучность струн в гармонию звуков. 14. Стало быть, они думают, будто разумное начало [animus] существует в человеке так же, как в кифаре — звуковая гармония, т. е. будто прочная связь отдельных частей тела и единство всех органов производят чувст-

¹ Ксенократ — греческий философ IV в. до н. э., с 339 г. до н. э. стоял во главе платоновской Академии.

² Аристоксен — греческий философ IV в. до н. э., ученик Аристотеля.

³ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.10.19; I.22.51; Лактанций. Божественные установления. VII.13.9. Причем в данном случае Лактанций, останавливаясь на позиции Аристоксена, говорит об отрицании им ума или разумного начала (*Aristoxenus dicit, mentem omnino nullam esse*), а в Божественных установлениях на тех же основаниях будет говорить об отрицании Аристоксеном души (*Aristoxenus negavit omnino ullam esse animam*).

венное движение и [тем самым] приводят в движение ум, как хорошо натянутые струны рождают звук. 15. И будто, как в кифаре, если обрывается или ослабевает хотя бы одна струна, нарушается и расстраивается все звучание, так и в теле, если повреждается какая-либо часть органов, нарушаются все, а если разрушаются или приходят в негодность все, то исчезает [всякое] чувство и наступает смерть. 16. Впрочем, если бы этот [философ] имел хоть сколько-нибудь ума, то никогда бы не переносил созвучие кифары на [разум] человека. Ибо не могут струны звучать сами по себе, чтобы в них было хоть какое-то подобие и сходство с живыми существами. Разумное же начало существует и приходит в движение само по себе. 17. Ибо если бы в нас было что-то похожее на гармонию, то ум приходил бы в движение от внешнего воздействия, как струны от действия рук: без усилий музыканта и без движения пальцев они остаются безмолвными и неподвижными. 18. Напротив, этого [философа] самого следовало бы толкнуть рукой, чтобы привести его в чувство, ибо ум его, дурно сложенный из членов [ex membris male compacta], оказался парализован.

17. 1. Остается сказать о душе, хотя постичь ее сущность и природу нельзя. И все же мы не можем отрицать, что душа бессмертна, ибо все, что живет и постоянно само по себе движется и что при этом не может быть ни видимо, ни осязаемо, по необходимости вечно.¹ 2. По вопросу о том, что же представляет собой душа, пока еще нет согласия между философами и, пожалуй, никогда не будет. Одни говорили, что она есть кровь, другие — что огонь,² иные — что дуновение [ventus], отчего душа и дух получили свое имя, ибо дуновение по-гречески звучит как *σῆμος*. И все же, пожалуй, никто из них не сказал ничего заслуживающего внимания. 3. В самом деле, даже если кажется, что душа угасает, когда истекает из раны или иссыхает от жара лихорадки кровь, все же не следует сущность души помещать в материю крови. Это все равно, если бы мы стали искать ответ о том, что представляет собой свет, которым мы пользуемся, и пришли бы к выводу, что свет есть масло, на том основании, что

¹ Ср.: Цицерон. О государстве. VI.25.27.

² То, что душа является притекающей к сердцу кровью, считал Эмпедокл. Душу считал огнем стоик Зенон из Китиона. См.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.9.19.

свет гаснет, когда [в светильнике] заканчивается масло. И все-таки свет и масло суть разные вещи, одно является элементом другого. По-видимому, душа подобна свету, ибо она не является собственно кровью, но насыщается влагой крови, как и свет маслом. 4. Те же, кто считают душу огнем, пользуются тем аргументом, что тело в присутствии души теплое, а в ее отсутствие остывает. Но огонь лишен чувства, видим и при прикосновении обжигает, а душа наделена чувством, не может быть увидена и не обжигает. Отсюда ясно, что душа имеет нечто, не знаю уж что, подобное Богу. 5. Те же, кто считают ее дуновением, ошибаются в том, что им кажется, будто мы живем, получая дух из воздуха [ex aere spiritum]. Варрон так заключает: «Душа является воздухом, принимаемым ртом, переваренным в легких, смягченным в сердце и растворенным в теле». 6. Это очевиднейшее заблуждение. Ибо я утверждаю, что сущность такого рода вещей не настолько темна, чтобы мы не понимали даже того, что подобное не может быть верным. Ведь если кто-нибудь скажет мне, что небо медное или стеклянное, или, как говорит Эмпедокл,¹ является заледенелым воздухом, неужели я тут же соглашусь с этим на том лишь основании, что не знаю, из какой материи состоит небо? Ибо как я не знаю одного, так знаю другое.

7. Так вот, душа не является поглощенным ртом воздухом, поскольку душа появляется гораздо раньше, нежели рот оказывается в состоянии принимать воздух. Ибо душа проникает в тело не после родов, как полагают некоторые философы, а сразу же после зачатия, когда божественная необходимость формирует в чреве [матери] плод.² То, что плод в утробе матери полон жизни, видно по тому, как он увеличивается в размерах и частыми толчками стремится выйти. Если же плод внутри погибает, то необходимо случаются преждевременные роды. 8. Остальные части определения [Варрона] также сводятся к тому, что в течение девяти месяцев, когда мы пребываем в утробе матери, мы будто бы мертвы. Таким образом, ни одна из трех частей его определения не является верной. 9. И все же нельзя утверждать, что те, кто так считают, настолько заблуждаются, что вообще не сказали ничего истинного.

¹ Эмпедокл — греческий философ (ок. 495—435 гг. до н. э.). Скорее всего, свои представления о душе он высказывал в трактате *О природе вещей*.

² Ср.: Тертуллиан. О душе. 27.

Здесь мы живем и благодаря крови, и благодаря теплу, и благодаря дыханию. Но поскольку душа живет в теле при наличии всего этого, то эти [философы] не определяли, собственно, что собой представляет душа, ибо ей так же нельзя дать определение, как нельзя ее увидеть.

18. 1. Остается еще один вопрос, на который нельзя дать определенного ответа, являются ли душа [anima] и ум [animus]¹ одним и тем же, или то, благодаря чему мы живем — одно, а благодаря чему мы чувствуем и рассуждаем — другое. В пользу и того, и другого [утверждения] недостатка в доводах нет. 2. Те, кто утверждают, что душа и ум — одно и то же, исходят из того, что нельзя ни жить без чувства, ни чувствовать, не живя, и потому не может быть различным то, что нельзя разделить. И как бы то ни было, они [лишь совместно] обеспечивают и жизнь, и разумную деятельность. И потому два поэта-эпикурейца² говорят о душе и уме, не разделяя их. 3. Те же, кто говорят, что они не одно и то же, обосновывают это так. Из того можно понять, что ум [mens] одно, а душа — другое, что ум может исчезать, хотя душа остается невредимой, как обычно случается с безумцами. Также душа усыпляется при смерти, а ум — во время сна, причем так, что не только не ведает, что он делает или где находится, но и обманывается созерцанием нереальных сновидений.

4. Каким образом это происходит, постигнуть невозможно, но можно понять для чего. Ведь мы совершенно не могли бы отдыхать, если бы ум не погружался в сновидения. Ум прячется, сморенный сном, так же, как огонь, успокоенный под золой: если ты его чуть пошевелишь, то он вновь разгорится и как бы проснется. 5. Вот и ум отвлекается образами, пока члены, наполненные сном, не восстановят свои силы. Ведь тело, когда чувство бодрствует, хотя и может лежать неподвижно, все же не будет совершенно спокойным, поскольку в нем будет гореть и трепетать чувство, чтобы поддерживать горение и напряжение суставов. 6. Однако после того как ум перейдет от напряжения к созерцанию образов, тело [целиком] погружается в покой. 7. Ум же уходит, скрывшись от размыш-

¹ Ниже Лактанций, как и прежде (ср. гл. 16), будет употреблять термины *animus* и *mens* в одинаковом значении. Вопрос о том, как в человеке соотносятся ум и душа, решал также Тертуллиан (см.: *Тертуллиан. О душе*. 12).

² Имеются в виду Лукреций (О природе вещей. III. 421) и, возможно, Гораций (Послания. I.4.16).

лений под завесой ночи, и оказывается наедине с собой. Обращаясь к тому, о чем он думает, он тотчас погружается в сон, и постепенно предмет размышлений превращается в явные образы, так что ум начинает видеть то, что держал у себя перед глазами. 8. Затем погружается еще глубже и находит уже для себя отвлеченные образы, чтобы не нарушать полезнейший покой тела. Ведь подобно тому, как ум в течение дня погружен в созерцание реального, чтобы не заснуть, ночью он созерцает мнимое, чтобы не выйти [из состояния покоя]. Если же ум не видит ничего, он неизбежно либо бодрствует, либо уснул вечной смертью. 9. Итак, сон дарован Богом ради отдыха, причем вообще всем живым существам, но то в человеке особенное, что Бог, когда ради отдыха даровал ему сон, оставил Себе возможность через сон открывать человеку грядущее. 10. В самом деле, и в историях часто упоминаются сны, которые удивительным образом сбывались в настоящем, и слова наших пророков получены отчасти во сне. 11. Они не всегда правдивы, как не всегда и лживы, поскольку, как свидетельствует Вергилий, *двое ворот открыты для снов*.¹ Но те сны, что лживы, мы видим ради отдохновения, а те, что правдивы, вдохновляются Богом, чтобы через это откровение мы узнали о приближающемся благе или о несчастье.

19. 1. Так же то можно рассмотреть, рождается ли душа от отца; или, скорее, от матери, или же от того и другого родителя. Своим рассуждением я лишу этот вопрос туманности. 2. Ни одна из этих трех [догадок] не является верной, так как души не рождаются ни от обоих родителей, ни от одного из них. Ибо тело может рождаться из тел, когда нечто соединяется из двоих тел, душа же не может [родиться из соединения двух душ], так как от тонкого и неуловимого ничего не может отделиться. 3. Рождение душ подвластно одному только Богу.

*Семенн мы, наконец, небесного все порожденья;
Обицый родитель наш тот,*²

как говорит Лукреций. В самом деле, от смертных не может родиться ничего, кроме смертного. И не должен считаться отцом тот, кто совершенно не чувствует, что он вдохнул или перелил из своей [души] душу

¹ Вергилий. Энеида. VI.893.

² Лукреций. О природе вещей. II.991–992.

[ребенку], и если бы даже чувствовал, то не имеет представления, когда или каким образом это случилось. 4. Из этого явствует, что душа дается не от родителей, но от одного и общего для всех Отца, Который единственный знает закон и причину рождения, ибо только Он и созидает. В самом деле, земной родитель не может ничего, кроме как под влиянием страсти наслаждения излить или принять в себя влагу тела, содержащую материю рождения, и больше ничего. А потому они молят, чтобы у них родились дети, поскольку не сами рожают. 5. Все остальное зависит уже от Бога, а именно само зачатие, формирование плода, вдохновение души, благополучные роды и все, что служит сохранению человека. По милости Его мы дышим, живем и полны сил.¹ 6. В самом деле, кроме того, что по милости Его у нас здоровое тело, и помимо того, что Он дает нам пищу, Он даровал человеку также разумность, которую не может дать земной отец. И потому у разумных родителей часто рождаются неразумные дети, а у неразумных — разумные, что [глупцы] приписывают року или звездам. 7. Однако теперь не место говорить о роке. Достаточно будет сказать лишь то, что даже если звезды как-то влияют на мир, тем не менее все зависит от Бога, Который сотворил и упорядочил сами звезды. А потому неразумны те люди, которые отнимают могущество у Бога и передают его творениям. 8. И вот Он захотел, чтобы мы могли пользоваться этим небесным и прекрасным даром [разума]. Ведь дав его, Он открыл человеку таинство добродетели, с помощью которой человек мог бы обрести [вечную] жизнь. 9. В самом деле, добродетель является великой силой человека, великим его смыслом, великим таинством. Если кто не лишен ее и не нарушает веру и обет, тот счастлив. Тот, чтобы выразить кратко, необходимо подобен Богу. Ибо заблуждается всякий, кто судит о человеке по плоти. Ведь это тельце, в которое мы помещены, является вместилищем человека, самого же человека нельзя ни осязать, ни увидеть, ни различить, так как он скрыт внутри того, что видимо. 10. Если кто в этой жизни, которую воспринимает его разум, будет изнежен и избалован, если, презрев добродетель, предаст себя страстям плоти, то падет и будет поглощен землей. Если же кто будет постоянно и неукоснительно сохранять, как и должно, свое положение, данное ему

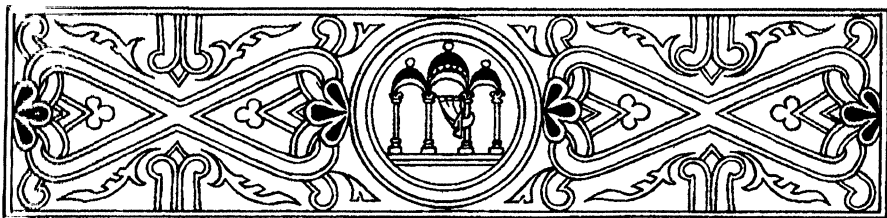
¹ Ср.: Деян. 17.28.

прямым [т. е. устремленным к Богу], если не станет служить земле, которую следует попирать и одолевая, то заслужит жизнь вечную.

20. 1. Я рассказал тебе об этом, Деметриан, пока немного и, пожалуй, менее ясно, чем подобало, чему причина в состоянии дел и в нехватке времени; но ты должен надеяться на то, что прочтешь об этом произведение пространнее и лучше, если на то нам будет дано небесное позволение. Тогда я дам тебе более полное и более ясное наставление в учении истинной философии. 2. Ибо я думаю гораздо обстоятельнее написать о том, что относится к блаженной жизни, а также против философов, поскольку они особенно опасны и губительны для истины.¹ 3. В самом деле, их невероятная сила красноречия, аргументации, изощренность рассуждений могут кого угодно ввести в заблуждение. Мы одолеем их отчасти нашим оружием, отчасти взятым из их же споров, чтобы стало ясно, что они не устранили ошибки, а скорее утвердили. 4. Возможно, ты удивишься, что я дерзнул на такое деяние. Но неужели мы допустим, чтобы исчезла или была попорана истина? Я с охотой возьмусь за этот труд, даже если паду под этим бременем. 5. Ведь если Марк Туллий, этот уникальный образец красноречия, часто был превзойден необразованными и косноязычными людьми, поскольку они опирались на верное, почему же мы отчаиваемся выставить против лживого и лукавого дарования саму истину с ее собственной силой и ясностью? 6. При этом те философы обычно называют себя покровителями истины. Но кто может защитить то, что он сам не обнаружил, или наставить других в том, чего сам не знает? 7. Вероятно, я обещаю многое, но надо надеяться на небесную милость, чтобы даны мне были и возможность, и время для осуществления задуманного. 8. Ибо если бы мудрецу дано было загадывать о жизни, то я не выбрал бы никакую другую причину, ради которой следовало бы жить, как только совершить что-то достойное в жизни, что было бы полезно для читателей, и если не для наставления в красноречии, поскольку мой талант оратора убог, то для наставления в жизни, что особенно необходимо. 9. Я буду считать, что прожил жизнь достойно и исполнил долг человека, если труд мой, освободив других людей из плена заблуждений, выведет их на путь неба.

---

¹ Лактанций в данном случае заявляет программу своих *Божественных установлений*.

О ГНЕВЕ БОЖИЕМ

1. 1. Я часто замечал, Донат,¹ что многие полагают (как считают и некоторые из философов), будто Бог не гневается, поскольку либо божественная природа исключительно благодетельна, к тому же превосходнейшей и исполненной добра силе не подобает причинять кому бы то ни было вред, либо она совершенно не заботится о том, чтобы от милости ее давалось нам хоть что-то благое, а от недовольства — хоть что-то плохое. 2. Поскольку заблуждение их велико и ведет к ниспровержению [настоящего] состояния человеческой жизни, нам следует опровергнуть его, чтобы ты сам не оказался сбит с толку авторитетом тех людей, которые считают себя мудрецами. 3. И все же мы не заявляем, как исполненные дерзостью, что истина будет открыта нашим дарованием, но последуем учению Бога, Который единственный может знать и открывать тайны. 4. Философы, непричастные Его учению, считали, что можно открыть природу вещей с помощью предположений, чего никоим образом быть не может, поскольку ум человека, помещенный в мрачное обиталище тела, весьма отдален от постижения истины. Это-то и отличает божественную суть от человеческой, ибо незнание принадлежит человеческой сущности, а знание — божественной. 5. Поэтому нам необходим какой-то свет, чтобы он разогнал тьму, застилающую сознание человека, ибо, пребывая в смертной плоти, мы не можем с помощью наших чувств постичь тайны. 6. Светом же для человеческого ума является Бог. Кто признает Его и допустит в свое сердце, тот озаренной душой откроет для себя тайну истины. В отсутст-

---

¹ *Донат* — неизвестный адресат Лактанция. Имя Доната помещено также на титуле другого сочинения этого автора — *О смертях гонителей*, однако вряд ли речь идет об одном и том же человеке.

вие же Бога все небесное учение преисполнено заблуждений. И правильно Сократ, хотя он и был учнейшим из всех философом, однако, чтобы показать незнание других, которые считали, что они что-то постигли, сказал, что он знает только то, что ничего не знает.¹ 7. Ибо он понимал, что учение [философии] не имеет в себе ничего точного, ничего верного. И он не скрывал учение, чтобы, как полагали некоторые, удалить других, но видел отчасти истину и даже свидетельствовал в суде, как передает Платон, что нет никакого человеческого знания.² Настолько он презирал и умалял учение, которым тогда кичились философы, настолько насмехался над ним, что прямо заявлял в качестве высшего знания то, что он постиг, что ничего не знает. 8. Если же, как учил Сократ и как передал Платон, нет никакого человеческого знания, то ясно, что есть божественное, и никому кроме Бога не подвластно знание истины. 9. Итак, следует познать Бога, Кому одному лишь принадлежит истина. Он — Родитель мира и Создатель вещей, Он неразличим глазами и едва ли постижим умом. Его религию обычно атакуют всеми способами те, кто не могут ни истинной мудрости постичь, ни смысла небесной тайны открыть.

2. 1. Поскольку существует много ступеней, через которые лежит путь в обитель истины, нет никого, кому было бы легко подниматься на вершину. Ибо те, кто, ослепнув от блеска истины, не могут идти дальше, возвращаются на равнину. 2. Первая же ступень состоит в том, чтобы познать ложные религии и отбросить нечестивые культы [богов], созданные человеческой рукой. Вторая — в том, чтобы уразуметь душой, что существует один Высший Бог, Чье могущество и провидение вначале сотворило мир, а потом управляло им. Третья — в том, чтобы узнать Помощника Его и Посланника, Которого Он отправил на землю, чтобы мы, освобожденные Его наставлениями от заблуждения, в котором пребывали, и организованные для служения истинному Богу, узнали [истинную] справедливость. 3. Со всех этих ступеней, как я сказал, легко соскользнуть и упасть в пропасть, если ноги не ступают твердой поступью. 4. Мы видим, что с первой ступени свергаются те, кто, хотя и узнали

¹ См.: *Cic. Acad. pr. II.23.74; Cic. Acad. post. 4.16.*

² См.: *Платон. Апология Сократа. 23a; 21d.*

ложные религии, тем не менее не пришли к истинной и, презрев земные и тленные образы, не обратились к почитанию Бога, Которого не знают, но, удивляясь стихиям мира, воздают уважение небу, земле, морю, солнцу и прочим звездам. Однако невежество их мы уже изобличили во второй книге *Божественных установлений*. 5. Со второй ступени падают те, кто, хотя и знают, что существует один Высший Бог, все же, захваченные философами и плененные лживыми доводами, думают о том Единственном Могушестве иначе, нежели требует истина. Они либо не знают, что Бог не имеет никакой наружности, либо полагают, что Им не движет никакая страсть, так как всякая страсть является проявлением слабости, которая чужда Богу. 6. С третьей низвергаются те, кто, хотя и знают Посланника Божия и Создателя Его божественного и нетленного храма, все же или не принимают Его, или принимают иначе, нежели требует вера. Мы отчасти уже опровергли их в четвертой книге названного выше сочинения и в еще большей степени опровергнем потом, когда будем отвечать всем сектам, которые пока разрушали истину, утратили ее.¹

7. Сейчас же мы будем рассуждать против тех, кто, упав со второй ступени, превратно толкуют о Высшем Боге. В самом деле, некоторые говорят, что Он ни к кому не благосклонен и ни на кого не гневается, но, безмятежный и спокойный, наслаждается благом Своего бессмертия. 8. Другие же отнимают у Бога гнев, а оставляют только благодать, поскольку природа, проявляющаяся в высшей добродетели, как не должна быть враждебной, так и обязана быть благодетельной. Итак, все философы единодушны в отношении гнева и не согласны в отношении милости. 9. Но чтобы разговор шел по порядку, нам необходимо сделать некоторое разграничение и следовать ему. Поскольку гнев и милость различны и противоположны, то следует или признать за Богом гнев и лишить Его милости, или лишить Его как одного, так и другого, или отнять у Него гнев и признать за Ним милость, или оставить за Ним как одно, так и другое. 10. Ничего иного, кроме перечисленного, природа допустить не может, так что истина, которую мы ищем, нахо-

¹ Лактанций говорит о планируемом им сочинении против ересей, но, видимо, так и не написанном. По крайней мере, даже блж. Иероним не называет среди произведений Лактанция ничего, связанного с антиеретической полемикой.

дится в каком-то одном из этих положений. Рассмотрим же каждое в отдельности, чтобы разум и порядок привели нас к открытию истины.

3. 1. Во-первых, никто никогда не говорил в отношении Бога того, что Он только гневается и не проявляет милости. В самом деле, не подобает Богу, чтобы Он обладал такого рода могуществом, посредством которого Он причинял бы вред и противодействовал и был бы не в состоянии оказывать поддержку и совершать добро. 2. Какой же смысл, какая же надежда на благополучие дана людям, если Бог является исключительно творцом наказаний? Если бы это было так, то это благоговейное могущество сводилось бы уже не к власти Судии, Которому дано наказывать и прощать, но к обязанностям мучителя и палача. 3. А так как мы видим, что в человеческих делах присутствует не только плохое, но и хорошее, то, если Бог является творцом несчастий, неизбежно существует кто-то другой, кто совершает противоположное Богу и несет нам благо. 4. Если он существует, то каким именем его следует называть? Или почему нам больше известен тот, кто вершит зло, чем тот, кто несет добро? Если никого не может быть, кроме Бога, то абсурдно и глупо считать, будто божественное могущество, выше и лучше которого нет ничего, может причинять зло и не может приносить блага. А потому нет никого, кто дерзнул бы это сказать, поскольку это не имеет смысла и в это никоим образом нельзя поверить. 5. Так как это решено, перейдем [к другим положениям] и станем искать истину в другом месте.

4. 1. Следующее положение принадлежит школе Эпикура: Богу чужды и гнев, и милость. В самом деле, поскольку Эпикур считал, что Богу чуждо совершать зло и причинять вред, что по большей части происходит из страсти гнева, то он отнял у Бога также и милосердие. Ибо видел, что из этого следует: если бы Бог имел гнев, то обладал бы и милосердием. 2. И вот, чтобы его не обвинили в ошибке, он сделал Бога непричастным также и к благодати. «Потому-то, — говорит он, — Бог и благ, и вечен, что сам не имеет хлопот и другому их не доставляет».¹ 3. Но такой [Бог] не является Богом, если Он ни о чем не тревожится, что свойственно лишь животным, и не делает ничего, превышающего возможности человека, что должно быть свойственно Богу, если

¹ См.: Цицерон. О природе богов. I.17.45.

Он совершенно не имеет никакого стремления, никакого действия, никакой, наконец, власти, которая соответствует Богу. 4. А какая более высокая, более достойная власть может быть приписана Богу, нежели забота о живых существах и особенно о роде человеческом, которому подчинено все земное? 5. Какая же у Бога может быть благодать, если Он постоянно пребывает спокойным и невозмутимым, если Он глух к молящимся, если Он слеп в отношении почитающих Его? Что более достойно и более присуще Богу, чем Провидение? 6. Но если Он ни о чем не заботится, ничего не провидит, то лишается всякой божественности. Тот же, кто отнимает у Бога всю силу и всю сущность, что иное может сказать, если не то, что Бога вообще нет? 7. Наконец, Марк Туллий передает сказанное Посидонием¹ о том, что Эпикур полагал, будто нет никаких богов, а то, что он говорил о богах, говорил ради того, чтобы не подвергнуться осуждению.² Таким образом, на словах он оставлял богов, а на деле отрицал, поскольку не признавал за ними никакого беспокойства и никакой обязанности. 8. Если это так, то что может быть лживее этого? Подобное должно быть чуждо мудрому и серьезному мужу. Если он одно думал, а другое говорил, то как следует его называть еще, если не двуличным обманщиком и потому глупцом? 9. Впрочем, Эпикур не столь ловок, чтобы говорить подобное из-за страсти к обману, ибо даже в сочинениях запечатлел [эту точку зрения] на вечную память [потомков], но [он действительно] заблуждался из-за незнания истины. Ведь движимый изначально подобием истины одного положения, он с необходимостью пришел к тем заблуждениям, которые из него вытекают. 10. Ведь первое положение состояло в том, что гнев не пристоеен Богу. Поскольку же тому [философу] это показалось верным и неопровержимым, он не мог избежать следствия, так как после устранения одной страсти сама необходимость требовала отнять у Бога и все прочие. 11. Ведь кто не гневается, тот, как бы то ни было, не движим и милосердием, которое является противоположностью гнева. Если же в нем нет ни гнева, ни милосердия, то нет ни страха, ни радости, ни скорби, ни сострадания. 12. Ведь у всех страстей

¹ *Посидоний* — греческий философ-стоик (ок. 135–51 гг. до н. э.), автор сочинения *О природе богов*.

² См.: *Цицерон. О природе богов. I.44.123.*

один смысл, одно побуждение, которое не может быть свойственно Богу. Если же в Боге нет никакой страсти, поскольку все, что подвержено страстям, является слабым, то в Нем нет ни забот ни о чем, ни провидения. 13. До того дошло рассуждение у разумного человека, что он умолчал о прочем, а именно о том, что Бог лишен как забот, так и провидения, а следовательно, в Нем нет никакого размышления и никакого чувства. Из чего следовало, что Бога вообще не существует. И вот, шаг за шагом спускаясь в пропасть лжи, он остановился на последней ступени, так как уже видел бездну. 14. Но разве помогло то, что он промолчал и не дошел до конца? Сама необходимость вынуждала его упасть, даже против его воли. В самом деле, он сказал то, чего не хотел, ибо построил доказательства таким образом, что по необходимости пришел к тому, чего избегал. Так что смотри, к чему приводит рассуждение, в ходе которого Бога лишают гнева. 15. В итоге либо в это не верит никто, или весьма немногие, причем прежде всего нечестивцы и злодеи, которые надеются на то, что их преступления останутся без наказания. Итак, если стало ясно, что и это является ложью, а именно, что Бог лишен как гнева, так и милосердия, то перейдем к тому [положению], которое мы поставили на третье место.

5. 1. Считается, что стоики и некоторые другие [философы] думали о Божестве несколько лучше. Они говорят, что в Боге есть благодать, но нет гнева. 2. Весьма приятное и популярное утверждение, что Богу не свойственна эта душевная слабость, чтобы можно было подумать, будто кем-то бывает раздражен Тот, Кто раздражаться не может, что это спокойное и святое могущество может возбуждаться, приходить в замешательство, неистовствовать, что свойственно земной слабости. Ведь гнев является возбуждением и расстройством ума, которое чуждо Богу. 3. Ибо если даже человеку, который единственный является разумным и серьезным [животным], гнев не приличествует, поскольку, проникая в чью-то душу, словно свирепая буря, он вызывает такие волнения, что меняется состояние ума, загораются глаза, начинают дрожать губы, заплетается язык, скрежещут зубы, лицо попеременно то покрывается пурпуром, то бледнеет,¹ то насколько менее приличест-

¹ Ср.: *Сенека*. О гневе. I.1; III.4.

нуст Богу такая мерзкая перемена? 4. И если человек, который обладает властью и могуществом, вследствие гнева сеет повсюду горе, проливает кровь, захватывает города, уничтожает народы и опустошает провинции,¹ насколько более вероятно, что Бог, Который имеет власть над всем человеческим родом и самим миром, разрушил бы все, если бы прогневался? 5. Следовательно, для Него должен быть чужд столь великий и столь опасный недостаток. А если Ему чужды гнев и раздражительность, поскольку они безобразны и вредоносны, и если Он никому не причиняет зла, то Ему ничего не остается, кроме как быть нежным, спокойным, благодетельным и милосердным. 6. В самом деле, при том лишь условии Он может называться Всеобщим, Всеблагим и Великим Отцом, что в Нем проявляется божественная и небесная природа. 7. Ведь если среди людей похвальным считается приносить скорее благо, нежели беду, давать жизнь, нежели убивать, спасать, нежели губить, и по справедливости невинность стоит в ряду добродетелей, и тот, кто следует ей, уважаем, служит примером, награждается всякой похвалой и возвеличивается, наконец, по заслугам и благодеяниям признается подобным Богу, то насколько больше подобает, чтобы Бог, отличающийся удивительной и совершенной добродетелью и отдаленный от всякого земного недуга, одаривал весь род человеческий божественными и небесными милостями? 8. Превосходно и очень понятно это сказано и многих побуждает к вере. Но те, кто так думают, хотя и оказываются ближе к истине, все же отчасти заблуждаются, недостаточно проникнув в суть вопроса. 9. Ведь если Бог не гневается на нечестивцев и преступников, то Он, стало быть, не ценит и набожных и справедливых. А значит, это более опасное заблуждение, чем заблуждение тех, кто лишают Бога и гнева, и милости. Ведь в противоположных явлениях необходимо либо реагировать как на одно, так вместе с тем и на другое, или ни на что. 10. Стало быть, кто ценит добрых, тот ненавидит злых, а кто не презирает злых, тот не ценит добрых, так как любовь к добрым вытекает из ненависти к злым, а ненависть к злым — из любви к добрым. 11. Нет никого, кто любил бы жизнь, не ненавидя при этом смерть, и кто стремился бы к свету, не убегая при

---

¹ Ср.: Там же. I.2.

этом от тьмы. Настолько от природы они связаны, что одно не может существовать без другого. 12. Если какой-нибудь господин имел бы двух рабов, хорошего и плохого, то он не ненавидел бы их обоих и не одаривал бы их обоих милостями и уважением, — если бы он так поступал, то бы был несправедлив и глуп, — но к хорошему бы обращался с лаской и поставил бы его во главе всех дел своего дома и хозяйства, а плохого бы ругал, лишал бы его пищи и воды, наказывал бы кандалами, чтобы один из них был для остальных примером в том, что нельзя грешить, а другой в том, что можно заслужить, чтобы кого-то сдерживал страх, а кого-то вдохновляла милость.

13. Итак, кто любит, тот и ненавидит, а кто ненавидит, тот и любит. Ведь существуют и те, кого следует любить, и те, кто вызывает ненависть. 14. И как тот, кто любит, несет благо тем, кого он любит, так и тот, кто ненавидит, чинит зло тем, кто вызывает ненависть. Так как этот довод верен, его никоим образом нельзя разрушить. 15. Стало быть, суждение тех, кто присваивают Богу одно и лишают Его другого, является не менее пустым и ложным, чем мнение тех, забирают у Бога и то и другое. Но эти [стойки], как мы показали, не совсем не правы, но они оставляют [за Богом] ту из двух [страстей], которая лучше. Те же [эпикурейцы], которых побуждает сущность и истина этого довода, приняв целиком ложное мнение, впадают в полное заблуждение. 16. Ибо им следовало рассуждать не так: поскольку Бог не гневается, следовательно, Он не оказывает и милостей. Но так: поскольку Бог оказывает милости, то, стало быть, Он и гневается. В самом деле, если было бы верным и несомненным то, что Бог не гневается, тогда неизбежен был бы и тот следующий вывод. 17. Поскольку же относительно гнева весьма неясно и почти ясно по поводу милости, то абсурдно стремиться на основе сомнительного [предположения] ниспровергнуть очевидное, когда легче на основе очевидного доказывать сомнительное.

6. 1. Таковы суждения о Боге философов; ничего другого, кроме этого, никто из них не говорил. Если же то, что было сказано, как мы выявили, ложно, остается то последнее утверждение, в котором только и может пребывать истина и которое никогда не высказывалось философами и никогда не защищалось [ими], а именно, что Бог гневается, поскольку движем милосердием. 2. Нам следует рассмотреть и обосновать это

утверждение, ибо в нем заключена вся сущность и вся сумма религии и благочестия. Ведь не может быть никакого уважения к Богу, если Он ничего не дает почитающему Его; так же как не может быть никакого страха перед Богом, если Он не гневается на того, кто не почитает Его.

7. 1. Хотя философы часто из-за незнания истины удалялись от разума и впадали в непреодолимые заблуждения (с ними происходило то, что обычно случается с путником, который не знает дороги и не признается, что не ведает, как идти, стыдясь спросить у встречаемых), все же никогда ни один философ не утверждал, что нет никакой разницы между человеком и скотом. 2. И нет вообще ни одного человека, если он хоть чуточку хочет выглядеть разумным, который бы уравнивал разумное животное с бессловесными и неразумными, что делают некоторые невежественные люди, сами подобные скоту, которые хотели бы посвятить себя чреву и наслаждениям. Они говорят, что рождены с одним и тем же смыслом, что и все живые существа, что не может быть сказано [разумным] человеком. 3. В самом деле, кто столь невежествен, чтобы не знать, кто столь груб, чтобы не понимать, что в человеке есть нечто божественное?

4. Я пока не касаюсь добродетелей души и ума, в которых обнаруживается явная связь человека с Богом, но неужели положение самого тела и особенности лица не обнаруживают, что мы не одинаковы с бессловесными животными? Природа их обращена к земле и пище и не имеет ничего общего с небом, которое она не видит. 5. Очевидно, что человек, прямым положением и возвышенным лицом поднятый к созерцанию неба, сравним с Богом и лицом, и разумом. 6. Кроме того, как говорит Цицерон, нет ни одного животного, за исключением человека, которое бы имело хоть какое-то представление о Боге.¹ В самом деле, только человек наделен разумностью, чтобы единственный он постигал религию, и в этом важнейшее и единственное различие между человеком и бессловесными животными. 7. Ведь прочие [свойства], которые кажутся исключительно человеческими, даже если их нет у бессловесных животных, все же могут найти подобия. Человек обладает речью, но и у тех есть некоторое подобие речи. Ведь они распознают друг друга по голосу

---

¹ Цицерон. О законах. I.8.24.

и, когда гnevаются, издают похожий на брань звук, а когда видят вдали подобного себе, выражают голосом радость. 8. Нам же их речь кажется бессвязной, как и им, наверное, наша, но для них самих, поскольку они друг друга понимают, это слова. Наконец, в каждом настроении они произносят вполне определенные звуки, с помощью которых выражают состояние души. 9. Смех также является особенностью человека, и все же мы видим, что у других животных есть некоторые признаки проявления веселости, когда они предаются игре: они лижут уши, скалят зубы, делают ясным морду, наполняют глаза радостью. 10. Что более исключительно для человека, чем разум и предвидение будущего? Напротив, есть животные, которые в логовищах своих создают несколько разных выходов, чтобы при появлении какой-либо угрозы убежать от облавы, чего они не делали бы, если бы не имели рассудка и способности думать. 11. Иными словами, они предвидят будущее; так, например,

*Муравьи собирают зерна усердно,
Помня о скудной зиме, и в жилища носят запасы.¹*

Или как пчелы, которые

*Родину знают свою и своих постоянных пенатов.
Помня о близкой зиме, работают пчелы усердно
Летом, в общей казне храня, что трудом пособрали.²*

12. Если бы я захотел проследить, что каждый род животных проявляет похожего на человеческую изобретательность, это заняло бы много времени. Если же все то, что обычно приписывается человеку, находит подобие у бессловесных животных, то ясно, что остается только религия, никакого намека на которую и никакого следа которой нельзя обнаружить у бессловесных тварей. 13. Свойством религии является справедливость, которая неизвестна никакому другому животному. Ведь только человек проявляет ее, прочие же животные лишь испытывают ее на себе. К справедливости относится также служение Богу, и кто пренебрегает им, тот, будучи чужд человеческой природе, ведет в

¹ Вергилий. Энеида. IV.402–403.

² Вергилий. Георгики. IV.155–157.

обличье человека жизнь скота. 14. Поскольку же от прочих животных мы отличаемся только тем, что мы единственные из всех имеем представление о божественной силе и могуществе, а у других нет никакого представления о Боге, очевидно, что не может быть так, чтобы при этом или бессловесные животные были более разумны, или человеческая природа — более безрассудной, когда человеку благодаря его разуму подчинены все прочие живые существа и вся природа вещей. 15. А потому, если разум и сила человека превосходят прочих животных тем, что он единственный получил знание о Боге, ясно, что никоим образом нельзя отвергать религию.

8. 1. Религия же будет отвергнута, если мы поверим Эпикуру, сказавшему следующее:

*Ибо все боги должны по природе своей непременно
Жизнью бессмертной всегда наслаждаться в полнейшем покое,
Чуждые наших забот и от них далеко отстранившись.
Ведь безо всяких скорбей, далеки от опасностей всяких,
Всем обладают они и ни в чем не нуждаются нашим;
Благодеяния им ни к чему, да и гнев неизвестен.¹*

2. Когда он это говорит, считает ли он, что Богу следует воздавать хоть какое-то служение, или ниспровергает всякую религию? Ведь если Бог ничего не воздает ни одному доброму человеку, если не оказывает никакой милости Своему служителю за его послушание, зачем такая тщетность и такая глупость, как строительство храмов, совершение жертвоприношений, приношение даров, раздача семейных богатств, если мы [в ответ] ничего не получим?² 3. Ведь необходимо, чтобы возвышенной природе воздавалось уважение, но какое может причитаться уважение тому, кто ни о чем не заботится и ко всему равнодушен? И можем ли мы быть каким-то образом привязаны к тому, кто не имеет ничего общего с нами? «Если Бог, — говорит Цицерон, — таков, что не испытывает никакого милосердия к людям, никакой любви, то долой его! К чему мне молиться ему: “Будь милостив”. Ведь он не может ни

¹ Лукреций. О природе вещей. II.646–651.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. I.2.3; I.41.116.

к кому быть милостивым».¹ 4. Что презреннее этого можно было сказать в отношении Бога? «Долой», — говорит он, т. е. пусть уходит, убирается, поскольку никому не может быть полезен. Если же Бог лишен хлопот и ко всему равнодушен, то почему бы нам не грешить, коль скоро позволено будет преступать совесть и обходить гражданские законы? Всюду, где бы нам ни улыбнулся случай, мы будем заботиться о выгоде, отнимать чужое без крови, а то и через кровь, если кроме законов нет ничего, чего можно было бы бояться. 6. Рассуждая так, Эпикур совершенно уничтожает религию, при устранении которой наступает беспорядок и расстройство жизни.

7. Если же религия не может быть устранена без того, чтобы мы утратили разумность, которой отличаемся от диких животных, и справедливость, благодаря которой сохраняется общественная жизнь, то каким образом религия может сохраняться и поддерживаться без страха? Ведь что не внушает страха, тем пренебрегают, чем же пренебрегают, то не почитают. Выходит так, что религия, могущество и уважение держатся на страхе, но никакого страха не может быть в отношении того, кто не гневается. 8. Итак, милосердие ли ты отнимаешь у Бога, гнев ли, или и то и другое, неизбежно уничтожается религия, без которой жизнь людей наполняется несуразностью, преступлением и злобой. В самом деле, людей весьма обуздывает то обстоятельство, когда мы верим, что живем под Божиим взором, когда считаем, что Он не только видит сверху, что мы творим, но и слышит, что мы думаем и говорим.

9. Впрочем, как полагают некоторые, исходя не из истины, а из пользы, то способствует вере, что законы бессильны, и необходимо, чтобы сверх того довлел над человеком какой-нибудь страх наказания за прегрешения. 10. Следовательно, всякая религия является ложью, и нет никакой божественности, но все было выдуманно мудрыми мужами, чтобы жизнь стала более правильной и более невинной.² Это большой и далекий от темы, которую мы затрагиваем, вопрос, но, поскольку того требует необходимость, нужно хотя бы немного его коснуться.

9. 1. В то время как суждения древних философов были единодушны и не существовало никакого сомнения в том, что мир сотворен Богом и

¹ Цицерон. О природе богов. I.44.124.

² Ср.: Там же. I.42.118.

разумом и разумно управляется, первым из всех во времена Сократа появился Протагор,¹ который сказал, что ему не ясно, есть ли какое-то божество или нет никакого.² 2. Это мнение было сочтено настолько нечестивым и направленным против истины и религии, что афиняне изгнали его из своих пределов, а книги его, содержащие эти взгляды, сожгли на [народном] собрании. Спорить по поводу суждения его не стоит, поскольку ничего определенного он не сказал. 3. После этого и сам Сократ, и ученик его Платон, и стоики, и перипатетики, которые из школы Платона, словно ручейки, потекли в разные стороны, придерживались той же мысли, что и древние. 4. А позже Эпикур, хотя он и говорил, что Бог существует, поскольку необходимо, чтобы в мире присутствовало что-то выдающееся, исключительное и блаженное, все же утверждал, что нет никакого Провидения. Мир, мол, создан не разумом, не мастерством, не искусством, но природа вещей образовалась из каких-то мелких и неделимых частиц. 5. Я не знаю, что можно было бы сказать противоречивее этого! Ведь если существует Бог, то Он, конечно, прозорлив как Бог, а иначе Ему не может быть приписана божественность, если Он не сохраняет [в памяти] прошлого, не знает настоящего и не провидит будущего.³ 6. Когда же тот отрицал Провидение, он отрицал и наличие Бога. Если же он открыто заявлял, что Бог существует, то вместе с тем признавал и Провидение, ведь одно без другого не может ни существовать, ни восприниматься. 7. Но позже, в те времена, когда философия уже увядала, появился некий Диагор Мелосский,⁴ который говорил, что вообще нет никакого Бога, за это суждение прозванный Безбожником, а также Феодор Киренский.⁵ Оба они, так как не могли

---

¹ *Протагор* — греческий философ-софист из Абдеры (ок. 480–410 гг. до н. э.), автор сочинения *О богах*. О судьбе Протагора, в том числе об изгнании его из Афин, см.: *Диоген Лаэртский*. IX.51.

² См.: *Цицерон*. О природе богов. I.23.63.

³ Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы. I.27.66.

⁴ *Диагор Мелосский* — философ и поэт второй половины V в. до н. э., ученик Демокрита. Афинский суд приговорил его к смертной казни, которой он избежал, а сочинения его сожгли.

⁵ *Феодор Киренский* — греческий философ (ок. 320–280 гг. до н. э.), также прозванный Безбожником. Ср.: *Цицерон*. О природе богов. I.1.2; 23.63.

открыть ничего нового, поскольку уже все было сказано и открыто, предпочли вопреки истине отрицать то, в чем без всякого двоемыслия сходились древние. Они стали теми, кто опорочили Провидение, признаваемое и защищаемое на протяжении стольких веков такими талантливыми мужами. 8. Что же? Мы изобличим во лжи этих незначительных и бездарных философов или с помощью разума, или на основе авторитета выдающихся мужей, или на основе и того и другого. Но следует поспешить, чтобы речь [наша] не удалилась от темы.

10. 1. Те, кто отрицают, что мир создан Божественным Провидением, говорят, что мир образовался в результате случайного столкновения [т. е. сочетания] первооснов, или возник вдруг из природы, а природа, по словам Стратона,¹ обладает способностью рождать и уничтожать, но сама она не имеет никакого чувства и никакого облика,² так что мы думаем, будто все родилось само по себе, без какого-либо мастера и создателя. И то и другое глупо и невозможно. 2. Однако с незнающими истину случается так, что они лучше придумают нечто несуразное, нежели примут то, чего требует разум. 3. Во-первых, относительно тех мелких частиц, благодаря случайному столкновению которых, как они говорят, был организован мир, я спрашиваю, когда это было и где они? Кто когда-нибудь видел их? Кто их ощущает? Кто слышал их? Неужели один только Левкипп³ имел глаза? Только он имел ум? Напротив, он единственный из всех, кто был слеп и безумен, поскольку говорил то, что больной не мог бы произнести и в бреду, а спящий не мог бы увидеть и во сне.

4. Древние философы утверждали, что все состоит из четырех стихий. Тот же не желал, чтобы показалось, будто он идет по чужим стопам, но хотел, чтобы были другие первоначала самих элементов, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни ощутить ни одной частью тела.⁴ 5. Они, говорил этот философ, столь малы, что не хватит никакой зоркости глаз, чтобы различить их, и столь тонки, что не могут быть ни рассе-

---

¹ Стратон — греческий натурфилософ III в. до н. э. из Лампсака, ученик Феофраста.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. I.13.35.

³ Левкипп — греческий натурфилософ (ок. 500–440 гг. до н. э.) из Милета или Абдер, основатель учения об атомах.

⁴ Ср.: Лукреций. О природе вещей. I.268.

числы, ни разделены.¹ Поэтому он присвоил им имя атомов. Но этому противоречило то, что если у всех у них одна и та же природа, они не могли бы создать такое разнообразие вещей, какое мы наблюдаем в мире. Тогда он стал утверждать, что легкие [тельца] бывают и шероховатыми, и круглыми, и угловатыми, и крючковатыми.² 6. Насколько лучше было бы ему промолчать, чем произносить столь чудовищные и столь безумные вещи! Право же, я боюсь, как бы не показался еще безумнее тот, кто почитает, что подобное необходимо опровергать. Однако ответим ему так, будто он сказал нечто значительное. 7. Если тельца бывают легкими и круглыми, они, как бы то ни было, не могут цепляться друг за друга, чтобы создать хоть какое-то тело; так, если бы кто-то захотел связать пшено в единое целое, то сама округлость зерен не позволила бы им собраться в ком. 8. Если же атомы шероховаты, угловаты и крючковаты, так что могут цепляться [друг за друга], значит, могут [они] разделяться и рассекаться. Ведь крючки и углы, разумеется, выступают, поэтому могут быть отсечены, а то, что может отрезаться или отделяться, может быть видимо и осязаемо. 9. Эти [частицы], продолжает он, в неутомимом движении летают в пустоте и носятся туда и сюда, словно мельчайшая пыль, которую мы видим на солнце, когда оно пропускает через окно лучи и свет.³ Из них появились деревья, трава и все плоды, из них родились животные, вода, огонь, и все остальное вновь обратится в них.⁴ Это можно еще представить, пока речь идет о незначительных вещах. Но он говорит, что из них сформировался мир. 10. Этот [философ] пополнил число безумных идей. Кажется, что к этому больше и добавить нечего, но он все-таки нашел, что добавить. Поскольку Вселенная, говорит он, беспредельна и не может быть никакой пустоты, то необходимо, чтобы существовало бесчисленное множество миров.⁵ 11. Какова же сила атомов, чтобы из столь маленьких [частиц] появлялись неисчислимые громады? И прежде всего, я не вижу, какова сущность и происхождение этих частиц. Ведь если все происходит из них, то откуда берутся они

¹ Ср.: Там же. I.528–531.

² См.: Цицерон. О природе богов. I.24.66.

³ Ср.: Лукреций. О природе вещей. II.114–120.

⁴ Ср.: Там же. I.744–746; 820–822.

⁵ Ср.: Там же. II.1048–1076.

сами? Какая природа дала такое множество [атомов] для возникновения бесчисленных миров? 12. Но оставим, пусть он безнаказанно несет вздор по поводу миров; я же скажу о том мире, в котором мы живем и который мы видим.

Этот [атомист] утверждает, что все происходит из неделимых телец. 13. Если это было бы так, то никакая вещь не нуждалась бы в семени своего рода; птицы рождались бы без яиц, яйца появлялись бы без зародыша, также и прочие живые существа нарождались бы без совокупления, а деревья и все, что рождается из земли, не имели бы собственных семян, наличие которых мы каждодневно видим. Ведь почему тогда из зерен рождаются колосья, а в колосьях вызревают зерна? Наконец, если бы соединение и скопление атомов все создавало, то все формировалось бы в воздухе, поскольку сами атомы летают, дескать, в пустоте. 14. Почему без земли, без корней, без влаги, без семян не могут ни рождаться, ни множиться ни хлеба, ни деревья, ни плоды? 15. Отсюда ясно, что ничего не возникает из атомов, поскольку всякая вещь имеет собственную и известную природу, свое семя и свой закон, данный изначально. 16. Наконец, Лукреций, словно забыв об атомах, которые он защищал, когда опровергал тех, кто утверждает, будто все родилось из ничего, использовал такие доводы, которые действительны и против него самого. В самом деле, он говорит так:

*Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян бы рождались.¹*

А также позже:

*Из ничего, словом, должно признать, ничего не родится,
Ибо все вещи должны иметь семена, из которых
Выйти могли бы они и пробиться на воздух прозрачный.²*

17. Кто сочтет, что он имел мозги, когда говорил это и не видел, что противоречит самому себе? Ведь после того как стало ясно, что ничего не рождается из атомов, потому что известно семя любой вещи, мы

---

¹ Лукреций. О природе вещей. I.159–160.

² Там же. I.205–207.

поверим, пожалуй, только в то, что из атомов состоит природа воды и огня. 18. Но как насчет того, что при столкновении друг с другом холодных материалов высекается огонь? Неужели в железе или в кремнии скрываются атомы огня? Или каким образом семена огня могли бы пребывать в холодной материи? 19. Впрочем, оставим кремнь и железо. Если ты направишь на солнце стеклянную линзу, наполненную водой, то от света, который отразится от воды, загорится огонь даже в холодную пору. Разве из этого следует думать, что огонь находится в воде, если и от лучей солнца огонь не может разгореться даже летом? 20. Если ты обдашь дыханием восковую дощечку, или если пар коснется чего-то гладкого, например мраморной плиты или пластины, постепенно в виде ничтожнейшей росы появится влага. Также от испарения земли или моря рождается туман, который или, рассеявшись, увлажняет все, что покрывает, или, сгустившись, поднятый ветром в высокие горы или в небо, собирается в облака и изливается дождями. 21. Где же, спрашиваем мы, влажные атомы? Неужели в паре, или в испарении, или в ветре? Но ведь ничего не может заключаться в том, что неосвязаемо и невидимо.¹

22. Что же сказать мне по поводу живых существ, в чьих телах, как мы видим, нет ничего не обладающего смыслом, порядком, полезностью и красотой? Так вот, искуснейшее и разумнейшее разделение всех частей и органов отвергает случайность и фортуна. 23. Но, допустим, суставы, кости, нервы и кровь могут состоять из атомов. Но из каких частиц может состоять чувство, мышление, ум, память, талант? Он говорит, из мельчайших. Стало быть, другие частицы более крупные. 24. Каким тогда образом они неделимы? Далее, если то, что невидимо, состоит из невидимых же [частиц], следовательно, то, что видимо, должно состоять из видимых. Почему же их никто не видит?

25. Итак, кто не понимает, что как невидимые [органы], которые находятся внутри человека, так и внешние, которые открыты взору, разумно организованы? Но каким образом соединение, совершенное без участия разума, может создавать нечто разумное? Ведь мы видим, что во всем мире нет ничего, что не содержало бы в себе великого и удивитель-

---

¹ Ср.: Там же. I.305.

ного смысла. Поскольку этот смысл выше ума и таланта человека, то чему его следует приписать, если не Божественному Провидению? 26. Неужели в то время, как образ или статую человека создает разум и мастерство, мы станем считать, будто сам человек появился в результате случайного столкновения частиц? Ничего похожего на истину в этой лжи нет, ибо лучший и превосходнейший мастер не может произвести ничего, кроме видимости и внешних очертаний человека. Неужели человеческое мастерство может придать своему творению какое-то движение или чувство? 27. Я не говорю о зрении, слухе, обонянии и удивительной полезности прочих органов, как видимых, так и скрытых от глаз. Но какой мастер мог бы создать сердце человека, голос или саму разумность? Неужели хоть один здравомыслящий человек станет полагать, будто в результате случайного столкновения атомов могло появиться на свет то, что человек не мог бы создать с помощью своего разума и таланта? Видишь, в какую бессмыслицу впадают [те философы], оттого что не желают признать за Богом создание мира и заботу о нем.

28. Но давайте все же согласимся, что из атомов возникло все земное, но как же быть с небесным? Эти [атомисты] говорят, что боги не подвержены порче, вечны и блаженны; только в отношении богов эти философы уступают, чтобы не казалось, будто боги созданы из атомов. 29. В самом деле, если бы боги также состояли из атомов, они без труда бы разрушались, когда вдруг разрывались бы частицы [между собой], и возвращались в исходное состояние. Но если есть что-то, что не состоит из атомов, почему мы не можем думать то же самое и об остальном? 30. Однако, я спрашиваю, почему боги, прежде чем те первоначала породили мир, не построили себе обители? Ведь если бы атомы не столкнулись и не создали бы небо, то до сих пор боги висели бы в пустоте. 31. На основе какого же соглашения, какого договора беспорядочно летающие атомы объединились друг с другом так, что из одних внизу образовалась земля, из других появилось свисающее сверху небо, усыпанное столь многочисленными звездами, красивее чего никогда ничего не могло быть придумано? 32. Кто же, увидев такое, сможет заключить, что подобное чудо было создано без какого-либо плана, без Провидения, без Божественного разума, но из тончайших и мельчайших крошек? 33. Разве не удивительно то, что родился человек, который говорил

подобное,¹ или не удивительно разве то, что появились люди, которые поверили в это, как, например, Демокрит, который был его учеником, и Эпикур, в которого влилась вся лживость из родника Левкиппа?

34. Впрочем, другие говорят, что мир создан природой, которая лишена чувства и формы.² Это еще абсурднее. Если природа создала мир, то неизбежно создавала его по плану и осмысленно. Ведь когда кто-либо создает что-нибудь, он имеет желание и знание. 35. Если же природа лишена чувства и формы, то каким образом она создала то, что обладает чувством и формой? Неужели кто-нибудь согласится, что столь тонкое и столь удивительное сотворение животных могла осуществить и одухотворить не имеющая чувства природа, или что такая красота неба, устроенная столь прозорливо для пользы живых существ, возникла сама по себе, не знаю уж, по какому там случаю, без творца и без мастера? 36. «Если, — говорит Хрисипп,³ — есть нечто такое, чего человек, хотя он и одарен разумом, не мог бы сделать, то ясно, что существует тот, кто сильнее, могущественнее и разумнее человека. Ведь человек не может создавать небесного, следовательно, тот, кто это создал, превосходит человека в мастерстве, прозорливости, разумности и могуществе. Кто же это может быть, если не Бог?»⁴ 37. Если же природа, которую считают как бы матерью вещей, не имеет разума, то она никогда ничего не созидает и ничего не наполняет жизнью. Ведь где нет мысли, там нет никакого движения и действия. 38. Если же природа пользуется планом в каком-либо начинании, разумом — при организации, мастерством — при созидании, добродетелью — при доведении до совершенства, могуществом — для управления и сохранения, почему она называется природой, а не Богом? 39. Если же или столкновение атомов, или лишенная разума природа создали то, что мы видим, то, спрашиваю я, почему они, если смогли образовать небо, не могут построить город или дом, почему они, если создали мраморные горы, не создали колонны и статуи?⁵ 40. Но атомы и

---

¹ Имеется в виду Левкипп.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. I.20.53.

³ Хрисипп — греческий философ-стоик (ок. 280 — ок. 204 гг. до н. э.), глава стоической школы после смерти Клеанфа.

⁴ Ср.: Цицерон. О природе богов. II.6.16.

⁵ Ср.: Там же. II.37.94.

не должны сталкиваться для создания подобных вещей, потому что они не сохраняют того положения, которое никогда не занимали. В самом деле, не следует удивляться на природу, что она забыла создать эти вещи, ведь она лишена разума.

41. Что же мы скажем? Бог, когда приступил к созданию этого мира, ни упорядоченнее которого, ни целесообразнее, ни прекраснее, ни грандиознее ничего не может быть, Он сам сотворил то, что не мог бы создать человек. Среди этого Он сотворил также и человека, которому дал частицу Своей мудрости и наделил его таким разумом, какой могла принять земная немощь, чтобы человек сам создавал себе необходимое для жизни. 42. Если в государстве этого мира, как я назвал бы, не было никакого Провидения, которое бы управляло, никакого Бога, Который бы руководил, откуда же тогда появился человеческий ум, столь изобретательный и столь сведущий? 43. В самом деле, если тело человека сотворено из грязи [ex humo], от которой человек [homo] получил свое имя, то дух, который мыслит, который является руководителем тела, которому повинуются члены, словно царю и императору, который нельзя ни увидеть, ни ощутить прикосновением, не мог появиться в человеке иначе, как от разумной природы. 44. Но как всем телом управляет ум и дух, так и миром управляет Бог. При этом невероятно, чтобы малые и низкие [тела] имели руководителя, а большое и высокое не имело. 45. Наконец, и Марк Цицерон в *Тускуланских беседах* и в *Слове утешения* говорит следующее: «Нельзя найти на земле никакого начала души, ведь в душе нет ничего смешанного и сбитого, ничего рожденного или слепленного из земли, ничего влажного, воздушного или огненного. 46. Ибо все эти стихии не содержат никаких задатков памяти, ума, размышления, ничего способного сохранять прошлое, предвидеть будущее, знать настоящее, а только это — божественное, и прийти этому к людям неоткуда, иначе как от Бога».¹

47. Поскольку после устранения двух или трех клеветников стало ясно, что мир управляется Провидением, которым он и создан, и поскольку нет никого, кто бы дерзнул суждение Диагора и Феодора или пустую ложь Левкиппа, или легкомыслие Демокрита и Эпикура предпо-

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. I.27.66.

честь авторитету или тех семи первых философов, которых именуют мудрецами, или Пифагора, Сократа, Платона и других величайших философов, которые считали, что Провидение существует, конечно, [явной] ложью является и та мысль, согласно которой считается, будто религию установили мудрые мужи ради устрашения, дабы страх удерживал невежественных людей от прегрешений. 48. Ведь если это так, то мы, стало быть, жертвы насмешки древних мудрых мужей. Если же они ввели религию ради того, чтобы обмануть нас и даже весь род человеческий, то они не были мудры, поскольку мудрецу чужд обман. 49. Но, допустим, они были мудрыми, какова же тогда сила их обмана, что они ввели в заблуждение не только необразованных людей, но и Платона, и Сократа, а также столь легко одурачили Пифагора, Зенона и Аристотеля, родоначальников великих школ?

50. Итак, Божественное Провидение существует, как думали и все те философы, которых я назвал. Силой Его и могуществом и создано, и управляется все, что мы видим. 51. В самом деле, такое количество вещей, такое их расположение, такое постоянство в сохранении порядка и времени никогда не могло появиться на свет без Провидящего Мастера, существовать на протяжении стольких веков без Могущественного Опекуна и вечно управляться без Искусного и Знающего Руководителя, о чем свидетельствует сам разум. 52. Ведь все, что обладает разумом, необходимо было рождено разумом. Разум же принадлежит знающей и размышляющей природе. Знающей и размышляющей природой не может быть что-то другое, кроме Бога. Поскольку же мир имеет разум, которым управляется и благодаря которому существует, то он создан Богом. 53. Если же Создатель и Правитель мира — Бог, следовательно, существует правильно и верно организованная религия. Ведь Создателю вещей и всеобщему Родителю положено воздавать и почитание, и уважение.

11. 1. Поскольку относительно Проведения определено, необходимо, чтобы мы сказали, следует ли верить в то, что оно принадлежит многим богам, или все-таки одному. **2.** Достаточно, как я полагаю, мы показали в наших *Установлениях*, что не может существовать множества богов. Ведь если бы сила и могущество были разделены среди многих, они неизбежно бы уменьшились. А то, что может уменьшаться,

необходимо смертно, если же бессмертно, то не может ни уменьшаться, ни делиться. 3. Итак, Бог один, в Нем совершенная сила и власть, которые не могут ни уменьшиться, ни увеличиться. Если бы богов было много, то в то время как каждый имел бы что-то от могущества и величия, вся сумма власти разделилась бы, и поодиночке они не могли бы иметь всего того, что является общим. Каждому недоставало бы столько власти, сколько принадлежало бы другим. 4. Не только в этом мире не может быть много правителей: ни в одном доме не может быть много хозяев, ни на одном корабле — много кормчих, ни в стаде или в стае одной — много вожakov, ни во главе одного войска множества полководцев, — но даже на небе не может быть множества солнц, как и множества душ не может быть в одном теле. До такой степени вся природа стремится к единовластию. 5. Если

*Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело,¹*

то из свидетельства поэта ясно, что существует один Хозяин мира — Бог, ибо все тело не может быть подвижно и пронизано иначе, как одним умом. Итак, все божественное могущество принадлежит одному Богу, Чья воля и власть стоит над всем, и Он настолько велик, что человек не может ни словами этого объяснить, ни чувствами оценить.

7. Откуда же к людям пришло представление о многочисленных богах? Конечно, все те, кого почитают в качестве богов, [ранее] были людьми, а именно первыми и великими царями. И кто не знает, что либо их наделили [божественностью] после смерти за доблесть, [с помощью] которой они принесли [великую] пользу человеческому роду, либо они стяжали неувядающую память благодеяниями и изобретениями, которыми они облагородили человеческую жизнь? И это были не только мужчины, но и женщины. Подобное утверждают как древнейшие писатели Греции, которых именуют теологами, так и римские, следующие и подражающие греческим. В первую очередь, Евгемер и наш Энний,²

¹ Вергилий. Энеида. VI.726–727.

² Евгемер — греческий философ IV века до н. э., за рационалистическое толкование мифов прозванный Безбожником. Энний — римский писатель (239–169 гг. до н. э.), автор эпической истории римлян, сатир и драм. Цицерон

которые обнаружили их происхождение, браки, потомство, определили власть, описали деяния, кончину и указали могилы. 9. Следуя им, Туллий в третьей книге *О природе богов* опроверг народные религии, но все же истинную, которую он не знал, ни сам он не смог ввести, ни кто-либо другой. 10. Он и сам свидетельствовал, что хотя и обнаружил он ложную религию, истинная все же ему неизвестна. «О, если бы я мог, — говорит он, — так же легко найти истинное, как обнаружить ложное!»¹ При этом он воскликнул не с издевкой, как академик, а искренне и от души. Ибо истина никогда не может быть открыта человеческим размышлением. На что способна человеческая прозорливость, так это на то, чтобы обнажить ложное. Ведь все, что является ложным и вымышленным, легко вскрыть, поскольку лишено всякого смысла.

11. Итак, существует одно начало и одна причина вещей — Бог, как понимает, утверждает и учит в *Тимее* Платон. Он говорит, что величие Бога столь огромно, что его нельзя ни умом постичь, ни словом выразить.² 12. Об этом свидетельствует также Гермес, который, как свидетельствует Цицерон, числится у египтян среди богов³ и который за добродетель и за знание многих наук именуется Трижды Великим [Тетрахимус]; он жил гораздо раньше не только Платона, но и Пифагора, а также знаменитых семи мудрецов. 13. Сократ, рассуждая у Ксенофонта,⁴ говорит, что не следует искать облик Бога, и Платон в книгах *Законов* утверждает, что Бог вообще не имеет никакого тела, Его не следует искать, так как Его нельзя ни обнаружить, ни описать.⁵ 14. Пифагор

называет его первым переводчиком и последователем Евгемера (Цицерон. *О природе богов*. I.42.119). Лактанций активно использует данные Энния в полемике с язычниками в первой книге *Божественных установлений*.

¹ Цицерон. *О природе богов*. I.32.91.

² Платон. *Тимей*. 28с. Ср.: Цицерон. *О природе богов*. I.12.30.

³ См.: Цицерон. *О природе богов*. III.22.56.

⁴ Ксенофонт Афинский — греческий историк и писатель (ок. 430 — ок. 355 гг. до н. э.), ученик Сократа; кроме всего прочего, автор сократических произведений *Воспоминания о Сократе*, *Апология Сократа*, *Пир*. В данном случае Лактанций обращается к первому из перечисленных сочинений (IV.3.13). См. также: Цицерон. *О природе богов*. I.12.31.

⁵ Платон. *Законы*. VII.821a. См. также: Цицерон. *О природе богов*. I.12.30.

также не скрывает, что существует один Бог, говоря, что это бестелесный разум, который, будучи разлит по всей природе вещей, дает всем живущим жизненную силу.¹ Антисфен² также говорил в *Физике*, что существует один истинный Бог, сколько бы народы и города не имели своих местнотимых богов.³ 15. Аристотель почти то же самое утверждает со своими перипатетиками и Зенон — со своими стоиками. Но долго перечислять суждения отдельных философов, которые, хотя и используют разные имена, все же сходятся в том, что одна власть управляет миром. 16. Тем не менее, хотя и философы, и поэты, и даже те, кто почитают богов, часто признавали Высшего Бога, все же никто из них никогда не стремился узнать о Его культе и почестях, никто не рассуждал [об этом], ибо, считая Бога вечно блаженным и неподверженным умалению, они думали, что Он ни на кого не гневается и потому не нуждается ни в каком культе. Ведь не может быть религии там, где нет никакого страха.

12. 1. Теперь, поскольку мы ответили на нечестивое и гнусное учение некоторых [философов], а скорее — на их безумие, вернемся к нашей теме. 2. Мы сказали,⁴ что, устранив религию, нельзя сохранить ни разумность, ни справедливость. Разумность, потому что одному только человеку присуще знание божественности, которым мы отличаемся от диких зверей. Справедливость, потому что если бы Бог, Который не может ошибаться, не сдерживал наших страстей, мы жили бы преступно и нечестиво. 3. То, что Бог следит за нашими поступками, не только полезно и служит сохранению общей жизни, но и разумно. Ибо без религии и справедливости мы, лишившись разума, скатимся либо к глупости скота, либо к лютой зверей и даже хуже, поскольку [даже] звери щадят животных своего рода. 4. Что было бы более диким, чем человек, что было бы злобнее человека, если бы по уничтожении высшего страха пренебрегались бы или нарушались бы законы? 5. Итак, страх Божий — единственное, что оберегает человеческую общность,

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. I.11.27.

² Антисфен — греческий философ (ок. 444–366 гг. до н. э.), основатель кинической школы философии.

³ Ср.: Цицерон. О природе богов. I.13.32.

⁴ См.: 8.7.

благодаря которой сохраняется, укрепляется и упорядочивается сама жизнь. Какой же останется страх, если человеку будет внушено, что Бог не причастен гневу, Бог, Который (как подсказывает нам не только общая польза, но и сам разум и истина) волнуется и негодует, когда случается несправедливость?

Нам необходимо еще раз вернуться к сказанному выше, чтобы, поскольку мы доказали, что мир создан Богом, объяснить, для чего он был сотворен.

13. 1. Если кто рассмотрит все устройство мира, то, конечно же, поймет, сколь верно суждение стоиков, утверждавших, что мир создан ради нас.¹ Ведь все, что существует в мире, все, что рождается миром, служит человеческой пользе. 2. Человек использует огонь для того, чтобы согреться, для получения света, для приготовления пищи и обработки железа. Он пользуется водными источниками для питья и купаний, реками — для орошения полей и проведения по ним границ. Он пользуется землей для выращивания на ней различных плодов, равнинами — для посевов, холмами — для разбивки виноградников, горами — для вырубки там деревьев и получения древесины. Он использует море не только для торговли и привоза богатств из более далеких земель, но и для ловли разных видов рыбы. 3. Если же человек пользуется теми частями мира, которые нам ближе, то не надо сомневаться, что он пользуется и небом, так как небесные тела способствуют плодородию земли, на которой мы живем. 4. Солнце в постоянном движении, меняя свое положение, совершает оборот времени. Восходя, оно начинает день для работы; заходя, приносит ночь для отдыха. То удаляясь дальше к югу, то приближаясь ближе к северу, оно создает чередование зимы и лета, чтобы земля напивалась для плодородия зимними дождями и снегом, а летом травы и плоды укреплялись и наливались жаром, а то, что произрастает в сырой местности, согревалось бы и подсушивалось. 5. Луна, правительница ночи, также, то убывая, то прирастая, отмеряет месячные отрезки, и мрачные ночи, пугающие темнотой, освещает сиянием своего блеска, чтобы без труда и тягот могли совершаться переходы, походы и работа, ведь

---

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. II.61.154.

*Ночью пустую стерню и ночью же луг переросший
Лучше косить.¹*

Прочие звезды также восходом своим и закатом в определенных местах создают соразмерность времен. 6. Также они дают руководство кораблям, чтобы те не плыли в неизвестности, сбившись с курса; чтобы кормчий, следуя их указаниям, прибывал в порт на нужном берегу. 7. Дуновение ветра пригоняет тучи, чтобы напоить дождями насаждения, благодаря чему виноградные лозы давали бы богатый урожай и кустарники изобиловали бы плодами. И это происходит регулярно, чтобы никогда не было недостатка в том, чем поддерживается жизнь. Однако и прочих животных земля кормит, и бессловесные твари питаются тем же урожаем. Неужели Бог и ради бессловесных животных трудился? 8. Вовсе нет, поскольку они лишены разума. Но мы должны понимать, что сами они созданы Богом на пользу человека: отчасти для употребления в пищу, отчасти для изготовления одежды, отчасти же для помощи в трудовой деятельности, из чего ясно, что Божественное Провидение захотело наполнить именно жизнь людей изобилием [нужных] вещей и средств. По этой самой причине Оно наполнило воздух птицами, море — рыбой, землю — четвероногими.²

9. Но академики, спорящие со стоиками, обычно спрашивают: если Бог все сотворил для человека, то зачем существует и в море, и на земле много противного, враждебного и пагубного для нас?³ Стоики, не постигшие истины, отвечали на это самым нелепым образом. В самом деле, они говорили, что в числе рожденных на свет живых существ множество таких, польза которых еще скрыта, но с течением времен она откроется, подобно тому как уже открылась необходимость и полезность многого из того, что в прежние века было непонятным. 11. Какая же польза может быть обнаружена в мышах, в тараканах, в змеях, которые назойливы и опасны для человека? Может быть, в них скрыто какое-то целебное средство? Если какое-то и скрыто и если оно когда-нибудь и будет обнаружено, то будет направлено против [подобного же] вреда, в то время как люди жалуются на тот же вред, который приносят эти животные.

¹ Вергилий. Георгики. I.289–290.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. II.63.158–159.

³ Ср.: Cic. Acad. pr. II.38.120.

12. Говорят, будто если сжечь гадюку и растереть пепел в порошок, то этим можно лечить от ее укусов. Насколько было бы лучше, если бы ее вообще не было, нежели получать из нее лекарство против нее же самой! 13. Стойки могли бы ответить более коротко и [более] верно таким образом: Бог, когда создавал человека, как Свое подобие, что было вершиной Его творчества, только ему даровал разумность, чтобы человек подчинил все своей власти и своего могуществу. Но Бог предложил человеку и доброе, и злое, поскольку дал разумность, весь смысл которой заключается в различении доброго и злого. 14. Ведь никто не мог бы выбрать лучшее и узнать, что является благом, если бы не знал вместе с тем, что является злом, которое следует отвергать и от которого нужно отклоняться. Они связаны друг с другом, чтобы при выборе одного неизбежно отвергалось и другое. 15. Когда сосуществуют доброе и злое, лишь тогда разумность совершает свое действие, при этом ищет доброе для пользы, злое же отвергает во благо здоровья. 16. Следовательно, было дано как бесчисленное количество хорошего, чтобы им наслаждаться, так и злого, чтобы его остерегаться. Ведь если бы не было никакого зла, никакой опасности, ничего, что могло бы навредить человеку, то исчез бы весь смысл разумности, и она не была бы необходима человеку. 17. Ведь если бы существовало только хорошее, зачем нужно было бы мышление, интеллект, рассудок, знание, если бы, куда бы ни простирался взгляд, все было бы сообразно и согласно природе? Это все равно, как если бы кто-то захотел подать на стол детям, которые еще неразумны, изысканную пищу, и при этом каждый из детей брал бы то, к чему его побуждают желание, голод или даже случайный выбор, и все, что дети бы ни брали, было бы полезным и пригодным. 18. Но разве они могут оставаться такими, какие есть, вечно детьми и ничего не знающими? А вот если бы ты примешал к их пище горькое, несъедобное или даже ядовитое, то они обманулись бы, поскольку у них не проявилась еще разумность, с помощью которой они могли бы отвергать плохое и выбирать хорошее. 19. Итак, ты видишь, что разумность нам необходима, скорее, для различения плохого. Если бы нам не было предложено плохого, то мы не были бы разумными животными.

20. Если же эта точка зрения, которую стойки никак не могли увидеть, верна, то лишен оснований и следующий довод Эпикура. «Бог, —

говорит он, — или хочет уничтожить зло, но не может, или может, но не хочет, или как не хочет, так и не может, или и хочет и может. 21. Если Он хочет и не может, то Он слаб, что не соответствует Богу. Если Он может, но не хочет, то Он недоброжелателен, что равно чуждо Богу. Если Он как не хочет, так и не может, то Он как недоброжелателен, так и слаб, а потому и не Бог. Если же Он и хочет, и может, что только Богу присуще, откуда тогда зло, или почему тогда Он его не уничтожает?»¹ 22. Я знаю, что многие философы, которые защищают Провидение, обычно приходят в замешательство от этого довода и часто вынуждены признавать, что Бог ни о чем не заботится, на чем особенно настаивал Эпикур, но мы, вдумчиво разобрав, без труда опровергнем этот пугающий довод. 23. В самом деле, Бог может все, что захочет, и нет в Нем никакой слабости или недоброжелательности; следовательно, Он может уничтожить и зло, но не хочет, и не потому, что Он не желает добра. А потому Он не устраняет зло, что, как я уже говорил прежде, Он предоставил человеку вместе с тем и разумность. А добра и приятности от разумности больше, чем неприятностей от зла. Ведь разумность делает так, что мы узнаем Бога и через это знание обретаем бессмертие, которое является высшим благом. Итак, если бы мы не узнали прежде зла, то не смогли бы узнать и благо. 24. Но ни Эпикур, ни кто-либо другой не видят того, что если бы было уничтожено зло, то равно исчезла бы и разумность, и в человеке не осталось бы никакого следа добродетели, смысл которой заключается в стойком перенесении и преодолении зла. 25. Итак, в результате [даже] незначительного уничтожения [т. е. уменьшения] зла мы лишаем себя великого, истинного и свойственного только нам блага. Итак, ясно, что все создано ради человека: как зло, так и добро.

14. 1. Теперь следует, чтобы я пояснил, зачем Бог создал собственно человека. Подобно тому как мир Он сотворил ради человека, так и самого его — ради Себя, словно блюстителя божественного храма, созерцателя удивительных небесных творений. 2. Ибо один только человек, наделенный чувством и разумом, способен познать Бога, восхититься Его творениями, постичь добродетель Его и могущество. Для этого и наделен он умом, проницательностью и знанием. Ради того он

¹ См.: *Episc. Fr.* 374; Ср.: Цицерон. О природе богов. I.2.3.

единственный из всех живых существ создан прямостоящим, чтобы было видно, что он возвышен для созерцания своего Родителя.¹ Для того он единственным получил дар речи и язык, передающий мысль, чтобы иметь возможность выразить могущество своего Господа. Для того, наконец, все подчинено ему, чтобы сам он был подчинен Создателю и Творцу своему — Богу. 3. Если же Бог захотел, чтобы человек был Его почитателем, и если для того предоставил ему такой почет, чтобы он повелевал всем миром, то что может быть справедливее, чем любить и Бога, Который столько всего даровал, и человека, который связан со всеми нами общностью служения Богу? Ибо нельзя служителю Божьему оскорблять служителя Божия. 4. Из этого легко понять, что человек создан ради религии и справедливости. Об этом свидетельствует и Марк Туллий в книгах *О законах*, говоря следующим образом: «Однако из всех точек зрения ученых мужей, которые касаются человека, нет лучше той, согласно которой мы рождены для справедливости».² 5. Если же это так, то Бог хочет, чтобы все люди были справедливы, т. е. любили Бога и человека, а именно чтили бы Бога как Отца, а человека ценили как брата, ибо в этих двух вещах и состоит вся справедливость.³ 6. Кто же не признает Бога и чинит вред человеку, тот живет несправедливо и вопреки своей природе и таким образом нарушает божественное установление и божественный закон.

15. 1. Здесь, наверное, кто-нибудь спросит, откуда возникают у человека грехи, или какая превратность ломает прямоту божественного порядка, отклоняя к худшему, так что человек, хотя он и рожден для справедливости, совершает несправедливые поступки. 2. Я говорил уже выше,⁴ что Бог предложил одновременно добро и зло, но при этом Он ценит добро, зло же, которое противостоит добру, ненавидит, однако для того Он сохранил зло, чтобы отличалось добро. Мы знаем, — о чем я часто говорил, — что одно без другого существовать не может. Наконец, и мир сотворен из двух противоборствующих и связанных друг с другом стихий, из огня и воды. И не мог бы существовать свет, если бы не было

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. II.56.140.

² Цицерон. О законах. I.10.28.

³ Ср.: Мф. 22.40.

⁴ См.: 13.20 и сл.

темноты, так же как не может существовать верх без низа, восток — без запада, тепло — без холода, мягкое — без твердого. 3. Так и мы состоим из двух противоборствующих частей, души и тела, одна из которых принадлежит небу, так как является тонкой и неуловимой, вторая же принадлежит земле, так как является осязаемой. Одна является незыблемой и вечной, вторая — слабой и смертной. И вот одной близко добро, другой — зло, одной — свет, жизнь, справедливость, другой — тьма, смерть, несправедливость. 4. Отсюда в людях и возникло искажение их собственной природы, чтобы необходимо существовал закон, по которому могли бы обуздываться пороки и исполняться долг добродетели. 5. И вот, поскольку в делах человеческих присутствует и добро, и зло, смысл которых я разъяснил, необходимо, чтобы Бог реагировал и на то, и на другое, проявляя либо милость, когда бы видел, что вершится справедливость, либо гнев, когда бы замечал несправедливость. 6. Но нам [опять] возражает Эпикур и говорит так: «Если Богу присуща радость для проявления милости и ненависть для проявления гнева, то Ему неизбежно присущи и страх, и вожделение, и жадность, и прочие страсти, которые принадлежат человеческой слабости».¹ 7. Необязательно бояться тот, кто гневается, или печалится тот, кто радуется. Ведь и боязливые люди менее запальчивы, а веселые — по природе менее печальны. Что же следует сказать по поводу человеческих страстей, которым подчинена наша слабость? Рассмотрим [повнимательнее] божественную необходимость, при этом я не хочу говорить «природу» [naturam], так как Бог никогда не был рожден [natus].

8. Страсть боязни имеет в человеке основу [materiam], а в Боге не имеет. Человек, поскольку он подвержен многим превратностям и опасностям, боится, как бы не появилась где-нибудь такая большая сила, которая бы стала его мучить, грабить, терзать, избивать и лишать жизни; Бог же, Которому чужды бедность, несправедливость, боль и смерть, никоим образом не может бояться, поскольку нет ничего, что могло бы совершить над Ним насилие. 9. Также в человеке присутствует причина и основание сладострастия. Ведь поскольку он задуман слабым и смертным, то была необходимость в создании противоположных полов,

---

¹ *Epic. Fr.* 366.

благодаря соитию которых могло бы рождаться для сохранения рода потомство. 10. Но этого сладострастия нет у Бога, поскольку Ему чужды и слабость, и смертность, и нет при Нем ни одной женщины, связям с которой Он мог бы радоваться, и не нуждается в наследниках Тот, Кто вечен. 11. То же самое можно сказать и о ненависти, и о жадности, которые проявляются в человеке по понятным и очевидным причинам, а в Боге — никогда. 12. Но, с другой стороны, и милость, и гнев, и сострадание имеют в Боге свою основу, и действительно, то высшее и единственное в своем роде могущество пользуется ими для сохранения [сотворенного] мира.

16. 1. Кто-нибудь спросит, какова же эта основа. Во-первых, надломленные обрушившимися несчастьями люди бегут прежде всего к Богу, смягчают Его, молят, веря, что Он может отвести от них несправедливости. Стало быть, Бог имеет причину сострадания, ведь Он не настолько суров и пренебрежителен к людям, чтобы отказывать в помощи страждущим. 2. Во-вторых, многие из тех, кто убежден, что Бог ценит справедливость, и кто почитает Его, поскольку Он Господь и всеобщий Родитель, воздают Ему дары и жертвы в виде усердных молитв и каждодневных просьб, удостаивают имя Его славы, стараются привлечь Его [милость] справедливыми и добрыми поступками. Следовательно, существует то, ради чего Богу и можно, и должно угождать. 3. Ведь если нет ничего столь сообразного Богу, как благодеяние, и нет ничего столь чуждого Ему, как неблагодарность, то необходимо, чтобы Он что-то давал за службу благим и ведущим святую жизнь людям и награждал их, чтобы не возникало подозрений в неблагодарности, которая даже для человека преступна.

4. В свою очередь, есть и другие, преступники и нечестивцы, которые все оскверняют сладострастием, совершают насилия, обманывают, грабят, убивают, не щадят ни родственников, ни родителей, презирают законы и даже самого Бога. Стало быть, и для гнева Бог имеет причину. 5. Ибо непозволительно, чтобы Он, увидев подобное, не обеспокоился и не решился наказать преступников, чтобы Он не истребил губителей и нечестивцев, заботясь обо всех добрых людях: таким образом, в самом гневе [Его] уже пребывает милосердие. 6. Следовательно, пусты доводы и тех, кто, отрицая, что Бог гневается, утверждают,

что Он милосерден, так как без гнева не может быть милосердия, и тех, кто полагают, будто Богу чуждо любое волнение души, 7. и которые, признавая, что существуют некоторые страсти, несвойственные Богу, как, например, сладострастие, страх, жадность, грусть и ненависть, говорят, что Он вообще чужд всякой страсти. Он лишен этих страстей, так как это — страсти нечестивцев, те же страсти, которые являются добродетельными, а именно гнев в отношении дурных людей, любовь к хорошим, сострадание к обездоленным, поскольку эти страсти подобают божественному могуществу, неотъемлемы для Него, справедливы и истинны. 8. Если бы Он не имел их, то жизнь человеческая расстроилась бы и положение дел пришло бы в такое смятение, что стала бы править дерзость, поскольку законами бы пренебрегали и нарушали их, так что никто бы, кроме тех, кто сильнее, не мог чувствовать себя в безопасности. В результате вся земля обезлюдела бы, словно после всеобщего опустошения. Сейчас же, поскольку злых ожидает наказание, добрых — награда, а обездоленных — помощь, есть место для добрых дел, а преступлений более редки.

9. «Но ведь преступники, как правило, более счастливы, а добрые люди более несчастны, и неправедные безнаказанно мучают праведных». Мы потом ответим, почему так происходит, пока же скажем только по поводу гнева, свойствен ли какой-то гнев Богу, или же Он совершенно ни о чем не заботится и не возмущается против того, что совершается бесчестно.

17. 1. Эпикур говорит, что Бог ни о чем не печется.¹ Стало быть, Он не имеет никакого могущества — ведь тот, кто имеет могущество, неизбежно заботится, — или если имеет и не использует его, то какова причина такого пренебрежения, когда для Него не то что наш род, но и сам мир неважен? 2. Потому, говорит Эпикур, Бог совершенен и благ, что всегда безмятежен.² Кому же принадлежит управление столькими вещами, если то, к чему равнодушен Бог, управляется, как мы видим, весьма разумно? Или каким образом может быть безмятежен тот, кто живет и обладает чувством? Ведь покой — это свойство либо сна, либо смерти.

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. I.19.50–51; Цицерон. О дивинации. II.50.104.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. I.20.52.

3. Но ведь и сон лишен покоя. В самом деле, когда мы спим, тело хотя и покойно, душа остается все же беспокойной. Она представляет себе образы реальных вещей, чтобы в разнообразии видений повторять свое естественное движение, и отвлекает себя выдуманными образами, пока члены наполняются силой и обретают благодаря отдыху крепость.¹

4. Итак, полный покой принадлежит одной лишь смерти. Если же смерть чужда Богу, то, следовательно, Бог никогда не имеет покоя. В чем же может заключаться деятельность Бога, если не в управлении миром? А если Бог заботится о мире, то Он печется и о человеческой жизни, наблюдает за поступками каждого и хочет, чтобы люди были разумны и добры. 5. Это воля Божия, это — божественный закон. Кто следует ему, кто его соблюдает, тот угоден Богу. Следовательно, необходимо, чтобы Бог проявлял гнев в отношении того, кто либо преступает, либо презирает этот неизменный божественный закон.

6. «Если Бог, — говорит тот философ, — причиняет кому бы то ни было ущерб, то Он уже не добр». В немалое заблуждение впадают те, кто строгость человеческую ли, божественную чернят именем жестокости и злобы, полагая, что того, кто наказывает несущего зло, следует самого именовать злым. Если это так, то мы имеем злые законы, которые требуют наказания преступников, и злых судей, которые предают уличенных в преступлении на смертную казнь. 7. Если же и закон, который воздает преступнику то, что тот заслужил, признается справедливым, и судья считается непредубежденным и справедливым, когда он наказывает за дурные поступки (ибо кто карает преступников, тот защищает честных людей), стало быть, и Бог, когда противодействует дурным людям, не является злым. Злодей же тот, кто либо глумится над невинными, либо щадит преступника, так что тот приносит несчастье многим. 8. Хочется спросить у тех, кто считают Бога безмятежным: если кто-то имеет дома челядь, и рабы его, презрев снисходительность господина, присвоят все принадлежащее ему, если они сами станут пользоваться имуществом его, если их, [рабов], станет почитать челядь его, а господина все будут презирать, насмехаться над ним и покидать его, то неужели может считаться разумным тот, кто не покарает за оскорбле-

¹ Ср.: *Лактанций*. О творении Божиим. 18.4–9.

ние и станет терпеть, чтобы его богатствами пользовались рабы, над которыми он имеет власть? Где вообще можно найти такую снисходительность? Если вообще следует подобное называть снисходительностью, а не тупоумием непостижимым! 9. Но презрение еще можно снести. А что, если случится вдруг то, о чем пишет Цицерон? «В самом деле, я спрашиваю, если отец семейства, найдя детей своих убитыми рабами, жену зарезанной, а дом сожженным, не подвергнет рабов своих жестокой каре, сочтем ли мы его милосердным и сострадательным или бесчеловечным и жестоким?»¹ 10. Если же прощение таких преступлений является жестокостью, а не милосердием, то и Бог лишен благодати к тому, что происходит несправедливо. 11. Ведь мир является как бы домом Бога, а люди как бы Его рабами. Если они будут насмехаться над именем Его, то какая [будет для Бога] снисходительность в том, чтобы расстаться с уважением к Себе, чтобы увидеть, что творится превратное и несправедливое, и не возмутиться этому, что свойственно и естественно для Того, Кому ненавистны прегрешения?

12. Следовательно, гневаться правильно, ведь при этом наказываются проступки и обуздывается своеволие, что, как бы то ни было, справедливо и разумно. Но стоики не видят разницы между правым и неправым, не видят, что есть гнев праведный и неправедный, и поскольку не находили в гневе пользы, то хотели его вообще исключить. Перипатетики же говорили, что его следует не исключать, а обуздывать, о чем мы достаточно сказали в шестой книге *Установлений*.² 13. То, что философы не знали, в чем смысл гнева, становится ясно из определений гнева, которые Сенека собрал в книгах, написанных им, *О гневе*. «Гнев, — говорит он, — это жажда отомстить за несправедливость или, как говорит Посидоний, это жажда наказать того, от кого, как тебе кажется, ты пострадал. Некоторые определяют так: гнев — это жажда души нанести обиду тому, кто нанес или хотел нанести обиду тебе. Определение Аристотеля мало отличается от нашего, ибо он говорит, что гнев — это желание воздать болью за боль».³ 14. Это тот гнев, который выше мы назвали неправедным, который свойствен даже бессловесным животным, человек

¹ Цицерон. Речь против Катилины. IV.6.12.

² См.: Лактанций. Божественные установления. VI.15.2–16.6.

³ Ср.: Сенека. О гневе. I.2–3.

же его должен сдерживать, чтобы в исступлении не совершить еще большего злодеяния. Этот гнев не может быть присущ Богу, поскольку Он неуязвим, а человеку может, поскольку тот слаб. Ведь обида причиняет боль, а боль порождает жажду мести.

15. Где же тот праведный гнев, который обращен на людей, совершающих преступление, который, как бы то ни было, не является жадой мести, так как не несет в себе несправедливость? 16. Я не говорю о тех, кто преступают закон. В отношении их судья хотя и может гневаться без упрека, все же мы считаем, что судья должен быть непредвзят, когда налагает на преступника наказание, ибо он является слугой закона, а не своих суждений или своей власти, как считают те, которые пытаются искоренить гнев. Но я говорю скорее о тех, кто находятся в нашей власти, как, например, рабы, дети, супруги и ученики. Когда мы видим, что они совершают проступок, то возбуждаемся стремлением остановить их. 17. Ибо добрый и справедливый человек неизбежно не любит то, что несправедливо, а кому не нравится зло, тот возмущается, когда видит, что оно творится. Следовательно, мы возбуждаемся стремлением наказать не потому, что уязвлены, но чтобы сохранить порядок, поправить нравы и обуздать произвол. 18. Это и есть праведный гнев. Он как для человека является необходимостью для исправления порочности, так и для Бога, Чьему примеру следует человек. 19. В самом деле, как мы должны держать в руках тех, кто подчинен нашей власти, так и Бог должен пресекать преступления всех. Чтобы делать это, Он должен гневаться, поскольку доброму естественно возмущаться и раздражаться на проступки других. 20. Стало быть, [философы] должны были дать такое определение: гнев — это порыв души, направленный к наказанию за прегрешения. Ведь даже определение Цицерона, будто гнев является жадой мести,¹ не слишком отличается от приведенных выше.

21. Итак, гнев, который мы можем назвать яростью или вспыльчивостью, не должен быть присущ даже человеку, поскольку такой гнев абсолютно порочен, но тот гнев, который касается исправления пороков, не должен быть отнят у человека и [тем более] не может быть отнят у Бога, поскольку такой гнев полезен и необходим в человеческой жизни.

---

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. III.5.11; IV.19.44.

18. 1. «Зачем, — скажет кто-нибудь, — нужен гнев, если прегрешения могут быть пресечены и без этой страсти?» Но ведь нет никого, кто бы мог спокойно наблюдать за совершением преступления. Возможно, мог бы кто-то так поступать, тот, кто занимается законами, поскольку проступок совершается не у него на глазах, а о нем становится известно от кого-то другого, и это сообщение может вызвать сомнение. Ведь никогда не может быть преступление столь явным, чтобы не было места оправданию, и потому судья может не гневаться на человека, который может оказаться невиновным, а когда избличенное преступление оказывается выведено на свет, то он пользуется уже не своим определением, а определением законов. **2.** Но можно согласиться, что судья то, что совершает, делает без гнева, ибо поступает так, как следует. Мы же, когда дома совершают проступок наши [домочадцы], когда мы видим это или чувствуем, то обязательно негодуем, поскольку само зрелище преступления отвратительно. **3.** Ведь кто вообще не возмущается, тот либо одобряет преступления, что постыдно и неверно, либо боится душевных мук от упрека, которые уравновешенная душа и спокойный ум не любят и избегают, если не подстрекаются и не побуждаются гневом. Кто же хотя и возмущается, но из-за чрезмерной мягкости прощает или чаще, чем необходимо, или постоянно, тот как губит жизнь тех, чью дерзость поощряет к большим преступлениям, так и самому себе создает прочную основу для душевных мук. Стало быть, подавление собственного гнева [вдвойне] пагубно.

4. Прославляют Архита Тарентийского,¹ который, узнав, что в его имении все погибло по вине управляющего, воскликнул: «Несчастный, я бы забил тебя палками, если бы не был разгневан!»² **5.** Философы считают это уникальным примером терпимости, но под воздействием авторитета [Архита] не видят, насколько вздорно тот и говорил, и поступал. Ведь если, как утверждает Платон, разумный человек наказывает не потому, что совершено преступление, а для того, чтобы оно не совершалось впредь,³ то ясно, насколько дурной пример показал [этот

¹ *Архит Тарентийский* — философ пифагорейской школы, политический деятель и полководец (ок. 400 — ок. 365 гг. до н. э.).

² Ср.: *Цицерон. Тускуланские беседы. IV.36.78.*

³ См.: *Платон. Законы. XI.934a; Сенека. О гневе. I.19.7.*

якобы] рассудительный муж. 6. Ведь если рабы будут знать, что их господин карает, когда не гневается, и шадит, когда он в гневе, они перестанут совершать мелкие погрешности, чтобы не быть побитыми, но станут грешить как можно сильнее, чтобы тем самым усилить раздражение вышедшего из себя человека и остаться без наказания. 7. Так вот, я восславил бы этого [Архита], если бы, разгневавшись, тот дал сначала остыть своему гневу, чтобы потом, спустя некоторое время, когда душа справилась бы с волнением, вынести приговор. 8. Следовательно, в момент чрезмерного гнева следует не отказываться от наказания, а только откладывать его, чтобы исступление наказывающего не причинило виноватому боли больше, чем следует. При чем же здесь невозмутимость и какая разумность в том, чтобы кто-нибудь получал наказание за небольшой проступок, а за большой получал прощение? 9. В самом деле, если бы [Архит] знал природу вещей, он никогда бы не явил столь несообразного самообладания, в результате которого ни к чему не годный раб радовался тому, что господин разгневан на него.

10. Ведь как Бог снабдил человеческое тело многими различными органами чувств, необходимыми для жизни, так Он даровал душе различные страсти, благодаря которым сохранялась бы сущность жизни. Как Он даровал сладострастие для продолжения рода, так и гнев для обуздания провинившихся. 11. Но те, кто не знают пределов добра и зла, как сладострастие используют ради наслаждения и для разврата, так и гнев для мести, гневаясь на тех, кто вызывает ненависть. Вот они гnevаются и на невинных, и на равных себе, и на тех, кто выше их. Отсюда изо дня в день совершаются страшные преступления, отсюда часто рождаются трагедии. 12. Итак, Архита следовало бы прославлять, если бы, разгневавшись на какого-то равного ему гражданина за причиненную несправедливость, он сдержал бы себя и унял бы порыв ярости с помощью самообладания. Это самообладание достойно похвалы, если им останавливается гораздо большее злодеяние. Но оставлять безнаказанными грехи рабов и детей — преступно, ибо в результате безнаказанности плохое перерастает в худшее. В этом случае не нужно сдерживать гнева, но даже, если он слаб, следует еще усилить его.

13. То, что мы сказали о человеке, относится и к Богу, Который сотворил человека по подобию Своему. Я не говорю о форме Бога, поскольку

стоики утверждают, что Бог не имеет никакой формы, и всплывет совершенно иной и длительный разговор, если я вздумаю опровергать их, я говорю лишь о душе. 14. Если во власти Бога знать, думать, понимать, предвидеть и осуществлять [задуманное], а из всех живых существ способен на это только человек, то, стало быть, человек создан по образу Божию. А к пороку он склонен потому, что смешан с земной слабостью. И он не мог бы [своими силами сохранить] того, что получил от Бога, т. е. оставаться безупречным и чистым, если бы тот же Бог не дал ему предписаний справедливости.

19. 1. Но поскольку человек, как мы говорили, состоит из двух частей, из души и тела, то в одной заключены добродетели, а в другой — пороки, и они борются друг с другом. Ведь блага души, которые состоят в сдерживании чувственности, противны телу, а блага тела, которые состоят в разного рода наслаждениях, враждебны душе. 2. Но если кто с помощью добродетели души будет бороться с чувственностью и одолеет ее, тот будет воистину подобен Богу. Отсюда ясно, что человеческая душа, которая обладает божественной добродетелью, бессмертна. 3. Но поскольку добродетель горька, а вкус наслаждения сладостен, многие одолеваются и влекут себя к удовольствию. Эти люди, поскольку предаются телу и земным благам, погружают себя в землю и не в состоянии достичь милости божественного дара, поскольку оскверняют себя пороками. 4. Кто же, следуя за Богом и будучи покорным Ему, презирает томления тела и, предпочитая наслаждениям добродетель, хранит невинность и ведет праведную жизнь, того Бог признает равным Себе. 5. А поскольку Он установил священнейший закон и хочет, чтобы все были невинны и добродетельны, разве может Он не гневаться, видя, когда пренебрегают Его законом, забывают о добродетели, жаждут наслаждения? 6. Ибо если Он является Правителем мира, как и должно быть, то Он не равнодушен ко всему, что происходит в мире. Если Он — Провидец, как и надлежит Богу, Он, как бы то ни было, заботится о роде человеческом, чтобы наша жизнь была [духовно] богаче, лучше и безопаснее. Если Он является Отцом и Господином для всех, то, конечно, Он радуется добродетелям людей и раздражается на их пороки. Следовательно, Он ценит праведных и ненавидит нечестивцев. 7. «Не нужно ненависти, — говорит философ, — коль скоро Он определил добрым награду и наказание злым».

Если же кто-то будет жить праведно и невинно и в то же время будет не почитать и напрочь отвергать Бога, как Аристид,¹ Кимон² и большинство философов, неужели для такого человека останется безнаказанным то, что хотя он и подчиняется закону Божьему, но самого Его отвергает? 8. Значит, есть что-то, вследствие чего Бог может гневаться, а именно — уверенность человека, отвергающего Его, в собственной непогрешимости. А если Он может гневаться на такого человека из-за [его] высокомерия, то почему не испытывать Ему еще больше гнева к грешнику, который презирает Его закон вместе с Законодателем? 9. Судья не может простить преступника, потому что подчинен чужой воле, а Бог может, поскольку Он сам и Толкователь закона, и Судья; дав закон, Он не лишил Себя всей власти, но оставил за Собой право на прощение.

20. 1. Если Бог может прощать, следовательно, Он может и гневаться. «Почему же, — спросит кто-нибудь, — и те, кто грешат, часто бывают счастливы, и те, кто ведут благочестивую жизнь, часто несчастны?» Действительно, и беглецы, и изгнанники живут свободно, а те, кто находятся под властью отца и господина, живут в более суровых условиях. 2. Дело в том, что добродетель проявляется и обнаруживает себя через трудности, а пороки — в наслаждениях. И тот, кто грешит, не должен уповать на вечную безнаказанность, так как не бывает вечного счастья,

Но дня последнего должно

Ждать человеку всегда, и не может быть назван счастливым

Раньше кончины никто, до обрядов по нем погребальных,³

как сказал сладкозвучный поэт. 3. Смерть — это то, что показывает мнимость благополучия, и никто — ни живой, ни мертвый — не может избежать суда Божия. Ибо в Его власти и живых низвергать с вершины [благополучия], и мертвых подвергать вечным мукам. 4. «Напротив, —

---

¹ *Аристид* — афинский государственный деятель († ок. 468/467 гг. до н. э.), стратег, участник Марафонской битвы, Саламинского сражения и битвы при Платеях.

² *Кимон* — афинский государственный деятель (ок. 510–450 гг. до н. э.), участник греко-персидских войн. О его добродетелях и атеизме Лактанций уже писал в *Божественных установлениях* (VI.9.8).

³ *Овидий*. *Метаморфозы*. III.135–137.

говорит [философ], — если Богу не чужд гнев, то Он должен тотчас осуждать всякого и тотчас наказывать по заслугам». Но если бы Он поступал именно так, то никого бы [в живых] не осталось. Ведь нет никого, кто бы никогда не грешил, и существует много того, что побуждает ко греху: молодость, пристрастие к вину, нужда, случайность, выгода. 5. Настолько немощность плоти, в которую мы облечены, подчинена греху, что если бы Бог не щадил никого, то весьма немногие сохранили бы жизнь. По этой причине Бог весьма терпим и сдерживает Свой гнев. Ибо поскольку Он обладает совершенной добродетелью, то Он с необходимостью обладает и совершенной терпимостью, поскольку она сама является добродетелью. 6. Сколь многие из грешников становились со временем праведниками: из злых — добрыми, а из необузданных — сдержанными! Сколь многие, будучи в раннем возрасте нечестивыми и осуждаемыми всеми, превращались со временем в достойных похвал людей! Этого, конечно, не случилось бы, если бы за каждым прегрешением следовало немедленное наказание. 7. Гражданские законы осуждают уличенных в преступлениях, но существует множество людей, чьи грехи скрыты, много тех, которые останавливают обвинителя или мольбами, или подношениями, много и тех, которые избегают суда благодаря [своему] влиянию и могуществу. 8. Если бы всех тех, кто избежал человеческого наказания, тотчас же настигала Божественная кара, то людей осталось бы на земле немного, а то и вообще бы все исчезли. 9. Пожалуй, одно лишь может быть справедливой причиной уничтожения рода человеческого: если люди, презрев живого Бога, стали оказывать божественные почести земным и тленным образам, словно небесным, обращаясь с мольбами к творениям рук человеческих; 10. и в то время, как Бог Создатель, сотворив людей с возвышенным ликом и прямостоящими, поднял их к созерцанию неба и познанию Бога, те предпочли бы обратить себя к земле и ползать по ней наподобие скота. 11. Ибо ничтожен, скорблен и согбен тот, кто, отвернувшись от неба и Бога Отца, почитает землю, которую должен попираť, т. е. почитает созданное и слепленное из земли. 12. И вот при такой нечестивости людей и при таких прегрешениях терпение Бога направлено на то, чтобы люди сами исправились, осудив главные заблуждения жизни. К тому же есть много добрых и праведных людей, которые, отвергнув земные культы, не познали могущества единого

Бога. 13. Но хотя терпение Бога велико и имеет смысл, сколько бы не откладывал Он наказание преступников, все же Он не потерпит, чтобы это продолжалось слишком долго, видя, что те неисправимы.

21. 1. Остается еще один, последний вопрос. Ведь кто-то, наверное, скажет, что гнев настолько чужд Богу, что Он даже человеку запретил гневаться. 2. Я бы мог ответить так: человеку следует сдерживать гнев, поскольку часто гневаться и быть вспыльчивым грешно, ибо гнев преходящ. 3. Так вот, чтобы не происходило того, что совершают в моменты гнева и низкие люди, и средние, и даже великие цари, ярость следует сдерживать и унимать, чтобы лишенный ума человек не учинил какого-то непростительного проступка. Бог же не гневается сгоряча, так как Он вечен и обладает совершенной добродетелью, и никогда не гневается понапрасну. И все же дело не в этом.

4. Ведь если бы Бог совершенно запретил гневаться, то некоторым образом Сам оказался бы порицателем Своего творчества, так как изначально дал человеку гнев, ибо считается, что именно ради этого возбуждения в человеке присутствует желчь. 5. Итак, Бог не запретил гневаться вообще, так как эта страсть продиктована необходимостью, но запретил пребывать в гневе. В самом деле, гнев смертных должен быть смертным [т. е. скоротечным]. Ведь если бы он сохранялся вечно, то неприязнь [людей друг к другу] довела бы до всеобщей гибели. 6. Наконец, с другой стороны, когда Бог хотя и дозволил гневаться, но все же запретил грешить, Он, как бы то ни было, не вырывал гнев с корнем, но смягчал его, требуя, чтобы мы, наказывая, всякий раз соблюдали меру и следовали справедливости. 7. Тот, Кто повел нам гневаться, Сам обязательно гневается; Кто предписывает нам скорее успокаиваться, Сам склонен к умиротворению. Разумеется, Он предписывает нам то, что справедливо и полезно для общей жизни. 8. Но, поскольку я сказал, что гнев Бога не является преходящим, как у человека, который моментально вскипает и не может из-за тленности [плоти] с легкостью управлять собой, мы должны понять, что поскольку Бог вечен, то и гнев Его вечен, но, опять же, поскольку Бог одарен совершенной добродетелью, Он предпочитает управлять Своим гневом, а не поддаваться ему, а также сдерживать его, что позволительно более сильному. 9. Ведь если бы гнев Его был абсолютно бессмертен, то не было бы места извинению и прощению

после проступка, в то время как сам Он повелел людям мириться перед заходом солнца, но гнев Божий вечен в отношении тех, кто вечно грешит. 10. Бога же можно умиловать не фимиамом, не жертвами, не драгоценными дарами, которые все преходящи, но улучшив нравы, и тот, кто прекращает грешить, унимает гнев Божий. Поэтому-то Он и не карает незамедлительно всякого преступника, чтобы человек имел возможность раскаяться и исправиться.

22. 1. Это, дорогой Донат, я хотел сказать о гневе Божиим, чтобы ты знал, каким образом тебе отвечать тем, кто считают Бога безмятежным. 2. Остается, по примеру Цицерона, сделать концовку в завершение разговора. В самом деле, как он поступил в *Тускуланских беседах*, рассуждая о смерти,¹ так и мы должны к своему труду присоединить божественные свидетельства, которым можно было бы поверить, чтобы мы опровергли убеждения тех, кто, считая Бога чуждым гневу, совершенно ниспровергают религию, без которой, как я показал, мы дойдем до дикости зверей или глупости скота. Ибо в одной только религии, т. е. в признании Всевышнего Бога, заключена [подлинная] мудрость. 3. Все пророки, исполненные Божественного Духа, ни о чем ином не говорили, кроме как о милосердии Бога в отношении праведников и о гневе Его в отношении нечестивцев. Хотя свидетельств их было бы достаточно, нам все же пришлось изболтать этих [нечестивцев] с помощью доводов разума, поскольку те, кто внешне превозносят мудрость, не доверяют [пророкам]. 4. Но поступать так, чтобы к авторитету божественных слов добавлять и человеческие доводы, неверно, поскольку правильнее было бы подкреплять человеческие доводы божественными речами, которые сейчас мы опустим, чтобы не вызвать со стороны тех [философов] осуждения и чтобы разговор [наш] не стал бесконечным.

5. Многие великие писатели, из греков — Аристоник и Аполлодор Эритрейский,² из наших — Варрон и Фенестелла,³ сообщают о множест-

¹ Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.47.112.

² Аполлодор Эритрейский — скорее всего, имеется в виду Аполлодор Афинский, известный греческий ученый и мифограф II века до н. э.

³ Фенестелла — римский историк-антиквар времен Августа и Тиберия († в 19 г.), автор *Анналов*, которые до нас не дошли.

ве Сивилл.¹ Все эти писатели среди прочих выделяют особенно одну — Эритрейскую. 6. И Аполлодор прославляет ее как свою согражданку, и Фенестелла также передает, что в Эритреи сенатом были отправлены легаты, чтобы привезти оттуда песни этой Сивиллы в Рим и чтобы консулы Курион и Октавий² положили их на хранение в Капитолии, который тогда был вновь отстроен Квинтом Катулом. 7. У нее встречаются такого рода слова о Всевышнем Боге и Создателе мира:

*В небе живущий Создатель, Господь бессмертный и вечный,
Он возвращает сторицей тому, чьи деяния благи,
Но против злых нечестивцев ужасный гнев возбуждает.*³

8. И вновь в другом месте, перечисляя проступки, от которых Бог приходит в негодование, она произнесла следующее:

*Идолов мерзких оставьте, живому Богу служите;
Остерегайтесь блуда и грязного ложа мужского,
Если дети родятся, растите их, не убивайте —
Все прегрешения эти влекут Божий гнев за собою.*⁴

Значит, Он негодует в отношении грешников.

23. 1. Но поскольку, как я сказал, учеными мужами передается, что Сивилл было много, свидетельства одной будет недостаточно для утверждения истины, к чему мы стремимся. 2. И хотя сочинения Кумской Сивиллы, в которых записана судьба римлян, хранятся в тайне, книги всех остальных не запрещено использовать никому. 3. Одна из них, предвещающая всем народам гнев Божий за человеческую нечестивость, высказалась таким образом:

*Гнев Господень ужасный грядет непокорному свету!
Все, чем Бог угрожает последнему веку, скажу я
Жителям каждого града, всем будет пророчество ясным.*⁵

¹ О Сивиллах см.: Лактанций. Божественные установления. I.6.7–14.

² Консульство Гн. Октавия и Г. Скрибония Куриона приходилось на 76 г. до н. э.

³ Книги Сивилл. Фрагм. III.17–19.

⁴ Там же. III.763–766.

⁵ Там же. VIII.1–3.

4. Другая также утверждала, что в предшествующий век случилось бедствие, которое было выражением негодования Бога в отношении неправедных людей, чтобы пресечь порочность рода человеческого:

*После того гнев Господень на них обрушился с неба,
На города и людей, живущих под тем небосводом,
Морем тут стала земля из-за вод, что берега окатили.¹*

5. Подобным же образом она пророчила грядущий пожар, в котором вновь будет уничтожено нечестие людей:

*Тут им придется узнать, что милостив долгие не будет
Бог, но, безудержный в гневе, намерен род погубить их —
Так, чтобы весь он горел во время большого пожара.²*

6. Отчего у Назона так сказано о Юпитере:

*Вспомнил, — так судьбы гласят, — что некогда время наступит,
Срок, когда море, земля и небесный дворец загорятся, —
Гибель будет грозить дивнослаженной мира громаде.³*

7. Это неизбежно случится тогда, когда исчезнет у людей поклонение и почитание Всевышнего Бога. Сивилла же, свидетельствуя, что Его может умиловить раскаяние со стороны грешников и их исправление, добавила следующее:

*Образ мыслей смените, пустые люди, и кару
Не вынуждайте Его для вас выбирать.⁴*

И чуть позже она же:

*Милость Его призывайте к себе, нечестивым. Дарует
Он прощение всем, не губит — снова утихнет
Гнев, если в душах своих воспитаете вы благочестье.⁵*

---

¹ Книги Сивилл. Фрагм. IV.51–53.

² Там же. IV.159–161.

³ Овидий. Метаморфозы. I.256–258.

⁴ Книги Сивилл. IV.162–163.

⁵ Там же. IV.168–170.

8. Наконец, другая Сивилла увещевает, что необходимо любить Создателя неба и земли, чтобы негодование Его не погубило людей:

*Чтобы нетленный Господь, разгневавшись, смерти не предал
Весь человеческий род нечестивый, бесстыдное племя,
Нужно Создателя чтить — бессмертного вечного Бога.¹*

9. Из слов [прорицательниц] ясно, что пусты суждения философов, которые считают Бога невозмутимым и называют среди прочих Его достоинств то, что весьма вредно, отнимая у Него то, что способствует человеческой жизни и благодаря чему проявляется Его могущество.

10. Пало бы это земное царство и ослабела бы власть, если бы их не поддерживал страх. Уничтожь гнев царя, и не только все перестанут ему подчиняться, но и свергнут его с престола. Мало того, лиши какого-нибудь ничтожного человека этой страсти [т. е. гнева], кто не ограбит его? Кто не станет над ним издеваться? Кто не станет чинить ему несправедливости? 11. И вот он лишился бы и одежды, и места жительства, и пропитания, когда бы все, что он имел, было [безнаказанно] похищено другими. Я не говорю уже о том, что без гнева и страха не могло бы существовать могущества небесной власти. 12. Аполлон Милетский, спрошенный о религии иудеев, сказал в ответ следующее:

*Бога там чтят как Царя и Создателя мира,
Перед Которым и небо, и море, и также земля вся,
И Тартар, и демоны, страхом объятые, благоговеют.²*

13. Если Бог столь кроток, как хотят философы, то каким образом по воле Его не только демоны и помощники Его власти, но и небо, земля и вся природа вещей трепещут? Ведь если никто никому не служит иначе как поневоле, значит, всякая власть стоит на страхе, страх же — на гневе. Ведь если бы никто не гневался на человека, не желающего подчиняться, тот не стал бы повиноваться. Пусть каждый взглянет на свои страсти и тогда сразу же поймет, что не может быть никакой власти без гнева и без наказаний. Бог же обладает властью, стало быть, неизбежно обладает и гневом, на котором стоит [всякая] власть.

¹ Там же. V.358—360.

² Перевод наш. — В. Т.

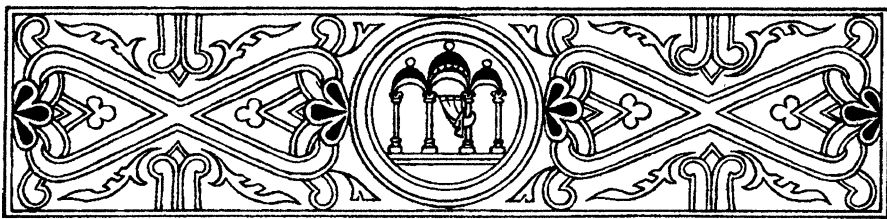
24. 1. Поэтому пусть никто, будучи увлечен пустословием философов, не думает, что Бог равнодушен к нему, что является высшим нечестьем. 2. Мы все должны и любить Его, поскольку Он Отец нам, и уважать Его, поскольку Он Господь нам, и почитать, поскольку Он милостив, и бояться, поскольку Он суров: Он объединяет в Себе и то и другое. 3. Кто своим безупречным благочестием не станет любить Отца души своей? Или кто станет безнаказанно презирать того, Кто, будучи Владыкой мира, обладает истинной и вечной властью над всеми? 4. Следует почитать Его как Отца, ибо Он дает нам путь к свету, которым мы наслаждаемся, благодаря Ему мы живем, благодаря Ему получили приют в этом мире. 5. Следует признавать Его Господом, ибо Он дает нам бесчисленные богатства, поддерживает нас, в доме Его мы живем, семейству Его принадлежим. И пусть мы не столь послушны, как следовало бы, и не столь ревностны, чтобы оказаться достойными непреходящих наград Господа и Отца, все же мы можем уповать на снисхождение Его, если примем Его культ и будем признавать Его и если, отвергнув грязные и земные вещи и блага, обратимся к небесным, божественным и вечным.

6. Чтобы мы могли совершить все это, мы должны слушаться Бога, молить Бога и почитать Его, поскольку в Нем — начало мира, основа [всех] добродетелей и источник [всяких] благ. В самом деле, что может быть могущественнее Бога, разумнее и прекраснее Его? 7. Поскольку Он родил нас, чтобы мы были мудры, создал нас, чтобы мы были справедливы, то недопустимо, чтобы человек, оставив Бога, Дарителя чувств и жизни, стал служить земному и тленному или, увлекшись стяжанием временных благ, удалился от невинности и благочестия. 8. Порочные и тлетворные радости не делают человека счастливым: ни богатство, ни чувственные наслаждения, ни пустое тщеславие, ни преходящие почести; плененная всем этим и подчиненная телу человеческая душа будет осуждена на вечную смерть. И только невинность и только праведность [делают человека счастливым], законной и достойной наградой за которые является бессмертие. 9. Ее изначально установил Бог для святых и безупречных душ, которые сохраняют себя невредимыми и нетронутыми пороками и всякого рода земной скверной. 10. Причастными этой небесной и вечной награде не могут быть те, кто пятнают совесть свою

обманами, грабежами, мошенничеством, а также те, кто покрывают себя несмываемым позором в результате несправедливых, мерзких, нечестивых проступков. 11. Поэтому необходимо, чтобы все, кто разумны, кто хотят заслуженно именоваться людьми, презирали тленное, попирали земное и отвергали низкое, чтобы иметь возможность соединить себя с Богом блаженной неразрывной связью. 12. Да исчезнет нечестивость, да утихнут вносящие смуту раздоры и пагубные разногласия, которые ослабляют, нарушают и разрушают божественные узы человеческой общности и гражданского союза.

Насколько мы можем, мы должны стремиться быть добрыми и милосердными. Если что-то из богатства, что-то из имущества у нас вдоволь, пусть это послужит не удовольствию одного, а пользе многих. 13. Ведь удовольствие столь же смертно, как и само тело, которому оно оказывает услуги, справедливость же и милосердие столь же бессмертны, как ум и душа, которые через благие поступки уподобляют нас Богу. 14. Да пребудет Бог у нас не в храмах, но в сердце нашем, ибо все, что создано руками, тленно. Да очистим мы этот храм, который засоряется не пылью и не грязью, а дурными помыслами, который мы освещаем не воском горящим, но сиянием Бога и светом [истинной] мудрости. 15. Если мы будем верить, что Бог, Чьему наитию открыты все тайны души, всегда пребывает в этом храме [т. е. в нашем сердце], то станем жить так, чтобы довольствоваться своим, и никогда не будем страшиться назначенного нам.

О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ

К исповеднику Донату

1. 1. Услышал Господь молитвы твои, Донат¹ дражайший, которые беспрерывно произносишь ты пред очами Его в продолжение дней наших, и мольбу дражайших братьев наших, которые похвалы достойным исповеданием заслужили по вере своей венец вечный. 2. И вот, когда все противники ниспровергнуты, восстановленная в круте спокойствия, сокрушенная прежде, Церковь вновь оправляется от потрясений, и великая слава Божьего храма, ниспровергнутого некогда нечестивцами, вызывает умиление Господа.

3. Ведь Бог возвысил императоров,² которые сокрушили безбожное и кровавое господство тиранов, проявили заботу о роде человеческом, чтобы, подобно тому как был уничтожен мрак горчайшего времени, мир, полный веселья и света, озарил радостью души всех. 4. И ныне, после беспросветного периода неистовых бурь, воссияла тихая аура и желанный свет. Теперь же, смягченный мольбами рабов Своих, Бог поддерживает обессиленных и несчастных небесной помощью. Теперь утирает [Он] слезы горюющих, уничтожив заговор нечестивых. 5. Те, кто были противниками веры, ниспровергнуты Богом, которые храм святой разрушали бесчисленными гонениями — пали, которые праведных казнили — дух свой преступный испустили под небесными ударами и в достой-

---

¹ Точно не известно, кто являлся адресатом Лактанция в данном случае. Об этом человеке мы знаем прежде всего из сочинения самого Лактанция. См. далее отрывки: 16.3–11; 35.2.

² Речь идет об императорах Константине Великом и Лицинии, с именами которых связано законодательное установление веротерпимости после Великого гонения.

ных их проступков муках. 6. Хотя и поздно они наказаны, но строго и по заслугам. Бог же оттягивал их наказание, чтобы явить в них великие и дивные примеры, на которых потомки будут учиться, и показать, что Бог один, и я утверждаю, что Он наложил безусловно достойную кару на безбожников и гонителей.

7. Мне бы хотелось своим сочинением свидетельствовать о конце их жизни, чтобы все, кто был далеко, либо еще только будет жить, узнали, как Бог, полный мужества и величия, явил свыше уничтожение врагов имени Своего. А значит, уместно будет, если наряду с императором, приведшим Церковь в порядок, я опишу и тех правителей, которые были ее гонителями, и как в наказании их проявилась строгость Небесного Судии.

2. 1. В последние годы правления Тиберия Цезаря,¹ как мы читали Писание, Господь наш Иисус Христос был распят иудеями за десять дней до апрельских календ в год двух консулов Геминиев.² 2. После же того, как третьего дня воскрес, Он собрал учеников, которых обратил в бегство страх Его ареста; сорок дней Он, открывая сердца пребывающим с Ним, истолковывал Писания, которые до этого времени были непонятны, а вернее — покрыты мраком. И привел, и организовал их, и наставил к прославлению истины и учения Своего, установив священные основы Нового Завета.

3. После того как Он все исполнил, вокруг Него завертелась непроглядная буря, и этот вихрь на глазах у людей унес Его в небеса.³ 4. И тогда ученики, которых было одиннадцать, приняв на место предателя Иуды Матфея и Павла, разошлись по всей земле, прославляя Евангелие, как то повелел Учитель их и Господь, и в течение двадцати пяти лет, вплоть до начала правления Нерона,⁴ распространили по всем провинциям и городам основания Церкви [Божией].

---

¹ *Тиберий Цезарь Август* (16.11.42 г. до н. э. — 16.03.37 г. н. э.), усыновленный Августом, получил имя Тиберий Юлий Цезарь. Императором стал в 14 г. н. э.

² Речь идет о 23 марта 29 г. н. э.

³ Ср.: *Мк.* 16.19; *Лк.* 24.51; *Деян.* 1.9.

⁴ *Нерон Клавдий Цезарь Август Германик*, пасынок Клавдия, усыновленный им, правил с 13 октября 54 г. до 9 июня 68 г.

5. Когда уже правил Нерон, Петр пришел в Рим и многими выдающимися чудесами, производимыми добродетелью Самого Бога, данной ему, [Петру], Его властью, обратил многих людей к истине, чем заложил вечный и нерушимый храм Бога. 6. Положение изменилось при Нероне, после того как он обнаружил, что великое множество людей не только Рима, но и повсюду, ежедневно изменяет культу идолов и присоединяется к новой религии, осужденной древностью; казалось, что ненавистный, достойный проклятия тиран возник вдруг именно для разрушения небесного храма и истребления справедливости и был первым из всех, кто преследовал рабов Бога, распял Петра и убил Павла.¹

7. Но все-таки не осталось это безнаказанным, ибо Бог увидел страдания народа Своего. И вот, свергнутый с высот Империи и сброшенный с вершины власти, бессильный тиран нигде больше не появился, так что неизвестно на земле и место погребения столь страшного зверя. 8. От этого всякие сумасброды верят, что тот был перенесен и сохранен живым, тем более что Сивиллой предсказано:

С края земли человек придет, что на мать покусился,² —

чтобы тот же, кто был первым гонителем, в последнее время еще раз исполнился силой и предвосхитил приход Антихриста. 9. Грешно верить в то, что, подобно двум пророкам, которые были живыми перенесены [на небо и снова вернутся на землю] в позднейшие времена, незадолго до святого и вечного царствования Христа,³ когда Он задумает спуститься, Нерон (как предвещают и некоторые из наших) вернется, чтобы быть проводником и предшественником дьявола, который придет для опустошения земли и уничтожения рода человеческого.

3. 1. Несколько лет спустя появился другой, не меньший тиран — Домициан,⁴ который хотя и замучил несправедливым господством всех

¹ Гонение Нерона на римских христиан относится к 64 г.

² Книги Сивилл. V. 363.

³ Лактанций имеет в виду второе, славное пришествие Господа Иисуса Христа (см.: Мф. 16.27; 24.27; 25.31; Мк. 8.38; Лк. 12.40; 1 Ин. 2.28; 1 Кор. 4.5; 1 Фес. 5.2—6). Два пророка — Илия и Енох.

⁴ Тит Флавий Домициан, младший брат Веспасиана, правил с 13 сентября 81 г. по 18 сентября 96 г. Гонение Домициана относится к 89 г.

своих приближенных, был все-таки повержен; причем он довольно долго правил, не подвергаясь опасности, пока не устремил нечестивых рук своих против Господа. 2. Именно после того как, подстрекаемый демоном, он был возбужден к преследованию праведного народа, он претерпел наказание, будучи предан в руки врагов. Но недостаточно было для мщения того, что он был убит: на родине была стерта и память о его имени. 3. Ведь хотя он воздвиг многочисленные и достойные удивления здания, хотя он отстроил Капитолий и другие известные памятники, сенат так [усердно] уничтожал память об имени его, что ни от изображений, ни от надписей его не оставил никаких следов и уже мертвого заклеил навечно суровыми постановлениями, лишив честного имени.¹ 4. Церковь же, разрушенная деяниями тирана, была не только возвращена в прежнее состояние, но расцвела и засияла великим блеском, и в безмятежные времена, когда кормило государства удерживали великие и добродетельные императоры Римской империи, не допускавшие никаких вражеских происков против нее, руки свои простерла и на восток, и на запад так, 5. что уже не было никакого самого отдаленного уголка земли, куда бы не проникло почитание Бога, и не было никакого, живущего дикими обычаями народа, что не смягчилось бы для дел праведных, устремленный к поклонению Богу. И все же после этого продолжительный мир был прерван.

4. 1. В самом деле, спустя много лет явился достойный проклятия зверь — Деций,² который притеснял Церковь (ведь кто может преследовать справедливость, если не негодяй?). 2. И казалось, что благодаря именно этому личному свойству он и был поднят на ту первостепенную высоту и начал бесноваться против Бога, чтобы тотчас пасть. 3. Так, отправившись против [племени] карпов, которые в то время овладели Дакией и Мезией, он тотчас же был окружен варварами и принял смерть с большей частью своего войска. Он не смог даже обрести хоть какого-то

---

¹ О лишении Домициана почестей см.: *Светоний*. Домициан. 23.1.

² *Гай Мессий Квинт Траян Деций* был провозглашен легионами императором в сентябре 249 г. и правил до 251 г. Гонение Деция продолжалось с 249 г. по 251 г. Это было первое гонение, которое проводилось по всей Империи и было направлено против всех, кто не придерживается римской государственной религии.

погребения, но, брошенный и лишенный одежд, остался лежать на корм зверей и птиц, как и положено врагу Бога.

5. 1. Несколько позже Валериан,¹ также охваченный подобным безумием, поднял нечестивую руку на Бога и за короткое время пролил много праведной крови. Но Бог поразил его новым и исключительным видом наказания, чтобы это послужило уроком для последующих врагов Господа в том, что они всегда получают возмездие, соответствующее их злодеяниям. 2. Он, плененный персами, не только навсегда лишился власти, от чего уже была необычайная польза, но и свободы, которую сам отнимал у других, и стал жить в позорнейшем рабстве.

3. Дело в том, что пленивший его царь персов Сапор,² когда было угодно ему подняться либо на повозку, либо на коня, приказывал римлянину наклоняться и подставлять свою спину. И, что было в самом деле, опираясь о спину того ногой, он говорил, со смехом издеваясь над ним, что ничего подобного еще не запечатлевали ни на картинах, ни на стенах римских. 4. По заслугам побежденный, он еще долго жил подобным образом, так что еще немало имя римское служило варварам игрушкой и предметом издевок. 5. То еще присоединилось к его наказанию, что хотя он имел сына императора,³ однако не находил в нем мстителя за свой плен и унижительное рабство, и вообще никто не требовал его вернуть. 6. После же того, как он закончил презренную жизнь в подобном позоре, с него содрали кожу и извлеченными внутренностями окрасили ее в

---

¹ *Публий Лициний Валериан* правил Империей с сентября 253 г. по осень 259 г. Валериан в 257 и 259 гг. выпустил два эдикта, первым из которых христианам запрещалось устраивать собрания, вторым предписывалось казнить служителей Церкви, а также лишать римского гражданства высокопоставленных лиц, если те окажутся исповедниками христианства. По второму эдикту были проведены конфискации имущества, многие из служителей Церкви были убиты, а христиане, состоявшие на императорской службе, отправлены в ссылку.

² Имеется в виду Шапур I, царь персов из династии Сасанидов. Царствовал в период с 241 по 272 г. Осенью 259 г., после того как персы перешли Евфрат и вторглись в Сирию, состоялся Восточный (Персидский) поход Валериана. Потерпев поражение у Эдессы, Валериан попал в плен.

³ Речь идет об императоре Галлиене, который получил власть еще при отце и правил до 268 г.

красный цвет, чтобы, поместив в святилище варварских богов в память о величайшей победе, всегда показывать ее нашим послам с тем, чтобы римляне не слишком доверяли своим силам, когда лицеизрели у их богов содранную кожу [своего] плененного императора. 7. И вот, после того как Бог подверг святотатцев столь великим карам, разве не удивительно, что никто потом не осмелился не только действовать, но даже помышлять против величия единственного Бога, управляющего всем и составляющего сущность всего?

6. 1. Аврелиан,¹ поскольку от природы был сумасброден и неистов, как бы ни помнил плен Валериана, забыл-таки его злодеяния и наказание и жестокими злодействами своими прогневил Бога. Однако ему не было позволено сделать то, что он замыслил, и он погиб прямо среди начинаний своего бесчинства. 2. Еще не дошли кровавые письменные распоряжения его до отдаленных провинций, как в Кенофруре,² находящемся во Фракии,³ он уже лежал окровавленным на земле, будучи убит своими сторонниками по какому-то необоснованному подозрению. 3. Следовало бы, чтобы последующие тираны сдерживались такими ужасными и столь многими примерами; но они не только не напугали их, но преисполнили еще более дерзновенной наглости в отношении Бога.

7. 1. Диоклетиан,⁴ мастер злодеяний и виновник несчастий, после того как привел все к краху, не смог удержать рук даже от Бога. 2. Весь круг земной он довел до гибели как алчностью, так и робостью своей. Ведь он назначил трех соучастников своего правления, разделив страну на четыре части и умножив войска,⁵ поскольку каждый из соправителей стре-

---

¹ *Луций Домиций Аврелиан* был провозглашен войсками императором в мае 270 г. и был убит в 275 г.

² *Кенофрур* — небольшой укрепленный городок во Фракии между Гераклеей и Византием.

³ *Фракия* — римская провинция на Балканском полуострове между Македонией и Черным и Эгейским морями.

⁴ *Гай Валерий Аврелий Диоклетиан* — римский император в период с 17.11.284 г. по 01.05.305 г. Умер в 313 г., приняв добровольное отречение в мае 305 г.

⁵ Лактанций намекает на введение Диоклетианом в 293 г. тетрархии и на разделение власти между августами Диоклетианом и Максимианом Геркулием и цезарями Галерием и Констанцием Хлором.

мился иметь гораздо больше войск, чем прежние императоры, управлявшие государством в одиночку. 3. Настолько число взимающих стало больше числа дающих, что колоны, поскольку силы их были истощены чрезвычайными поборами, оставляли земли, и пашни превращались в леса. 4. И чтобы все были охвачены ужасом, провинции также были рассечены на части. Бесчисленные наместники и чиновники пребывали в каждой области и чуть ли не в каждом городе, к ним добавились также многочисленные казначеи, магистры и викарии префектур. Из-за всех них гражданские дела стали весьма редки, и только осуждения, несчетные проскрипции и конфискации имущества стали, не скажу, что частыми, но — непрерывными, и во взимании налогов также царило беззаконие. 5. А каким образом можно было вынести бремя по содержанию войск? При этом из-за ненасытной жадности он никогда не хотел уменьшать казну, но постоянно собирал экстраординарные налоги и принимал дары, чтобы то, что он уже собрал, сохранялось в неприкосновенности и безопасности. 6. Вызвав посредством различных несправедливостей огромную дороговизну, он попытался установить закон о ценах на товары. 7. Тогда из-за скудости и нищеты пролилось много крови, и даже ничего не продававшие люди были охвачены страхом, а дороговизна тем временем все увеличивалась, пока закон тот после многих смертей поневоле не исчез сам собой.

8. К этому добавилась еще какая-то неумемная жажда строительства, значительное обложение провинций на доставку работников, мастеров и телег, какие могли бы понадобиться при возведении зданий. 9. Здесь базилики, там — цирк, тут монетный двор, там — оружейная мастерская, здесь дворец супруги, там — дочери. Ни с того ни с сего значительная часть города обрушилась; все переселялись вместе с детьми и женами, словно город был захвачен врагами. 10. И хотя это строительство было губительно для провинций, он говорил, что построено не так и следует построить по-другому. И вновь нужно было сносить и строить заново то, что могло обрушиться еще раз. Так вот он и безумствовал, стараясь Никомидию сделать равной Риму.

11. Я уже не упоминаю того, сколь многие люди погибли из-за своей собственности и богатств; не говорю также о заурядных, почти дозволенных современной жизнью злодеяниях. 12. Безудержен он был и в том, что где бы ни увидел ухоженное имение или изящное строение, тотчас

готовил их владельцу козни и ужасные страдания, как будто не мог за-получить чужого без пролития крови.

8. 1. Что же брат его Максимиан,¹ прозванный Геркулием? Он не отличался от него, да и не могли бы они быть связаны столь крепкой дружбой, если бы не было у обоих одного образа мыслей, одного круга идей, одинакового желания и общих стремлений. 2. Различались они лишь тем, что в одном было больше жадности, но и робости больше, в другом же жадности было меньше, зато сильнее был пыл, правда, на свершение не доброго, но дурного. 3. Поскольку он осуществлял свою власть над Италией и ему также были подчинены богатейшие провинции Африка и Испания, он не заботился о сохранении казны, поскольку средств тех провинций было для нее достаточно. 4. Когда же было необходимо, то не было недостатка в состоятельных сенаторах, которые на основании доносов обвинялись в покушении на власть, так что цвет сената подвергался постоянным конфискациям. Кровожадная казна пополнялась способами отвратительнейшими. 5. В этом пагубном человеке была, кроме всего прочего, страсть не только к соращению мужчин, что уже противно и мерзко, так еще — к осквернению дочерей знати. И куда бы ни держал он путь, в его распоряжении всегда были девушки, лишенные родительской опеки. 6. По той причине он считал себя счастливым; оттого полагал, что благополучие его власти будет неизменным, если ничто не будет мешать его распутству и дурной страсти.

7. Я обхожу молчанием Констанция,² поскольку он не был похож на других и был достоин того, чтобы одному владеть кругом земель.

9. 1. Другой же Максимиан,³ которого Диоклетиан сделал своим зятем, превзошел в злодеяниях не только этих двух [владык], которых ис-

---

¹ *Марк Аврелий Максимиан* — цезарь с 1 апреля 285 г., с 286 по 305 г. — император Запада с титулом августа, тетрарх Италии, Испании и Африки в период с 293 по 305 г. Отрекся от власти вместе с Диоклетианом. Прозвище Геркулий, т. е. «происходящий от Геркулеса», Максимиан получил через два года после достижения власти.

² *Марк Флавий Констанций Хлор* — тетрарх Галлии и Британии в период с 293 по 305 г., император с титулом августа с 305 по 306 г.

³ *Максимиан Галерий* — тетрарх балканских провинций без Фракии в период с 293 по 305 г., император Востока с титулом августа с 305 по 311 г. Галерий был женат на дочери Диоклетиана Валерии.

пытали на себе наши времена, но и всех, кто был прежде. 2. Этому зверю была присуща врожденная дикость, чуждая римской крови. И неудивительно это, поскольку мать его происходила из-за Данувия; она бежала, перейдя реку, от враждебных карпов в Новую Дакию. 3. Даже облик его соответствовал нравам; он был высок ростом, с огромным телом, ужасно раздавшимся и тучным. 4. Наконец, и словами, и поступками, и взором он наводил на всех страх и ужас. Тесть [Диоклетиан] его боялся также чрезвычайно, и страху его была следующая причина.

5. Нарсес,¹ царь персов, вдохновленный прославившими его род подвигами деда своего Сапора, возжаждал захватить с огромным войском восток [Империи]. 6. Тогда Диоклетиан, будучи от страха в полном смятении и пав духом, к тому же напуганный участью Валериана, не осмелился выступить навстречу врагу, а направил Галерия [навстречу Нарсесу] через Армению, сам же остался в Азии и ждал исхода событий. 7. Тот, устроив засаду варварам, которые, по обыкновению своему, отправились на войну со всеми своими домочадцами, отягощенные скарбом и захваченным добром, без труда разбил их; и, обратив царя Нарсеса в бегство, вернувшись с колоссальной добычей и военными трофеями, добавил себе надменности, Диоклетиану же — страха. 8. В самом деле, настолько возросла спесь его после той победы, что уже презирал он в отношении себя звание цезаря. И когда в адресованных ему посланиях он слышал это имя, с диким взором восклицал ужасным голосом: «Доколе цезарь?» 9. После этого он начал вести себя самым высокомерным образом и хотел, чтобы его считали и называли рожденным от Марса, как второго Ромула; и готов был покрыть позором мать свою Ромулу,² лишь бы себя видеть происходящим от бога.

10. Однако я прерываю рассказ о деяниях его, чтобы не смешивать времена. После того, как он принял имя императора, отстранив тестя, начал он безумствовать и стал презирать всех.

11. Диокл — так ведь звался тот до получения власти, — хотя разорил государство подобными мерами и с помощью таких сподручных, ничего не навлек на себя злодеяниями своими, но все же счастливо правил

¹ Нарсес — персидский царь с 293 по 302 г., сын или внук Шапура I (Сапора I). Нарсес вторгся в Армению в 296 г.

² См.: Извлечения из Аврелия Виктора. 40.16.

лишь до тех пор, пока руки свои не запятнал кровью праведников. 12. Я покажу, какую же он имел причину для гонений.

10. 1. Когда он пребывал в областях Востока, из-за страха своего постоянно стремясь предвидеть будущее, закалывал животных и по печени их пытался предугадать грядущее. 2. Тогда некоторые из служителей, знавшие Господа и присутствовавшие при заклании, стали осенять чело свое бессмертным знамением, из-за чего таинства нарушались, поскольку демоны обращались в бегство. Гаруспики волновались и не видели во внутренних жертв обычных знаков и, поскольку не получали добрых предзнаменований, еще раз приносили жертву. 3. Однако закланные жертвы вновь ничего не являли, пока вдруг магистр гаруспиков Тагис, то ли по догадкам, то ли увидев что-то, не сказал, что жертвы по той причине молчат, что при священнодействиях присутствуют непосвященные люди. 4. Тогда исполненный гневом Диоклетиан приказал, чтобы не только те, кто прислуживали при священнодействии, но и все, кто были во дворце, принесли жертвы, а если кто откажется, наказать их плетью. Направив преппозитам письма, он приказал также и солдат принуждать к нечестивым жертвоприношениям, а если кто из них не подчинится, освобождать от службы. 5. Лишь такой степени достигли [в то время] ярость его и гнев, и едва ли он сделал тогда больше против закона и религии [истинного] Бога.

6. Спустя некоторое время после этого он отправился на зимовку в Вифинию,¹ куда также вскоре прибыл цезарь Максимиан, исполненный коварством возбудить ничтожного старика к преследованию христиан, начало которому тот уже положил [в Никомидии]. Я узнал, какова была причина его ярости.

11. 1. Мать его была почитательницей богов гор, женщиной весьма суеверной. Когда она была...,² чуть ли не ежедневно готовила жертвенные яства и устраивала трапезы для односельчан. Христиане воздерживались от них; и когда она пировала с язычниками, те христиане предавались постам и молитвам. 2. Оттого она прониклась ненавистью к ним и сына своего, не менее суеверного, постоянно побуждала женскими жалобами к истреблению этих людей.

¹ Вифиния — римская провинция на севере Малой Азии. Речь идет о зиме 302/303 гг.

² В рукописи лакуна.

3. И вот всю зиму они провели в совещании друг с другом, а поскольку на него никто не допускался, все сочли, что они обсуждают опасное положение государства; в течение долгого времени старец противился ярости [Галерия], заявляя, что было бы опасно тревожить государство и проливать кровь многих, к тому же те [христиане] имеют обыкновение идти на смерть с радостью, и достаточно будет того, если он оградит от той религии лишь царедворцев и воинов. 4. Но все-таки Диоклетиан не смог умерить безумия этого неистового человека. Поэтому он решил узнать мнение друзей. 5. Ведь он был настолько лукав, что всякий раз, когда совершал что-то хорошее, делал это без чужого совета, чтобы прославиться самому; когда же творил зло, зная, что оно достойно порицания, призывал в советчики многих людей, чтобы всё, что он сам совершал, было отнесено на счет проступка других.

6. И вот были спрошены немногие приглашенные судьи и некоторые военные, что положением превосходили остальных. Кто-то по собственной неприязни к христианам, — ненавистникам богов и противникам официальной религии, — полагал, что те должны быть уничтожены; кто же думал иначе, зная о желании человека,¹ соглашался с его взглядом либо из-за страха, либо желая угодить ему. 7. Но и даже тогда император не склонился окончательно к тому, чтобы дать согласие, но решил, что лучше всего спросить богов, и отправил гарусника к Аполлону Милетскому. Тот ответил, как враг божественной религии. 8. В итоге все было проведено так, как и затевалось. И поскольку он уже не мог противиться ни друзьям, ни цезарю, ни Аполлону, то попытался проявить умеренность, приказав провести все без кровопролития, в то время как цезарь [Галерий] хотел живьем сжигать тех, кто противится жертвоприношениям.

---

¹ В источнике это место звучит так: «*intellecta hominis voluntate*». Французский издатель сочинения Ж. Моро полагает, что Лактанций под словом «человек» имеет в виду императора Галерия (*Moreau J. Lactance. De la mort des persécuteurs. Paris, 1954. P. 270–271*). Американский издатель Дж. Крид предполагает, что в данном случае подразумевается Диоклетиан, поскольку в предыдущих строках речь идет именно о его коварстве (*Creed J. L. Lactantius. De mortibus persecutorum. Oxford, 1984. P. 93, n. 5*).

12. 1. Подыскивается подходящий и счастливый день для осуществления планов; как наилучшие, выбираются Терминалии,¹ что за семь дней до мартовских календ,² чтобы как бы положить предел [terminus] этой религии.

День тот погибели первый стал первой причиной несчастий,³

которые привели к падению и их самих, и весь круг земной. 2. Как только наступил тот день в восьмое и седьмое консульства обоих старцев,⁴ внезапно, еще на рассвете, к церкви пришел в сопровождении военачальников, трибунов и казначеев префект и, отворив двери, начал искать образ Бога. Обнаруженные Писания предаются огню, все расхищается; грабеж, суeta, смятение. 3. Сами же [зачинщики], наблюдая (ведь церковь, построенная на возвышенности, была видна из дворца), долго спорили между собой, с какой стороны было бы лучше подвести огонь. 4. Верх одерживает Диоклетиан, опасавшийся, как бы не сгорела часть города, если произойдет большой пожар. Дело в том, что многие и притом большие дома опоясывали церковь со всех сторон. 5. И вот подошли выстроенные в боевую линию преторианцы с секирами и другим оружием и, подступая с разных сторон, за короткое время сравнивали тот величественный храм с землей.⁵

13. 1. На следующий день был объявлен эдикт, которым предписывалось лишить людей той религии всяких почестей и достоинства и подвергнуть пыткам. Какому бы они ни принадлежали рангу и званию, против них возбуждалось судебное дело. Сами же они не могли говорить ни о несправедливостях, ни об обмане, ни об ограблении; наконец, они лишались свободы, а также права высказывать мнение.⁶ 2. Один чело-

---

¹ Праздник *Терминалий* отмечался в честь бога границ и межевых знаков — Термина.

² Речь идет о 23 февраля 303 г.

³ *Вергилий*. Энеида. IV. 169—170. Перевод наш. — В. Т.

⁴ Имеются в виду Диоклетиан и Максимиан Геркулый.

⁵ Речь идет о разрушении храма в Никомидии, которое и стало началом Великого гонения.

⁶ По условиям эдикта также разрушались церкви, а свободы лишались и все домочадцы, исповедующие христианство. О проведении эдикта в жизнь

век¹ этот эдикт, хотя это было небезопасно, с достойной восхищения смелостью сорвал со стены и разорвал на куски, с издевкой говоря, что этот [эдикт] объявляет победу готов и сарматов. 3. И тотчас же схваченный, он был подвергнут не просто пыткам, но и положенному испытанию жаровней и в конце концов с поразительным терпением принял смерть на костре.

14. 1. Но цезарь [Галерий] не удовлетворился условиями эдикта и соби-
рался воздействовать на Диоклетиана уже иным способом. 2. И в самом
деле, чтобы подтолкнуть его к открытию жесточайших гонений, он подклю-
жил с помощью доверенных сподручных огонь под дворец. И когда неко-
торая часть дворца сгорела, в поджоге были обвинены, как враги государ-
ства, христиане, и в результате этого страшного навета имя христианское
пылало вместе с дворцом: якобы те имели сговор с евнухами об умерщвле-
нии императоров, так что оба правителя чуть не были сожжены заживо в
собственном дворце. 3. Диоклетиан же, сам всегда желавший быть хит-
рым и всезнающим, ничего не смог заподозрить, но, воспламененный гне-
вом, тотчас начал истязать всех своих приближенных. 4. Он лично при-
сутствовал при этом и пытал огнем невинных людей. Все судьи, а также
все пребывавшие во дворце магистры данной властью подвергались след-
ствию. 5. Были верноподданные, от которых он узнал нечто важное. Но
ничего нигде так и не было обнаружено; ведь никто, конечно, не опраши-
вал челядь цезаря. 6. Сам он был тут же, следил за всем и не допускал,
чтобы утихла ярость безумного старца. И вот по прошествии пятнадцати
дней был совершен новый поджог. Он был быстро обнаружен, но, несмот-
ря на это, виновник не был установлен. 7. Тогда цезарь, подготовивший
отъезд к середине зимы, бежал в тот же день [из города], заявляя при этом,
что уезжает, чтобы не сгореть заживо.

15. 1. А император бесновался уже не только в отношении домочад-
цев, но и против всех,² и в первую очередь заставил оскверниться жертво-
см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Harvard, 1981. P. 22–23; Ste-*
Croix G. E. M. Aspect of the «Creat» Persecution // Harvard Theological Review.
Vol. 47. 1954. P. 75–109.

¹ Речь идет о св. Георгии.

² Вслед за первым эдиктом против христиан последовали еще несколько указов, направленных против исповедания христианства. Второй эдикт пред-
усматривал привлечение к суду священнослужителей.

приношениями свою дочь Валерию и супругу Приску. 2. Были убиты влиятельные некогда евнухи, благодаря которым и дворец, и сам император прежде твердо стояли на ногах. Схваченных пресвитеров и священников, без какого-либо доказательства или признания объявленных виновными, вели на казнь со всей их паствой. 3. Людей без разбора пола и возраста насильно тащили на сожжение; причем их было такое множество, что предавали огню их не поодиночке, но сбитыми в толпу; прислугу, привязав каждому к шее камень, сбрасывали в море.

4. И не менее жестокое гонение обрушилось на весь прочий люд, ведь судьи, рассеянные по всем храмам, принуждали всех к жертвоприношениям. 5. Темницы были полны. Выдумывались неслыханные способы пыток; и по какому бы случаю ни вершился суд, в потайных местах, а также перед трибуналом были установлены алтари, чтобы состязающиеся стороны совершали прежде жертвоприношения, а затем уж излагали обстоятельства своего дела; вследствие чего к судьям приходили, словно к богам.

6. Кроме того, были отправлены письма Максимиану и Констанцию, чтобы они поступали подобным же образом, причем мнение их о столь важных вещах не учитывалось. И старец Максимиан, человек не особенно кроткий, со своей стороны все охотно исполнил в Италии. 7. Констанций же, стремясь не противоречить предписанию более старших, допустил разрушение мест собраний, т. е. стен, которые могли быть восстановлены; однако же храм Божий, что пребывает в людях, оставил невредимым.

16. 1. Стенания охватили всю землю, за исключением Галлии; от востока до запада свирепствовали три лютых зверя.

*2. Если бы сто языков и столько же уст я имел,
Если бы голос мой был из железа, — то и тогда бы
Все преступленья назвать я не мог и кары исчислить,¹*

которые совершали судьи в провинциях в отношении честных и невинных людей. 3. Но к чему обо всем этом рассказывать, особенно тебе, дражайший Донат, тебе, испытавшему, помимо прочих несчастий, это неистовое преследование?

¹ Вергилий. Энеида. VI.625–627. Перевод наш. — В. Т.

4. Поистине, когда попал ты к префекту Флакцину, ужасному человекоубийце, затем к Иероклу, ставшему из викария наместником, который был инициатором и советчиком в свершении гонений, наконец, к Присциллиану, преемнику его, то явил всем образец стойкости. 5. Ведь, девятикратно подвергаемый различным пыткам и истязаниям, девять раз ты одерживал славным исповеданием [веры] верх над противником. В девяти битвах ты укротил диавола с его сообщниками, девятью победами ты торжествовал над веком с его ужасами. 6. Как это зрелище было мило Богу, когда Он взирал на победу твою, когда в колесницу твою были впряжены не кони белые или слоны огромные, но сами триумфаторы! 7. Это и есть истинный триумф, когда владychествуют над властителями. Ведь они твоей непоколебимостью были повержены и посрамлены, когда, презрев нечестивые предписания, ты стойкостью и твердостью души низверг все приготовления и устрашения тиранической власти.

8. Ничего не имело против тебя силы: ни плети, ни когти, ни огонь, ни железо, ни пытки разного рода. Никакая сила не могла лишить тебя веры и благочестия. 9. Таким и должен быть последователь Бога, воин Христов, которого никакой враг не победит, никакой волк¹ не уведет из ограды небесной, никакой силоч не обманет, никакая боль не одолеет, никакая пытка не сломит. 10. Наконец, после этих девяти достославных поединков, когда тобой диавол был повержен, он уже не осмелился более сражаться с тобой, испытав которого в столь многих единоборствах он так и не смог превзойти. 11. И когда тебе готов был уже венец победителя, он не стал более вызывать тебя на бой, чтобы ты не принял этот венец уже сейчас. Пусть не обрел ты его в настоящем, но за твои добродетели и заслуги сохраняется он для тебя совершенным в царстве Господнем.

Однако вернемся к веренице событий.

17. 1. Итак, когда Диоклетиан совершил те злодеяния и когда счастье уже покидало его, он отправился в Рим, чтобы отпраздновать там двадцатилетие своего правления, которое приходилось на двенадцатый день до декабрьских календ.² 2. Проведя пышные торжества, он, поскольку

¹ Ср.: Мф. 10.16; Деян. 20.30.

² Имеется в виду 20 ноября 304 г.

не смог вынести свободы римского народа, в нетерпении и смятении покинул город еще до наступления январских календ,¹ когда ему было предоставлено консульство в девятый раз. 3. Консул не смог вытерпеть и тринадцати дней, так что предпочел Риму Равенну.² Но в дороге, промозглой зимой, когда стужа сменялась дождями, его поразил не тяжелый, однако надолго затянувшийся недуг; на протяжении всего пути его, хворавшего, по большей части несли в паланкине. 4. С наступлением лета, пройдя вдоль берегов Истра,³ он прибыл в Никомидию, охваченный к тому времени уже тяжкой болезнью. Там, хотя он и видел, что недужит, все же на следующий год после своего двадцатилетнего юбилея отправился на открытие цирка, построенного им.

5. После этого он оказался до такой степени сражен слабостью, что за жизнь его молили всех богов, пока в Декабрьские иды⁴ по дворцу не стали распространяться скорбные предчувствия, и всем городом овладели тревога и безмолвие. 6. Уже шептались, что он не только умер, но даже погребен, как вдруг утром следующего дня прошел слух, что он жив, и лица домоладцев и судей просияли радостью. 7. Было немало таких, кто предполагал, что его смерть скрывают до тех пор, пока не будет цезарь,⁵ чтобы солдаты вдруг не совершили переворот. 8. Такое подозрение было настолько сильно, что никто не верил в то, что он жив, пока он сам не появился в Мартовские календы,⁶ едва узнаваемый оттого, что почти целый год угасал, сжигаемый болезнью. 9. И этот, почти уже усопший в Декабрьские иды человек, [вдруг] вновь обрел жизненную силу, правда не в полной мере. Он стал настоящим глупцом, так что порой [и вовсе] терял рассудок, порой же вновь приходил в себя.

18. 1. Спустя несколько дней прибыл цезарь, но не с тем, чтобы выразить почтение отцу, а чтобы заставить того уступить власть. Прежде он уже встретился со старцем Максимианом и чрезвычайно напугал его,

---

¹ Значит, до 1 января 305 г.

² *Равенна* — город в Цизальпийской Галлии на побережье Адриатического моря.

³ *Истр* — древнее фракийское название Дуная (Данувия).

⁴ Соответствует 13 декабря 304 г.

⁵ Имеется в виду Максимиан Галерий.

⁶ 1 марта 305 г.

угрожая гражданской войной. 2. Теперь он обратился к Диоклетиану, говоря, сперва спокойно, по-дружески, что тот уже стар, уже не слишком крепок здоровьем и не способен управлять государством, что ему следует отдохнуть от трудов. Кроме того, привел пример Нервы,¹ который передал власть Траяну. 3. Тот же возражал, что будет непристойно, если он сойдет с такой высочайшей и блистательной вершины во мрак бесцветной жизни, к тому же он окажется в большой опасности, ибо за долгую власть он навлек на себя ненависть многих. 4. К тому же Нерва правил всего один год, после чего не смог уже нести ни по возрасту, ни по неопытности бремя и заботу о таких вещах. Он удалился от управления государством и возвратился к простой жизни, где и встретил старость. Однако, если он жаждет обрести титул императора, нет помех к тому, чтобы все были наречены августами.

5. Но тот, в своих упованиях уже владевший всем кругом земным, когда почувствовал, что не приобретет себе ничего, кроме титула, а то и того меньше, заявил, что должен сохраняться такой порядок, при котором в государстве было бы два старших правителя, обладающих верховной властью, а также двое младших, которые были бы помощниками. Между двумя без труда может сохраниться единодушие, а вот между четырьмя равными — никоим образом. 6. Если же Диоклетиан отказывается уступить, то он, Галерий, о себе позаботится сам, чтобы более не быть младшим и последним. Уже минуло пятнадцать лет, как он был отправлен в Иллирик, на берега Данувия, сражаться с племенами варваров, в то время как другие безмятежно повелевали на более просторных и более спокойных землях!

7. Выслушав это, немощный старец, получивший к тому времени уже послания от старца Максимиана, в которых тот описал все их разговоры, и, узнав, что тот [Галерий] увеличил войско, со слезами начал:

Диоклетиан: «Пусть будет так, если угодно. 8. Нужно, чтобы цезари были выбраны общим совещанием».

---

¹ *Марк Кокцей Нерва* — римский император с 01.09.96 г., в 97 г. сделал своим соправителем *Марка Ульпия Траяна* (правил до 07.08.117 г.). Лактанций неточен, так как Нерва оставался императором до собственной смерти (27.01.98 г.).

Галерий: «Зачем совещанием, когда те двое¹ будут вынуждены принять все, что бы мы ни сделали?»

Диоклетиан: «Да, конечно. Ведь мы провозгласим их сыновей».

9. У Максимиана же был сын, Максенций,² зять того самого Максимиана Галерия, человек скверного и дурного характера, настолько надменный и строптивый, что обыкновенно не чтит ни отца, ни тестя, а потому и ненавистен он был обоим. 10. У Констанция также был сын, Константин,³ юноша самый добродетельный и достойнейший того звания; благодаря необыкновенности и изяществу облика, воинскому таланту, твердости нравов и личной доброте он был любим солдатами и мил простым людям. В то время он был при дворе и недавно был произведен Диоклетианом в ранг первого трибуна.

11. Диоклетиан: «Итак, кто станет?»

Галерий: «Этот [Максенций] недостойн, ведь он презирает меня, будучи еще частным лицом, а что станет, когда он получит власть?»

Диоклетиан: «Но другой-то почителен и будет так править, что будет признан более кротким и милостивым, чем его отец».

Галерий: «И будет так, что я не смогу делать, чего хочу! Поэтому нужно наречь [цезарями] тех, кто были бы в моей власти, которые бы боялись, которые бы ничего не делали, если мной не приказано!»

12. Диоклетиан: «Кого же наречем?»

Галерий: «Севера».⁴

Диоклетиан: «Этого, что ли, плясуна, кутилу и пьяницу, которому ночь за день, а день за ночь?»

Галерий: «Он достоин, ибо надлежащим образом командовал солдатами, и я уже отправил его к Максимиану, чтобы получить от него регалии».

---

¹ Речь идет о Максимиане Геркулии и Констанции Хлоре.

² *Марк Аврелий Валерий Максенций*, сын Максимиана Геркулия и зять Максимиана Галерия, будет провозглашен августом преторианцами 28 октября 306 г. во время мятежа в Риме.

³ *Гай Флавий Валерий Константин*, старший сын Констанция Хлора, был провозглашен императором 25 июля 306 г. после смерти отца в Британии; правил под именем Константина Великого до 22 мая 337 г.

⁴ *Север Флавий* — с 1 мая 305 г. цезарь Запада, после смерти Констанция Хлора в 306 г. был наречен августом; правил до 307 г.

13. Диоклетиан: «Пусть так. Кого предложишь вторым?»

Галерий: «Этого». И показал на Дайю,¹ моложавого полуварвара, которого недавно приказал звать своим собственным именем — Максимом. Вскоре и Диоклетиан также изменил ему официальное имя по той причине, что [этот] Максимин с величайшим благоговением соблюдал [государственную] религию.

14. Диоклетиан: «Кто он, на кого ты мне указываешь?»

Галерий: «Мой свойственник».

Диоклетиан (вздыхая): «Негодных ты мне предлагаешь людей, которым нельзя поручить попечение о государстве».

Галерий: «Я проверил их».

Диоклетиан: «Ну, ты еще увидишь, кому намереваешься вручить управление государством. 15. Я изрядно потрудился и постоянно, пока правил, заботился, чтобы государство оставалось в целости. Если же что случится противное тому, в том уже не будет моей вины».

19. 1. Когда это было определено, Диоклетиан в Майские календы² предстал пред всеми. Взоры всех устремились к Константину, ни у кого не возникало сомнений [в том, что нарекут его]. Воины, находящиеся при дворе, а также старшие из воинов, избранные и отозванные из легионов, уповавшие на него одного, радовались, всячески выражая свои предпочтения и устремления.

2. В милях трех от города³ было высокое место, на котором и сам Максимин некогда принял пурпур и где находилась устремленная ввысь колонна с изображением Юпитера. Там все и происходило. 3. Было созвано собрание воинов. Со слезами на глазах старец, обращаясь к воинам, сказал, что он слаб, что после трудов ему нужен отдых, что передаст власть более сильным и выбирает других цезарей. Все ждали, кого он назовет. 4. И тут неожиданно он объявляет цезарями Севера и Максимиана. Все были ошеломлены. Тут же на трибунале стоял Константин, и все в недоумении шептались между собой, неужели изменено имя Кон-

¹ Максимин Дайя (или Даза) — родственник Галерия по браку или, по другой версии, его племянник, 1 мая 305 г. был наречен цезарем Востока, а в 309 г. провозглашен августом; правил до 313 г.

² Т. е. 1 мая 305 г.

³ Имеется в виду Никомидия.

стантину, как вдруг Максимиан Галерий на глазах у всех, отведя руку назад и оттолкнув Константина, вывел из-за спины Дайю и, сорвав с него одежды частного лица, поставил его в центр. Все удивлялись, кто он, откуда взялся? 5. При этом никто, хотя случившееся было неожиданным, не дерзнул возражать. Диоклетиан набросил тому на плечи собственную порфиру, сняв ее с себя, и вновь стал Диоклом. 6. После этого он спустился. Бывший царь был провезен через город на повозке и отпущен на родину.¹

Дайя же, извлеченный некогда из лесов и оторванный от скота, возвышенный сначала до щитоносца, затем до телохранителя, вскоре — до трибуна, а на другой день и до цезаря, получил в поправление и изнурение Восток. Разумеется, он — пастырь уже не скота, а солдат — не знал толка ни в военных, ни в государственных делах.

20. 1. Максимиан, как устранил старцев [Диоклетиана и Геркулия], делал, что хотел, и считал себя одного господином всего круга земель. Ведь Констанция, хотя его следовало называть первым, он презирал, оттого что тот был мягок от природы и обременен болезнью. 2. Он надеялся, что тот вот-вот умрет, а если не умрет, то лишит его власти, даже насильно, казалось делом несложным. Ибо что он будет делать, когда трое принудят его сложить власть?

3. У Максимиана Галерия был друг по старой совместной службе, Лициний,² товарищ по последней кампании, чьими советами он пользовался на протяжении всего правления. Но он не думал делать того цезарем и не нарекал сыном, чтобы потом провозгласить его вместо Констанция августом и братом. 4. Тогда бы он сам удерживал первенство и, безумствуя по собственному произволу в круге земном, отпраздновал бы двадцатилетний юбилей правления и, назначив цезарем своего тогда еще девятилетнего сына, сам бы отказался от власти. В итоге, когда верховную власть получили бы Лициний и Север, а вторыми бы, т. е. цезарями, стали Максимин и Кандидиан, он, окруженный несокрушимым

---

¹ Диоклетиан после отречения вернулся в Далмацию, в город Спалато (Сполетто, совр. Сплит).

² *Валерий Лициниан Лициний* — соратник Галерия по персидским походам, получил власть августа из рук Галерия в Карнунте 11 ноября 308 г.; правил до 18.09.324 г.

оплотом, проводил бы старость свою мирно и покойно. 5. К этому были направлены замыслы его. Но Бог, Которого он сделал своим врагом, сокрушил все его мечтания.

21. 1. Достигнув верховной власти, он обратил свои мысли на угнетение круга земного, к которому обрел теперь доступ. 2. В самом деле, после окончательной победы над персами, имевшими порядок и обычай, по которому все они признают себя рабами царей своих, цари же обращаются со своим народом словно с дворней, этот негодный человек хотел перенести этот обычай на римскую землю, без стыда превознося его со времен той победы. 3. А так как не мог он открыто приказать об этом, то поступал так, что сам лично отнимал у людей свободу, в первую же очередь лишал чести. Им истязались не только декурионы, но и более знатные граждане, высокочтимые и совершеннейшие мужи, притом и по ничтожным причинам, и по политическим. Если же кто-то казался достойным смерти — стояли [наготове к распятию] кресты, если же заслуживал меньшего — были готовы оковы. 4. Благородных и высокочтимых матерей семейств насильно приводили в гинекей.¹ Если же кого следовало высечь плетью, на конюшне стояли четыре врытых [в землю] столба, на которых обычно даже рабов никогда не растягивали.

5. Что же мне сообщить о развлечениях его и утехах? Он держал медведей, по дикости и величине не уступавших ему самому, которых выискивал по всей Империи на протяжении всего правления. Когда он хотел позабавиться, приказывал привести кого-нибудь из них, называя того по имени. 6. Люди отправлялись им не просто на растерзание, но в качестве простой пищи: когда разрывались их тела, он с превеликим удовольствием хохотал; и никогда не совершал он трапезу без пролития человеческой крови.

7. Для людей, не имевших достоинства, орудием пыток был огонь; его он применял прежде всего в отношении христиан, выпустив законы,

---

¹ Слово «гинекей» (*gynaecium*) имеет греческое происхождение и буквально означает женскую часть дома; но римские правовые тексты проясняют, что это слово использовалось также для обозначения императорских покоев, где невольницы занимались ткачеством и окраской тканей». См.: Jones A. H. M. *The Later Roman Empire: A social, economic and administrative survey*. Oxford, 1964. P. 836–837.

по которым после пыток приговоренных сжигали на медленном огне. 8. В то время как несчастные были привязаны к столбам, под ногами у них поддерживали слабый огонь до тех пор, пока кожа, уже сморщенная от жара, сама не отделялась от костей. 9. После этого к отдельным частям тела подносили зажженные и потушенные факелы так, что на теле не оставалось ни одного живого места, а лица же их между тем обливали водой и омывали их уста влагой, чтобы они не скоро испустили дух из-за пересыхания горла. 10. В конце концов смерть приходила, [но лишь тогда], когда по прошествии нескольких дней кожа уже сваривалась и сила огня достигала нутра. 11. Потом, разведя костер, сжигали уже обгоревшие тела; собранные кости, размельченные в прах, выбрасывали в реку или в море.

22. 1. И вот, истязания, которым он научился на терзании христиан, он по самой привычке применял против всех людей. 2. У него не было ни одного легкого наказания: ни ссылки на острова, ни тюрем, ни рудников, но обыкновенными и привычными для него были огонь, крест и растерзание дикими зверями. 3. Доместики и управляющие усмирялись копьем. Отсечение головы и казнь мечом были весьма редки и предоставлялись словно милость, и эту благородную смерть получали за старые заслуги. 4. Ведь это ему было легко совершать — красноречие угасло, адвокаты упразднены, юристы либо сосланы, либо убиты. Литература оказалась в числе пагубных искусств, а тех, кто ею занимался, изгоняли и проклинали как врагов и чужаков. 5. Произвол во всех делах усугублялся из-за расстроенных законов, а судьи его только поддерживали. Военных судей, не знающих делопроизводственных тонкостей, посылали в провинции без ассессоров [для вынесения приговоров по гражданским делам].

23. 1. Еще и то стало несчастьем государству и всеобщим страданием, что в провинциях и в городах был проведен ценз. Повсюду были разосланы цензоры и мучили всех так, что это имело вид вражеского набега и ужасного завоевания. 2. Измерялись земли, участок за участком, пересчитывались виноградные лозы и плодовые деревья, описывались животные всякого вида, был посчитан каждый человек; в городах собиралась и городская, и сельская чернь, так что все они были запружены толпами челяди, ибо каждый человек прибывал в сопровождении детей и рабов; всюду слышны были лязганье оков и удары плетей, сыновей

вешали в присутствии отцов, вернейших из рабов пытали против господ, жен — против мужей. 3. Если и этого не хватало, их самих пытали для самооговора, и когда боль одерживала верх, признавались в том, чего не имели. 4. Ни возраст, ни здоровье не служили оправданием. Больных и немощных приносили; возраст определяли произвольно, детям годы набавляли, старикам — сбрасывали. Все было наполнено плачем и скорбью. 5. Что предки по закону войны совершали в отношении побежденных, Максимиан Галерий решил устроить в отношении римлян и римских подданных. Все это оттого, что родители его некогда подверглись цензу, который Траян, как победитель, возложил на постоянно восставших даков в качестве наказания.

6. После этого деньги платили за каждую голову, и устанавливалась [как бы] плата за [саму] жизнь. Однако к одним и тем же цензорам доверия не было, и одних сменяли другие, словно новые могли получить больше. И когда ничего не находили, они постоянно удваивали [доход], предпочитая удвоить, чтобы не показалось, будто они были посланы напрасно. 7. Между тем уменьшалось количество скота и умирали люди, но даже умершие не освобождались от податей, так что уже ни жить, ни умереть даром было нельзя.

Остались одни нищие, с которых нечего было спросить; так что их собственные несчастье и горе защищали от всякого рода несправедливостей. 8. Разумеется, этот «сердобольный» человек сожалел о них. Чтобы они более не испытывали нужду, он приказал согнать их всех в одно место и, вывезя на небольших кораблях в море, утопить. Насколько же сердоболен был тот человек, который, приказывая это, заботился, чтобы никто не терпел нужды! 9. В итоге от его предусмотрительности, чтобы никто не избежал ценза, погибло множество несчастных людей вопреки всякому закону человечности.

24. 1. Но уже близился суд Божий, уже наступало время, когда власть его начала рушиться и гибнуть. 2. Он еще не думал о свержении или отстранении Констанция, пока был поглощен теми делами, о которых я говорил выше, и [просто] ожидал его кончины; однако не предполагал, что это произойдет так скоро.

3. Когда Констанций стал совсем слаб, он послал Галерию письма с требованием, чтобы тот отправил к его очам сына его, Константина, кото-

рого давно уже не видел. 4. Тот же совсем этого не желал. В самом деле, он устраивал всевозможные козни для юноши. Поскольку открыто он ни на что не осмеливался, боясь возбудить против себя гражданскую войну и — чего особенно опасался — ненависть солдат, то под предлогом тренировки и забавы [однажды] толкнул того [в клетку] к зверям. 5. Но все напрасно, ибо рука Божия защищала того человека. Он, [Бог], освободил его из рук Галерия в самый решающий момент.

И вот поскольку Галерий уже не мог отказывать частым просьбам Констанция, он дал Константину на исходе дня печать и приказал, чтобы тот утром следующего дня, после получения приказа, отправлялся в путь, сам же при этом намеревался либо удержать его под каким-нибудь предлогом, либо выслать вперед письма, чтобы это сделал Север. 6. Константин, поскольку предвидел подобное, поспешил уехать сразу после трапезы, когда император отдыхал, и умчался, забирая на многочисленных [почтовых] станциях всех казенных лошадей.

7. На следующий день император, намеренно проспав до полудня, велел позвать Константина. Ему сообщили, что тот отбыл тотчас после трапезы. Галерий принялся яростно кричать и браниться. Он требовал казенных лошадей, чтобы вернуть того назад. Тут сообщили, что государственный тракт без лошадей. Он едва сдержал слезы. 8. А Константин, проявив невероятную поспешность, прибыл к уже умирающему отцу, который, препоручив его солдатам, передал ему из рук своих власть, а затем обрел отдохновение от жизни на ложе своем,¹ как того и желал. 9. Приняв власть, Константин-август ничего не касался прежде, как того, чтобы вернуть христиан к своему вероисповеданию и Богу. Это было первое его постановление по восстановлению святой религии.

25. 1. Спустя несколько дней к злобному зверю было отправлено изображение Константина, увенчанное лаврами. Он долго обдумывал, принимать ли его. 2. В этом была причина того, что Галерий чуть не сжег того самого посланника, что доставил изображение; лишь друзья отговорили его от подобного проявления гнева, предостерегая от той опасности, что все войны, которые вынуждены были признать неизвестных

---

¹ Констанций Хлор скончался 25 июля 306 г. в Британии, в Эбораке (совр. Йорк).

им цезарей, поддержат [хорошо знакомого им] Константина и встретят его с великой радостью, если он прибудет с армией. 3. После того, весьма недовольный, он принял изображение и вскоре послал Константину пурпур, чтобы казалось, будто он по собственной воле принял того в соправители.

4. Расчеты его были уже нарушены, так как он не мог вне порядка провозгласить [августом] другого человека, как хотел. 5. И он решил провозгласить августом Севера, как более зрелого годами, Константина же приказал именовать не императором, несмотря на то, что он им стал, но цезарем вместе с Максимином, чтобы переместить его со второго места на четвертое.

26. 1. Галерию казалось, что все уже почти улажено, как вдруг доставили очередную ужасную новость: его зять Максенций провозглашен в Риме императором.¹ 2. Причина этого мятежа была следующая.

Когда Галерий решил проводимым цензом поглотить весь круг земель, он дошел до такого безумия, что не желал даже римский народ освободить от этого рабства. Уже были определены цензоры, чтобы они, отправившись в Рим, произвели там перепись народа. 3. Приблизительно в то же время он убрал [из Вечного города] все преторианские лагеря. Поэтому некоторые солдаты, оставшиеся в лагерях у Рима, получили удобный случай и, убив, не без побуждения возмущенного народа, нескольких судей, облекли в пурпур Максенция.

4. Когда пришло известие о случившемся, Галерий был несколько взволнован переменой обстоятельств, хотя и не слишком напуган. С одной стороны, он ненавидел этого человека, с другой — не мог назначить трех цезарей. По крайней мере, казалось, что он не собирался этого делать. 5. Он призывает Севера и, побуждая того к возвращению власти, отправляет его с армией Максимиана на подавление Максенция. При этом отправляет [их] в Рим, в котором эти воины, абсолютно лишенные утех, не только могли пожелать сохранить тот город в целости, но и [остаться] жить там. 6. Максенций, сознавая, какие против него предпринимают действия, хотя и мог, по праву наследования, привлечь на свою сторону отцовских воинов, однако, думая, что тесть Максимиан, который и сам

---

¹ Это случилось 28 октября 306 г.

этого боялся, оставит Севера в Иллирике, а сам со своей армией отправится на борьбу с ним, искал, как оградить себя от нависшей опасности. 7. И вот он посылает своему отцу, остававшемуся после отречения от власти в Кампании, порфиру и вторично объявляет его августом. Тот же, и жаждая перемен, и памятуя о том, что отрекся против воли, с радостью и поспешно принимает ее.

8. Север тем временем наступает и подходит с войском к стенам [Вечного] города. Но его солдаты, как только были подняты военные значки, тотчас же удаляются от него и переходят в распоряжение того, против кого выступали. 9. Как бы он, брошенный войском, спасся, если бы не бегством? Но навстречу ему уже надвигался, вновь обретя власть, Максимиан, от встречи с которым Север в поисках спасения бежал в Равенну, за стенами которой и закрылся с немногими воинами. 10. Предвидя, что будет, если он перейдет к Максимиану, он сдался сам и пурпурное одеяние возвратил тому, от кого получил его. Поступив подобным образом, он не добился ничего большего, кроме легкой смерти. Действительно, когда ему перерезали вены, он тихо скончался.

После этого Максимиан начал преследовать свои интересы.

27. 1. И вот Геркулий, зная безрассудство Максимиана Галерия, начал думать о том, что тот, узнав о гибели Севера, воспламенится гневом и вздумает пойти [на него] с войском, присоединив, возможно, еще и Максимиана, а когда войско противника возрастет вдвое, противостоять ему будет совершенно невозможно. Тщательно укрепив город и приняв некоторые меры против врагов, Геркулий отправился в Галлию, чтобы привлечь на свою сторону Константина, женив [того] на своей младшей дочери.¹

2. Тем временем Галерий, собрав войско, устремляется в Италию и подступает к [Вечному] городу,² намереваясь разогнать сенат и перерезать весь народ. Но встретил все закрытым и укрепленным. Упования на взятие города были ничтожны: осада была затруднительна, было недостаточно войск даже для окружения стен, ведь он никогда не видел Рима и считал его немногим больше других известных ему городов. 3. Тогда

¹ Имеется в виду Фауста, дочь Максимиана Геркулия и Евтропии, сестра Максенция.

² Поход Максимиана Галерия на Рим состоялся в 307 г.

некоторые легионы, проклинавшие то преступление, когда тесть сражается против зятя, а римские воины против Рима, стали бросать [свои посты] и оставлять приказы без внимания. 4. И уже начали колебаться остальные воины, как тот, сломив гордыню и пав духом, а также боясь участи Севера, бросился в ноги воинам и стал заклинять их не отдавать его врагу, пока не смягчил души их невероятными обещаниями. После этого он, повернув знамена вспять, полный дрожи, бросился в бегство, в ходе которого его могли бы без труда разбить, если бы хоть кто-то стал его преследовать с небольшим отрядом.

5. Боясь этого, Галерий отдал солдатам приказ все грабить и уничтожать на своем пути, чтобы если кто вздумает преследовать его, не нашел бы пропитания. 6. Таким образом, была опустошена та часть Италии, где прошло это смертоносное войско; все здесь было разграблено, осквернены замужние женщины, изнасилованы девушки, замучены родители и мужья лишь потому, что не отдавали своих дочерей, жен и имущество. Угонялся скот и лошади, словно добытые у варваров.

7. Таким образом Галерий и возвратился в свою резиденцию, после того как он, недавно император, теперь же разоритель Италии, словно неприятель и враг опустошил всё и вся. 8. И отныне тот, кто когда-то получил имя римского императора, заявил о себе как враг римского имени, чье наименование захотел изменить, чтобы империя называлась не Римской, а Дакской.

28. 1. После бегства его другой Максимиан, вернувшись из Галлии, делил власть вместе с сыном. Однако власть юноши была ощутимее власти старика, поскольку авторитет сына был значительно выше, в том числе и оттого, что он возвратил власть отцу. 2. Старец, негодуя в душе, жаловался, что не может беспрепятственно совершать то, что хочет, и смотрел на своего сына с нескрываемой ревностью. Поэтому он подумывал об устранении юноши, чтобы вернуть себе свое. Это ему казалось легковыполнимым, ведь при нем находились воины, покинувшие Севера.

3. Он созвал народ и солдат, будто бы намереваясь держать совет о нависших над государством бедах. Говоря об этом весьма пространно, он обратил вдруг руку к сыну и, заявив, что именно он виновник несчастий, он — творец тех бед, которые обрушились на государство, сорвал с плеч его порфиру. 4. Тот, лишенный пурпура, бросился с трибунала и

был [благосклонно] принят внизу солдатами. Ошеломленный их гневом и выкриками, нечестивый старец был изгнан из Рима, точно второй Тарквиний Гордый.¹

29. 1. Возвратившись в Галлию, где он задержался на некоторое время, Геркулий отправился к врагу своего сына Максимиану, как будто для того, чтобы потолковать о поправлении государственных дел; в действительности же, чтобы, воспользовавшись примирением, убить его и захватить власть, ведь он уже был изгнан отовсюду, куда бы он ни являлся. 2. Туда же прибыл и Диокл, приглашенный не так давно зятем, чтобы он чего не совершил [лишнего], а также чтобы в его присутствии вручить власть Лицинию, назначив того на место Севера. В результате он был избранным в присутствии и того и другого. Таким образом, в одно и то же время было шесть правителей.²

3. Поэтому, когда планы его были расстроены, старец Максимиан бросился в бегство в третий раз. Он возвратился в Галлию, преисполненный скверных мыслей и коварного желания с помощью подлой хитрости обмануть императора Константина, зятя своего и сына зятя своего,³ и чтобы ввести того в заблуждение, слагает с себя царственные одежды. Тогда же племя франков взялось за оружие. 4. Ничего не подозревавшего Константина он побуждает не брать с собой все войско, поскольку варваров [якобы] можно усмирить и с небольшим отрядом; убеждает для того, чтобы и самому остаться с войском, которое он захватил, и чтобы тот был разбит из-за недостатка солдат. 5. Юноша доверился ему как более опытному и зрелому годами, послушался его как тестя; он отправляется в поход, оставив большую часть войска. Тот же, выждав несколько дней и решив, что Константин уже достиг варварских рубежей, одевает неожиданно порфиру, овладевает казной и по обыкновению

---

¹ *Тарквиний Гордый* — седьмой и последний царь Рима; правил приблизительно в 534–510 гг. до н. э. Был изгнан из Рима вместе с супругой и детьми. Максимиан Геркулий был изгнан из Рима в начале 308 г.

² Скорее всего, Лактанций говорит о Галерии, Геркулии, Лицинии, Константине, Максимине и Максенции.

³ Константин был зятем Максимиана Геркулия как муж его дочери Фаусты; отец же Константина — Констанций Хлор — был женат на падчерице Геркулия Феодоре, а потому также являлся зятем Максимиана.

делает щедрые дары; измышляет против Константина то, что тотчас же оборачивается против него самого.

6. Обо всем случившемся немедленно извещают императора. С поразительной быстротой он спешит назад с войском. Максимиан, будучи недостаточно подготовлен к войне, оказывается застигнутым врасплох, а воины возвращаются к своему императору. 7. Максимиан овладевает Массилией¹ и защищает ворота. Император подступает ближе к городу и обращается к стоящему на стене [тестю] с речью не строгой, без враждебности; спрашивает, чего тот хочет, чего ему не хватает, для чего совершил он то, что не подобало ему. Тот же посылал лишь проклятия со стены. 8. Тогда за его спиной вдруг открылись ворота — и в город вступили воины [Константина]. Мятежный император, отец нечестивый и тесть вероломный, силой был приведен к императору. Он выслушал обвинения в совершенных им преступлениях, с него сорвали [императорские] одежды, но сохранили, порицая, жизнь.

30. 1. Когда честь императора и тестя была посрамлена до такой степени, он, не перенеся унижения, затеял новое коварство, однажды избежав уже наказания. 2. Он зовет свою дочь Фаусту и, чередуя мольбы и ласки, склоняет ее к предательству мужа, обещает других достойных претендентов в мужья, просит оставить открытой опочивальню и поставить на стражу нерадивых солдат. 3. Та обещает, что все сделает, и тут же направляется к мужу. Была создана видимость [предательства Фаусты], чтобы с ее помощью вскрыть преступление. В ложе укладывают какого-то ничтожного евнуха, которому суждено было погибнуть вместо императора.

4. Глубокой ночью Максимиан поднимается и видит, что все готово для злодеяния. Стражников было немного, к тому же стояли они вдалеке; но он все-таки говорит им, что увидел сон, который хочет поведать сыну. Вступает вооруженный в покои и, изрубив скопца, выбегает, похваляясь, и сообщает всем, что он совершил. 5. Неожиданно с другой стороны в сопровождении множества воинов появился Константин. Из опочивальни выносят мертвое тело несчастного. Уличенный убийца застыл в недоумении; потеряв дар речи, он стоял

---

¹ Массилия — город в Южной Галлии, совр. Марсель.

*Твердый, словно кремь иль холодный мрамор
марпесский.¹*

Его обвиняют в измене и преступлении и наконец дают право самому определить себе вид смерти.

Вяжет к балке он сам безобразную смертную петлю.²

6. Итак, великий император римского народа, исполнявший с великой славой в течение долгого двадцатилетнего срока свои устремления, когда его чванливое горло было сдавлено и тело обмякло, жизнь гнусную завершил позорной и постыдной смертью.

31. 1. После этого Бог, защитник благочестия и народа Своего, перевел взоры Свои на другого Максимиана, зачинщика ужасного гонения, чтобы и на нем продемонстрировать силу Своего могущества.

2. Галерий думал уже о праздновании собственного юбилея, но поскольку он уже давно довел провинции до полного истощения, введя чрезвычайный налог золотом и серебром, что, впрочем, всегда обещал вернуть, то нанес новый ущерб ради двадцатилетия правления. 3. Мог ли бы кто-то достойно рассказать, как через страдания рода человеческого осуществлялись изъятия излишков зерна? Воины всех рангов или, лучше сказать, мучители действовали сами по себе; не ясно было, кому повиноваться. Неимущие не получали снисхождения, многие терпели муки, если тотчас не отдавали того, чего никогда и не имели. 4. Если кто даже был окружен многочисленной охраной, не имел никакого шанса к послаблению; ни одно время года не несло ни малейшего покоя; бесчинства над этими людьми как самих судей, так и солдат судей были беспрерывны; ни одного участка не оставалось без сборщика податей, ни одной виноградной лозы без надзирателя, ничего не было оставлено для пропитания страждущих. Хотя положение их было нестерпимо, — ведь вырывали у людей из уст пищу, добытую трудом, — все же они поддерживали себя различными способами, в том числе упованием на будущее. 5. Что же одежды всякого рода, что же золото, что же серебро? Не приобретается ли это от продажи плодов труда? Так откуда, о безумнейший тиран, я это возьму, если ты отнял все, вырвав даже все ростки?

¹ Вергилий. Энеида. VI.471.

² Там же. XII.603.

6. Кто только ни пострадал из-за имущества своего, чтобы пополнить по приказу его казну для проведения торжеств, которые так и не были устроены!¹

32. 1. Когда же о наречении императором Лициния узнал Максимин, он, разгневавшись, не пожелал считаться ни цезарем, ни третьим. 2. Поэтому Галерий неоднократно посылал к нему легатов, требуя, чтобы тот ему подчинился, чтобы соблюдал порядок, чтобы уступил старшему годами и выразил ему уважение. 3. Но тот достиг вершин дерзости, утверждая, что, вопреки велениям времени, первым должен быть тот, кто первый принял пурпур; и презрел уговоры его и приказы. 4. Галерий сокрушался и рычал, подобно зверю, ведь он сам провозгласил его, никому неизвестного, цезарем, чтобы тот был ему послушен, а он, забыв столь многие его благодеяния, бессовестно противился как его повелениям, так и просьбам.

5. Изведенный этим упорством, Галерий уничтожил [само] имя цезаря и объявил себя и Лициния августами, а Максимиана и Константина — сыновьями августов.² После этого Максимин написал, ставя [всех] в известность, что он провозглашен на Марсовом поле августом.³ Галерий получил это сообщение мрачным и недовольным и постановил считать императорами всех четверых.⁴

33. 1. Уже шел восемнадцатый год правления Галерия,⁵ когда Бог поразил его невыносимым страданием. У него возник опасный нарыв в нижней части его детородных органов и начал распространяться вширь.

---

¹ Галерий скончался раньше, чем могли быть отпразднованы запланированные торжества; он умер в мае 311 г.

² Титулы «сыновья августа» считаются официальными титулами Константина и Максимиана в период с 309 по 311 г. Эти звания были даны им Галерием, который оставил за собой и Лицинием звания августов. Официальный характер этих титулов подтверждается также нумизматическим материалом.

³ Максимин стал августом в 310 г. 1 марта или 1 мая, а в следующем 311 г. он стал консулом.

⁴ Т. е. августами. Таким образом, в Империи было четыре августа, чья власть признавалась Максимианом Галерием, — сам Галерий, Лициний, Константин и Максимин Дайя.

⁵ Имеется в виду год с 1 марта 310 г. по 1 марта 311 г.

2. Лекари вырезали его и очистили рану. Но боль бередила уже затянувшуюся рану, и, поскольку лопнула вена, началось кровотечение, приближая опасность смерти. С трудом кровь все-таки остановили. Но возникло новое кровотечение в незатронутом [лечением] месте. Наконец и эта рана затянулась в рубец. 3. Но он вновь открылся от легкого движения тела, и крови вышло еще больше, чем прежде. Сам он побледнел и ослабел, поскольку силы его были истощены; тогда-то и прекратилось кровотечение. 4. Рана уже перестает воспринимать действия лекарств; повсюду вокруг язвы расходуется раковая опухоль; и чем больше ее вырезают, тем более она распространяется; чем более лечится, тем более растет в размерах.

*И врачи уступили болезни —
Амифаонов Меламп и Хирон, рожденный Филирой.¹*

Отовсюду привозят прославленных лекарей. Но бессильны руки человеческие. 5. Обращаются к идолам, заклинаят Аполлона и Асклепия, вымаливают лекарства. Аполлон проявляет свою заботу — и недуг увеличивается еще более. 6. Болезнь более не отступала, низ был поражен язвой полностью. Мясо снаружи сгнило, и седалище целиком истлело от язв. Однако несчастные врачи не оставляют его, омывают и ухаживают, не надеясь, однако, победить хворь. 7. Поразив уже костный мозг, болезнь проникает вглубь и поражает внутренние органы; внутри появляются черви. Зловоние от этого распространилось не только по дворцу, но и по всему городу. И это не удивительно, когда смешались выходы кала и мочи. 8. Тело, изъеденное червями, в результате гниения умирало с невыносимыми болями.

*Только лишь вопли ужасные к звездам небесным возносит,
Словно бы болью терзаемый, раненый вол исторгает
мычанье.²*

9. К дряблему седалищу прикладывают отвары и освежаванных животных; чтобы их жар исторг личинок. Когда животных убирали, на них кишело неимоверное множество червей; но все же еще больше их по-

¹ Вергилий. Георгики. III.549–550.

² Вергилий. Энеида. II.222–224. Перевод наш. — В. Т.

рождало неумолимое гниение внутренностей. 10. Из-за разрастающегося недуга части тела утратили естественный вид. Кверху от язвы все иссохло, из-за ужасной истощенности изжелта-белая кожа вплотную обтянула кости. Внизу же тело, лишенное всякого движения, раздулось непомерно.

11. Все это продолжалось на протяжении всего года, после чего измученный болезнью он, наконец, вынужден был признать [истинного] Бога. Время от времени он восклицал от новой мучительной боли, обещая восстановить храм [Всевышнего] Бога и прося прощения за свои злодеяния. И уже угасающий, он выпустил эдикт следующего содержания:

34. «1. Среди прочего, что постоянно свершали мы для пользы и блага государства, до этих пор, со своей стороны, желали мы всецело править римлянами в соответствии законам предков и принципов общественных, а также заботиться о том, чтобы и христиане, которые оставили путь прародителей своих, возвратились к благим мыслям. 2. Поскольку, вследствие того самого образа мыслей, христиан этих охватило такое безумие и такое неразумное стремление, что они перестали повиноваться древним обычаям, установленным их же прародителями, — по собственному соизволению и по собственной прихоти сами выдумали себе они законы, которые и соблюдали и, распространяя их, объединили неразумием своим различные народы. 3. Наконец, когда последовало наше предписание о том, чтобы они обратились к древним установлениям, многие ему подчинились из-за страха, многие же были наказаны. 4. И поскольку очень многие упорно не оставляли своих убеждений, и к тому же мы видели, что как не воздается [христианами] должное почитание и поклонение небесам, так и не уважается [язычниками] Бог христианский, по соображению мягчайшей нашей кротости и согласно постоянной любви мы готовы оказать всем людям снисхождение; без малейшего колебания простирая великодушие наше, мы постановили, чтобы вновь свободно жили христиане, и пусть устраивают свои собрания, но так, чтобы никто из них не нарушал порядка. 5. Другим же посланием к судьям мы намерены указать, что они должны выполнять. От этого, по великодушию нашему, пусть молят Бога своего за избавление наше, за государство наше и за себя, чтобы повсюду государство твердо стояло невредимое и люди безмятежно могли бы жить в домах своих».

35. 1. Этот эдикт был обнародован в Никомидии за день до Майских календ в восьмое консульство Галерия и второе Максимиана.¹ 2. Тогда отворились тюрьмы, и ты, Донат дражайший, был освобожден вместе с другими единоверцами из-под стражи, после того как шесть лет тюрьма служила тебе жилищем. 3. Но Галерий не заслужил подобным деянием снисхождения² от Бога за злодеяния свои, но через несколько дней, вверив под опеку Лициния супругу свою и сына,³ когда уже обмякло все его тело, он был испепелен ужасным тлением. 4. Об этом узнали в Никомидии в <иды>⁴ того же месяца, когда все ожидали празднования двадцатилетнего юбилея его правления в предстоящие Мартовские календы.⁵

36. 1. Когда известие об этом достигло Максимиана, он решил спешно выступить с Востока, чтобы, пока Лициний медлит, захватить провинции и присвоить себе все, вплоть до Халкедонского пролива,⁶ и вторгся в Вифинию, в которой на время снискал себе расположение, отменив к огромной всеобщей радости ценз. 2. Между двумя императорами раздор, почти война. Воины удерживали противоположные берега. Но в результате определенных соглашений устанавливаются мир и дружба, и на самом проливе заключается договор, и императоры соединяют правые руки. 3. Максимин безмятежно возвращается и становится таким, каким был в Сирии и Египте.

¹ Имеется в виду 30 апреля 311 г.

² В историографии принято считать, что в описании Лактанцием болезни Галерия мы сталкиваемся с непрямой цитатой апологета из Второй Маккавейской книги Ветхого Завета, где описываются болезнь и кончина Антиоха Епифана (*Christensen A. S. Op. cit. P. 45–49; Zecchini G. La storiografia cristiana latina del IV secolo (Da Lattanzio ad Orosio) / I Cristiani e l'Imperio nel IV secolo. Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico / A cura di G. Bonamente, A. Nestori. Macerata, 1988. P. 176*).

³ Речь идет о Валерии и Кандидиане.

⁴ В рукописи в данном месте лакуна. Прочтение <idibus> mensis eiusdem предложил французский издатель сочинения Ж. Моро. Майские иды приходятся на 15 мая.

⁵ 1 марта 312 г.

⁶ То есть до Босфора Фракийского — пролива, разделяющего Европу и Азию и соединяющего Мраморное море (Пропонтиду) и Черное (Понт Эвксинский). Максимин, владевший до этого диоцезом Восток, присоединил к своим территориям еще два диоцеза — Азиану и Понтику.

В первую очередь он уничтожает милости, данные эдиктом христианской общине, подослав городских легатов, которые просили, чтобы он не разрешал образовывать внутри их городов собрания христиан, так, чтобы казалось, что его вынуждают и умоляют сделать то, что он намеревался совершить по собственному разумению. 4. Выразив им согласие, Максимин учредил великих понтификов по новому обычаю, из знатнейших граждан по одному в каждом городе, чтобы они ежедневно совершали жертвоприношения всем богам и при поддержке старших жрецов старались, чтобы христиане не производили собраний и не почитали Бога ни публично, ни частным образом. Но схваченных [христиан], по своему усмотрению, принуждали бы к жертвоприношениям или передавали в руки судей. 5. И этого было мало, если бы он не возвысил в провинциях некоторых людей из более достойных, сделав их как бы понтификами, и приказал, чтобы и тот и другой были облачены в белые хламиды. 6. В общем, он собирался делать то, что уже давно делал в восточных провинциях. Поскольку же он объявил, для вида, умеренность, то запретил убивать рабов Божиих, приказав их только увечить. 7. Вследствие этого исповедникам выкалывали глаза, отсекали руки, калечили ноги, отрезали носы и уши.

37. 1. Устроив все это, он был напуган посланиями Константина, а потому скрыл все. Тем не менее, если кто [из христиан] попадал к нему, он тайно топил их в море. Также он не оставил своего обыкновения каждый день во дворце совершать жертвоприношения. 2. Главное же, что он выдумал, это то, чтобы всех животных, которых он употреблял в пищу, убивали не повара, а жрецы на жертвеннике, и чтобы вообще не подавалось на стол ничего, что не было бы испробовано [слугой], либо очищено жертвоприношением, либо полито [жертвенным] вином. Таким образом, кто бы ни был приглашен к столу, выходил из-за него нечистый и даже оскверненный.

3. В остальном он также был подобием своего учителя. Если что осталось из того, чего не тронули Диокл или Максимиан, он забирал себе, похищая все без всякого стыда. 4. По этой причине амбары простых людей закрывались, винные погреба опечатывались, выплата долгов переносилась на отдаленные сроки, и оттого была крайняя нужда, когда грабились земли, оттого и неслыханная дороговизна. 5. Стада крупного и мелкого скота сгонялись с пастбищ для ежедневных жертвоприношений,

которыми настолько он измучил своих приближенных, что те не обращали внимания на сбор хлебного налога. Он раздаривал все подряд, без разбора и без меры, и когда поощрял своих приближенных, число которых было огромно, дорогими одеждами и золотыми монетами, а рядовых солдат и новобранцев — серебром, и когда удостаивал варваров своей щедростью. 6. Таким образом, он либо похищал, либо раздавал в виде подарков своим приближенным имущество людей, но, так или иначе, каждый [в его правление] домогался чужого. Я не знаю, могу ли счесть его поступки милосердными оттого, что он по примеру тихих воров снимал шкуру, не проливая крови.

38. 1. Самым же ужасным преступлением, достойным смерти, еще хуже перечисленных, являлась его жажда разврата! Я не знаю, как это назвать, если не мерзостью и разнузданностью; да и этими словами нельзя выразить сущность этого злодеяния из-за его возмутительности. Низость преступления превосходит возможности языка. 2. Евнухи общаривали все, и где бы ни находили девушку достойной красоты, отрывали ее от отца и мужа. С высокородных женщин срывали одежды, да и с девушек тоже, и у каждой осматривали тело, чтобы не было части, недостойной царственного ложа. Если какая из них сопротивлялась этому, ее топили; казалось, целомудренность тех женщин была преступлением против царского величия. 3. Некоторые мужья, когда обесчестили их жен, которых они нежно любили за нравственную чистоту их и верность, поскольку уже не могли более сносить скорбь, сами лишали себя жизни. При этом чудовище нельзя было сохранить целомудрия, если только варварское сладострастие не останавливалось бросающимся в глаза уродством. 4. Наконец, он ввел такое правило, что никто не мог жениться без его позволения и что он сам наперед отведывал прелести каждого брака. 5. Свободных увечных девушек он отдавал в жены своим рабам.

И свита его подражала своему властелину, бесовестно совершая насилия в опочивальнях своих гостеприимцев. Да и кто им мог воспрепятствовать? Дочерей незнатных граждан кто хотел, тот и умыкал. Знатных же девушек, которых не могли похитить, они получали в качестве платы за службу; и нельзя было такому противиться, если разрешение на то подписал император. Так что суждено было либо погибнуть, либо

принять в зятя какого-нибудь варвара. 6. В самом деле, среди его телохранителей, казалось, не было никого, кроме как из племени тех, кто, будучи изгнанными готами во времена двадцатилетнего юбилея¹ из земель своих, не вручили себя Максимиану [Галерию], этому несчастью рода человеческого, чтобы теперь, избежав порабощения варварского, они сами властвовали над римлянами. 7. Так, окруженный сообщниками и охраной, он издевался над всем Востоком.

39. 1. Наконец, когда ради похотей своих он выдумал тот закон, по которому считал дозволенным для себя все, чего бы страстно ни пожелал, он не смог удержать рук своих также и от августы, которую еще недавно называл матерью. 2. Валерия прибыла к нему после кончины Максимиана, считая, что задержаться в его пределах будет безопаснее, поскольку он имел жену. 3. Но это животное тотчас воспламенилось злодеянием. В ту пору женщина носила еще траурные одежды, еще не прошло время скорби. Через заранее отправленных посланников Максимин требует ее в жены, намереваясь изгнать свою супругу, если получит согласие. 4. Та ответила настолько откровенно, насколько могла: во-первых, не должно помышлять о свадьбе в этих поминальных одеяниях, когда не остыл еще прах супруга ее, отца его; во-вторых, он бессовестно поступает, когда гонит прочь преданную ему супругу, и он может так же поступить и с нею; наконец, негоже женщине такого имени и положения отведывать другого мужа — к тому нет ни обычая, ни примера. 5. Максимину сообщают, на что она дерзнула. Страсть обращается в гнев и ярость. Тотчас он объявляет ту женщину вне закона, конфискует все ее имущество, разгоняет свиту, убивает в пытках скопцов, саму же ее вместе с матерью отправляет в изгнание; и не в определенное место, а беспрестанно гоняя туда-сюда; подруг ее также осудил он якобы за прелюбодеяние.

40. 1. Была одна светлейшая женщина, имевшая уже внуков от молодых сыновей. Валерия почитала ее как вторую мать; Максимин подозревал, что Валерия отказала ему именно по ее совету. Он дал задание

---

¹ Речь идет о карпах. Осенью 303 г. (год, когда проводились торжества в честь двадцатилетнего юбилея правления Диоклетиана) Максимиан Галерий организовал поход против карпов, после которого получил дополнительный титул Великого Карпийского.

наместнику <Вифинии>,¹ чтобы тот, покрыв ее позором, убил. 2. Ее судьбу разделили две другие женщины, столь же высокородные, одна из которых, водившая тайную дружбу с Валерией, оставила дочь свою весталкой, девственницей Рима. Другая же была замужем за сенатором, впрочем, она была не слишком близка августу. Но и та и другая из-за необычайной внешней красоты и целомудрия были лишены жизни.

3. Женщин неожиданно хватают, но не для судебного разбирательства, а для расправы. Ведь не было даже никакого обвинителя. Находят какого-то иудея, ответчика за иные проступки, который, уповая на возможное прощение, готов был клеветать на безвинных. Судья, беспристрастный и старательный, выходит за город в сопровождении охраны, чтобы его не забросали камнями. Трагедия эта происходила в Никее.²

4. Иудея подвергают пыткам; он говорит то, что ему приказали. Чтобы женщины не возражали ему, истязатели удерживают их. Невинным женщинам определяют наказание. Плакал и стонал не только муж, который сопровождал свою благопристойную супругу, но и все, кто был привлечен этим недостойным и неслыханным событием. 5. Но даже возмущение народа не могло вырвать их из рук изуверов, так как их сопровождали шествовавшие в походном порядке клибанарии³ и лучники. Так, находясь внутри клина солдат, их и вели на казнь. 6. И лежали бы [они] без погребения, — ведь домашняя челядь их разбежалась, — если бы не похоронили их тайно друзья, сочувствовавшие им. И не было воздано прощение лжецу; однако, пригвожденный к поперечине креста, он открыл всю тайну и при последнем издыхании сказал всем, кто его видел в тот момент, что казнены были невинные.

41. 1. Августа же, отправленная в безлюдные пустыни Сирии, сообщает через тайных посланников отцу своему Диоклетиану о своих несчаст-

---

¹ В данном месте текст рукописи имеет повреждение; прочитывается лишь фраза <erat in eo>, по смыслу не связанная со всем предложением. Прочтение <Bythyniae> предложил С. Брандт, что можно принять, поскольку данная вставка не искажает смысла рассказа. Из сообщения Лактанция следует, что все это происходило в Никее, главном городе Вифинии.

² *Никея* — город в Вифинии; располагался примерно в сорока восьми километрах от Никомидии. Никея была вторым по величине и значению городом на Востоке после императорской резиденции.

³ *Клибанарий* — солдат, защищенный броней.

ях. 2. Тот отправляет легатов и просит, чтобы Максимин отпустил дочь к нему. Ничего не добивается. Вновь и вновь просит, но не получает Валерию. 3. Наконец, он посылает родственника своего, воина и могущественного человека, чтобы тот настоятельно попросил Максимиана, напоминая о милостях [к нему Диоклетиана]. Но и он также, не выполнив поручения, сообщает о тщетности просьб.

42. 1. В то же время по приказу Константина разрушались изваяния Максимиана Старшего и уничтожались все картины, на которых он был изображен; а поскольку оба старца,¹ по большей части, изображались вместе, то избавлялись от портретов того и другого. 2. Когда же Диоклетиан увидел, что слаб так, как ни один из когда-либо существовавших императоров, то, будучи измучен удвоенным недугом, решил предать себя смерти. Он метался из стороны в сторону, пылая душой от страданий, не ведая сна и не вкушая пищи; все это сопровождали сетования и стоны, обильные слезы, непрерывные катания и по постели, и по земле. 3. Вот так, счастливо правивший на протяжении двадцати лет император, низведенный до такой низменной жизни, подавленный несправедливостями и доведенный до неприятия жизни, в конце концов был изведен голодом и терзанием сердца.

43. 1. Оставался еще один из противников Бога — Максимин, рассказ об исходе и падении которого я сейчас поведаю. 2. Поскольку он ревновал к Лицинию, оттого что Максимиан поставил того выше, и хотя недавно заключил с ним договор о дружбе, тем не менее, как только услышал, что сестра Константина просватана за Лициния,² счел, что родство двух императоров возникло против него. 3. Тогда он сам тайком отправил легатов в Рим, предлагая Максенцию союз и дружбу. Писал при этом ему также по-дружески. Легаты принимаются радушно, дружественный союз [немедля] заключен, а их изображения помещаются вместе. 4. Максенций помощь принял с радостью, словно божественную. Ведь он уже объявил Константину войну, якобы во имя мести за убийство своего отца. 5. От этого возникло подозрение, что тот зловердый

¹ Имеются в виду Максимиан Геркулий и Диоклетиан.

² Флавия Юлия Констанция, просватанная и выданная замуж за Лициния, была сводной сестрой Константина; она родилась от второго брака Констанция Хлора с Феодорой.

старик учинил раздор с сыном, чтобы проложить себе дорогу к свержению других, в результате чего он получил бы для себя и для сына власть над всей Империей. 6. Но это было ложью; ведь он намеревался вновь возвести себя и Диоклетиана в императорское достоинство, когда и сын, и прочие были бы уничтожены.

44. 1. Между ними уже вспыхнула гражданская война. И хотя Максенций находился в Риме, — оттого что получил ответ оракула, что погибнет, если выступит за городские ворота, — все же руководил военными действиями через опытных полководцев. 2. Войск у Максенция было больше, ибо он и от Севера получил армию отца своего, и свою собственную привел недавно из земель мавров и гетулов. 3. Началось сражение, и воины Максенция стали одолевать, как вдруг, окрепнув духом, Константин, готовый уже ко всему, подвел все войска вплотную к Городу и расположил их в районе Мульвийского моста. 4. Приближался день, в который некогда Максенций обрел императорскую власть, что произошло за шесть дней до Ноябрьских календ: теперь подходил к концу пятый год его правления.¹

5. Константин был предупрежден во сне, чтобы он начертал небесный знак Бога на щитах и лишь тогда начинал сражение. Он сделал, как предписывалось, изобразив на щитах знак Христа загнутой вверх и скрещенной буквой «Х».² 6. Войско, вооруженное таким символом, берется за мечи. Навстречу выступает неприятельское войско без императора и переходит мост. Передовые отряды сталкиваются с равной силой. И те и другие сражаются в полную мощь, *но никто не мыслит о бегстве*.³

7. В городе вспыхнул мятеж, вождя обвиняют, как презревшего народное благо. И тогда весь народ вдруг, — Максенций ведь устроил в

---

¹ Лактанций допускает две неточности. Во-первых, сражение у Мульвийского моста было не 27 октября (a. d. sextum Kal. Nov.), а 28 октября (a. d. quintum Kal. Nov.). Во-вторых, если пятилетие правления отмечалось так же, как и двадцатилетний юбилей, то торжества должны были начаться в октябре 310 г. и завершиться в октябре 311 г. Битва же произошла в 312 г., т. е. в шестую годовщину правления Максенция.

² У Лактанция содержится наиболее древнее сообщение о чудесном знамении Креста.

³ Вергилий. Энеида. X.757.

честь рождения своего цирковые игры, — восклицает, что Константина невозможно одолеть. 8. Придя в ужас от такого крика, Максенций устремляется прочь и, призвав некоторых сенаторов, повелевает заглянуть в книги Сивилл, в которых было обнаружено, что в тот день погибнет враг римлян. 9. Уповая после этого ответа на победу, он выступает из города и присоединяется к войску. За его спиной разрушают мост. После его появления битва еще более ожесточается, и десница Божия не покидает сражения. Воинов Максенция теснят, сам он, обращенный в бегство, спешит к мосту, который был разрушен, и, теснимый толпой бегущих воинов, низвергается в Тибр.

10. Когда, наконец, это ожесточенное сражение завершилось, император Константин, принятый с огромной радостью сенатом и народом римским, узнал о вероломстве Максимиана, захватил его письма, нашел изваяния его и изображения. 11. Сенат присвоил Константину, в благодарность за его доблесть, звание первого в государстве, на которое пригласил Максимиан; тот же, когда ему было сообщено о победе освобожденного Города, принял известие не иначе как если бы сам был побежден. 12. Когда же вслед за этим он узнал о решении сената, воспламенился гневом так, что открыто заявил о своей вражде, выкрикивая в адрес великого императора оскорбления вперемешку с насмешками.

45. 1. Константин, уладив дела в Городе, с наступлением холодов отправился в Медиолан.¹ Туда же прибыл и Лициний, чтобы принять жену. 2. Максимиан, решив, что там они будут заняты свадебными торжествами, зимой, свирепствовавшей необычайно, привел войско из Сирии и, совершив два привала, ослабевший от переходов, вторгся в Вифинию. 3. Из-за ливней, снегов, грязи, холодов и трудностей пали все вьючные животные, чей падеж на протяжении всего пути уже был призраком [итогов] будущей войны, и, казалось, подобное бедствие ожидало и воинов. 4. Он не стал задерживаться внутри своих границ, но, не делая остановок, переправился через пролив и с войском подступил к вратам Византии. Там находились воины гарнизона, оставленные Лицинием как раз для происшествий подобного рода. Сначала Максимиан хотел проник-

---

¹ Медиолан — город в Цизальпийской Галлии, являлся императорской резиденцией в западной части Римской империи; современный Милан.

нуть в город с помощью даров и посулов, затем добиться всего силой и штурмом, но ни сила, ни обещания не принесли никакого успеха. 5. Как только минуло одиннадцать дней, срок, когда были отправлены вестники с письмами к императору, в это время солдаты, в верности своей нестигаемые, но числом слабые, сдались. Отсюда Максимин двинулся на Гераклею¹ и, задержавшись там по той же причине еще на несколько дней, потерял время. 6. А Лициний, поспешно продвигаясь, уже достиг с небольшим войском Адрианополя,² в то время как Максимин, значительно задержавшийся при сдаче Перинфа,³ появился в восемнадцати милях от города. Ближе он подойти не мог, поскольку Лициний уже благополучно разбил лагерь на том же расстоянии от города. 7. Лициний, собрав, сколько мог, из ближайших областей солдат, двинулся навстречу Максиминому, скорее чтобы задержать его, нежели чтобы сражаться в надежде на победу. Это и естественно — ведь Максимин вел войско в семьдесят тысяч солдат, Лициний же едва собрал тридцать тысяч. 8. Дело в том, что солдаты его были размещены по разным областям, и собрать их всех не позволяла ограниченность времени.

46. 1. И вот, когда войска приблизились друг к другу, уже чувствовалась надвигающаяся битва. 2. Тогда Максимин дал такой обет Юпитеру, что если он одержит победу, то истребит само имя христианское и уничтожит его до основания. 3. Лицинию же в ближайшую ночь [перед сражением] во сне явился ангел Божий, увещевая, чтобы тот немедленно поднимался и молил Всевышнего Бога вместе со всей своей армией, и победа, если он сделает все это, будет его. 4. После этих слов ему показалось, что он поднимается и встает подле того, кто его увещевал, а тот учит его, каким образом и какими словами следует молиться. 5. Когда, наконец, сон рассеялся, Лициний велел пригласить писца и продиктовал те слова, словно слышал их даже тогда: 6. «Всевышний Боже, Тебя молим. Святой Боже, Тебя молим. Всю справедливость Тебе вверяем, благо наше Тебе вверяем, Империю нашу тебе вверяем. По Твоей воле живем, побеждаем и благоденствуем. Всевышний Святой Боже, услышь

¹ Имеется в виду *Гераклея Фракийская*, город, расположенный недалеко от Адрианополя.

² *Адрианополь* — город во Фракии, ныне турецкий город Эдирне.

³ *Перинф* — древнее название Гераклеи Фракийской.

молитвы наши. Руки свои к Тебе простираем. Услышь, Святой Всевышний Боже!» 7. Это записывается на многочисленных письмах и рассылается препозита и трибунам, чтобы каждый обучил [словам молитвы] своих солдат. Все воспрянули духом, поскольку уверовали в победу, ниспосылаемую с небес.

8. Император [сначала] назначил битву на день Майских календ, когда исполнялось восемь лет наречения его цезарем,¹ [словно] чтобы быть побежденным в день своего наречения, как и тот [Максенций] был побежден в Риме. 9. Максимин, [однако, позднее] решил выступить раньше; утром предшествующего годовщине дня он построил войско, чтобы следующий день отпраздновать уже победителем. В лагерях сообщают о наступлении Максимиана. Воины берутся за оружие и выступают на встречу. Посередине лежало пустое и голое поле, которое называют Серенским.

10. Боевые ряды уже видят друг друга. Воины Лициния кладут щиты, снимают шлемы, поднимают к небесам руки и по сигналу препозитов вслед за императором произносят молитву. Войско, которому суждено погибнуть, слышит бормотание молящихся. 11. Произнеся молитву трижды и преисполнившись мужеством, воины Лициния надевают шлемы и поднимают щиты. Императоры отправляются на переговоры. 12. Максимин не мог согласиться на заключение мира. Ведь он презирал Лициния и полагал, что солдаты оставят того, поскольку он был скуп на дары, в то время как сам он — щедр. Он и войну разжег с таким расчетом, чтобы, получив без боя войско Лициния, с удвоенными силами двинуться дальше на Константина.

47. 1. И вот армии сближаются, прозвучал сигнал труб, взметнулись знамена. Солдаты Лициния, устремившись в атаку, поражают противника. Те же, придя в ужас, не в состоянии ни мечей вынуть, ни копий бросить. 2. Максимин кружит по полю сражения и склоняет солдат Лициния к предательству то уговорами, то дарами. Его нигде не слышат. Напротив, атакуют, и он бежит к своим. Войско его безнаказанно изби-

---

¹ Максимин был наречен цезарем 1 мая 305 г., в день отречения Диоклетиана, следовательно, битва должна была состояться 1 мая 313 г., но, как следует из дальнейшего изложения событий, Максимин начал битву на день раньше, т. е. она произошла, согласно Лактанцию, 30 апреля 313 г.

вают, причем такое огромное число легионов и такая мощь была побеждаема малыми силами. 3. Никто не помнил ни звания, ни доблести, ни прежних подвигов; как будто они пришли на заклание, а не на сражение — так Всевышний Бог обрек их на уничтожение врагами. Распростертых на земле воинов было уже огромное множество. 4. Максимин понял, что все сложилось иначе, нежели он предполагал. Швырнув порфиру и облачившись в одеяния раба, он бежал и переправился через пролив. В то же время половина его войска была повержена, часть же или сдалась, или пустилась в бегство, ведь беглец-император лишил дезертирство и тени стыда. 5. В Майские календы, т. е. спустя ночь и день, Максимин достиг <пролива>,¹ а на следующую ночь — Никомидии, преодолев от места сражения сто шестьдесят миль. Взяв с собой детей, жену и немногих из дворцовой свиты, он устремился на Восток. 6. Впрочем, в Каппадокии,² собрав бежавших солдат и [призвав новые] войска с Востока, остановился. Лишь тогда он вновь облек себя в царственные одежды.

48. 1. Лициний же, овладев частью его войска и распределив его [по своим отрядам], спустя несколько дней после битвы перевел армию в Вифинию. Прибыв в Никомидию, он воздал благодарение Богу, с Чьей помощью одержал победу; а в Июньские иды, в свое и Константина третье консульство,³ приказал обнародовать послания [litteras], направленные наместнику [Вифинии] о восстановлении Церкви, следующего содержания:⁴

---

¹ В рукописи в данном месте небольшая лакуна. Традиционно издателями производится вставка дополнения места <ad fretum>.

² *Каппадокия* — римская провинция (с 18 г. н. э.) в Малой Азии, располагалась в междуречье Галиса и Евфрата, после реорганизации Империи по реформе Диоклетиана—Константина входила в диоцез Понтика.

³ Имеется в виду 13 июня 313 г.

⁴ О спорах вокруг так называемого Миланского эдикта см.: *Seeck O. Das sogenannte Edikt von Mailand // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 12. 1891. S. 381–386; Anastos M. V. The Edict of Milan (313). A Defence of its Traditional Authorship and Designation // Revue des Études Byzantines. Vol. 25. 1967. P. 13–41; Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard, 1982. P. 239–241.*

2. «Когда я, Константин-август, и я, Лициний-август, благополучно встретились при Медиолане и, совместно обратившись к вопросу о пользе и благополучии народа, обсуждали среди прочего то, что сочли полезным для большинства людей, решили, что прежде всего следует рассмотреть интересы тех, кто сохранял богопочитание; согласно чему мы даровали христианам и всем возможность свободно следовать той религии, какую бы кто ни пожелал, так, чтобы божественность спокойно и умиротворенно могла существовать как в небесной обители, так и у нас, и среди всех, кто под нашей властью находится. 3. Таким образом, в итоге этого благого совещания и здравого размышления мы постановили, что необходимо узаконить то, что полагали необходимым всегда, а именно, что вообще не следует никому отказывать в выборе, если кто-то предал мысли свои почитанию христианскому или религии, какую счел для себя наиболее удобоприемлемой; чтобы всевышняя божественность, святости бы чьей мы следовали по доброй воле, могла проявлять во всем свое благословение и милость. 4. А потому благочестию твоему [обращение к наместнику] следует знать, что после устранения всех без исключения распоряжений в отношении христиан, которые прежде были письменно отданы для исполнения твоего, мы постановляем, чтобы каждый из тех, кто питает стремление к исполнению религии христианской, отныне законно и открыто, без какого бы то ни было беспокойства и тревоги для себя, почитал ее. 5. Мы решили, чтоб ты знал, что тебе следует самым пристальным образом позаботиться о том, чтобы христиане не были лишены возможности почитать свою религию свободно и без каких-либо ограничений. 6. Вместе с тем, насколько ты понимаешь, нами было решено, да знает твое благочестие, и другим дать возможность так же открыто и свободно соблюдать свою религию, да успокоится от этого время наше; чтобы каждый имел добрую волю выбрать себе веру, так как мы не желаем, чтобы нами умалялось право почитать любую религию. 7. И, сверх того, мы решили постановить в отношении христиан, что если какие-либо места, на которых они прежде имели обыкновение собираться, в отношении которых также были даны распоряжения к исполнению твоему, под известным видом были захвачены и в прежние времена были кем-то куплены либо из фиска нашего, либо как-то иначе, тем же христианам без денежной выплаты и без требования какого бы

то ни было вознаграждения, основанного на обмане и двусмысленности, возвращались. 8. Также те из земель, что были подарены, следует как можно быстрее вернуть христианам; в отношении тех, кто эти земли приобрел за службу или получил в дар, если они просят о нашем благоволении, пусть обращаются к викарию, с тем чтобы им была оказана помощь милостью нашей. Все это следует передать собранию христиан через твое посредничество и без промедления. 9. И поскольку христиане не только теми местами, на которых они имели обыкновение собираться, но и другими владели, по закону собрания их, т. е. церкви — не частных лиц, но общества, — то, согласно общему закону, который мы выше изложили, ты прикажешь вернуть их без какого-либо спора и неприязни этим самым христианам, т. е. общине и каждому собранию их, соблюдая, разумеется, вышеизложенный порядок, чтобы те, кто будет возвращать землю не получая выкупа, уповали, как мы сказали, на возмещение убытков от нашей милости. 10. Во всем этом ты обязан оказать необходимое посредничество в отношении вышеуказанного собрания христиан, чтобы предписания наши исполнялись как можно быстрее, чтобы проявлялось в этом, благодаря нашей снисходительности, миролюбие народа. 11. Да пребудет, как было сказано выше, божественное благословение, испытанное во многих делах наших, подле нас, чтобы на протяжении нашего и потомков наших времени сохранялся в блаженстве народ наш. 12. А чтобы милость наша в этом нерушимом законе могла дойти до сведения всех, распорядись своим предписанием вывести всюду эти распоряжения и донести их до всеобщего сведения, чтобы закон, милостью нашей данный, не мог быть неизвестен».

13. К представленным посланиям прилагались также устные предписания о том, что места собраний должны быть восстановлены в прежнем виде. Таким образом, от ниспровержения Церкви до ее восстановления прошло десять лет и около четырех месяцев.

49. 1. Тем временем преследуемый Лицинием и его войском тиран бежал, устремившись обратно в теснины Таврских гор.¹ Возведя там

---

¹ Таврский горный массив, начинаясь на юге и юго-западе Малой Азии, продолжаясь далее на восток, разделяет Каппадокию и Киликию, а также, далее, Каппадокию и Коммагену; Таврские горы доходят до Евфрата. Речь в трактате идет о части Таврских гор в районе Киликии.

укрепления и башни, он пытался загородить дорогу; но вскоре, когда победители все разрушили, бежал оттуда в Тарс.¹ 2. Там, теснимый и с суши, и с моря, и не ожидая никакого спасения, от душевных мук и страха он обратился к смерти как средству от несчастий, ниспосланных на его голову Богом. 3. Но прежде он набил свое чрево пищей и напился допьяна, как обычно поступают те, кто считает, что делают это в последний раз, и после этого принял яд. Его действие, слабое ввиду переполненности желудка, не могло быть смертельным, однако ввергло его в ужасный недуг наподобие чумы, так что он еще долго, прежде чем испустить дух, испытывал страдания. 4. И вот яд принял в нем, наконец, бушевать; когда от действия его внутренности раздирались, Максимин испытывал нестерпимую боль, доходя до такого иступления рассудка, что в продолжение четырех дней он хватал руками землю, словно томимый голодом, и пожирал ее. 5. Наконец, после многих и ужасных мучений, во время которых он бился головой о стены, глаза его вылетели из орбит. Лишь тогда, лишившись зрения, он узрел Бога в окружении слуг, одетых в белое, Который осуждал его. 6. И тогда кричал он, как обычно поступают те, кого подвергают пыткам, утверждая, что все это совершил не он, а другие. После этого, словно сломленный пытками, он признал Христа, рыдая и моля, чтобы Он помиловал его. 7. Так, вопя, как будто бы его жгли, он испустил свой злодейский дух, приняв ужасную смерть.

50. 1. Бог сразил всех преследователей имени Своего таким образом, что не осталось ни побега, ни единого корешка их. 2. Действительно, Лициний, достигнув вершины власти, в первую очередь приказал казнить Валерию, которую намеревался убить неистовый Максимин, еще до бегства, когда чувствовал, что погибнет, а также Кандидиана, рожденного от наложницы и усыновленного Валерией. 3. Но женщина, как только узнала, что тот побежден, изменив внешность, смешалась со своей свитой, чтобы узнать судьбу Кандидиана. Тот же, явившись в Никомидию и не опасаясь ничего такого (ведь ему казалось, что он обретет почет), был убит. Услышав о его гибели, она тотчас бежала. 4. К тому же

¹ *Тарс* — город на юго-востоке Малой Азии, недалеко от побережья Средиземного моря, главный город Киликии (римская провинция со 102 г. до н. э.).

Лициний осудил на смерть и убил Севериана,¹ Северова сына, зрелого уже годами, — который к тому же преследовал бежавшего от войск Максимиана, — обвинив его в мыслях, достойных смерти: якобы тот желал после смерти Максимиана принять пурпур. 5. Все, кто прежде был расположен к Максимиану, боялись Лициния как кошмара, но только не Валерия, которая ни в чем не собиралась уступать Лицинию, по праву полного наследования Максимиану, как прежде не уступала она и Максимиану. 6. Лициний убил и восьмилетнего Максима, сына самого Максимиана, и его же семилетнюю дочь, обещанную в жены Кандидиану. Но прежде этого в Оронте² была сброшена их мать, где часто она повелевала топить целомудренных женщин. 7. Так, все нечестивцы испытали на себе по правому и справедливому суду Божию то, что сами творили.

51. 1. Валерия, скитавшаяся по разным провинциям в течение пятнадцати месяцев, облаченная в плебейское одеяние, узнанная, в конце концов, около Фессалоник,³ была схвачена вместе с матерью и предана казни. 2. Женщин вели на казнь при большом скоплении народа, сожалевшем о такой их участи. Обезглавленные тела их были брошены в море. Так целомудрие их оказалось и причиной их гибели.

52. 1. Все это достоверно, — ведь я говорю знающему, — я изложил в послании, как события и должны быть записаны, чтобы не умерла память о таких деяниях, а также чтобы, если кто захочет писать историю, не исказил истину и не обошел молчанием ни прегрешений перед Богом тех [гонителей], ни суда Божия над ними. 2. Вечному милосердию Его мы должны воздавать благодарение, что, наконец, Он взглянул на землю, что стадо Свое, отчасти обескровленное волками хищными,⁴ отчасти же — разбежавшееся, соизволил восполнить и вновь собрать, что

---

¹ Наши знания о сыне Севера Севериане ограничиваются только этим свидетельством Лактанция; ни один из историков, писавших о событиях гражданской войны в Империи в нач. IV в., ничего не сообщает о нем.

² *Оронте* — река в Восточном Средиземноморье, берет начало близ Гелиополя и впадает в Средиземное море; по протяженности самая большая река в Сирии. Современное название — Эль-Аси.

³ *Фессалоники* — город в Македонии на берегу Эгейского моря, при жизни Максимиана Галерия служил ему резиденцией. Современные Салоники.

⁴ Ср.: *Ин.* 10.12.

соблаговолил уничтожить тварей злосчастных, которые попирали пастбище стада Божия и разоряли гнезда Божии. 3. Где сейчас те знаменитые и славные имена из рода Юпитеров и Геркулесов, присвоенные нагло Диоклом и Максимианом, а затем перешедшие к наследникам их?

4. Так восславим же с ликованием триумф Божий, возвеличим хвалами победу Господа, восславим Его дневными и всенощными молитвами, восславим, чтобы Он мир, дарованный рабам Своим после десяти лет гонений, упрочил в веках. 5. Ты особенно, Донат дражайший, удостоенный быть услышанным Богом, должен молить Господа, чтобы Он, милостивый и снисходительный, милосердие Свое предвечное сохранял к рабам Своим; чтобы все козни и напасти дьявола отвратил от народа Своего; чтобы Церковь цветущую берег в вечном спокойствии.

ЭПИТОМЫ БОЖЕСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ

Пролог. 1. Хотя книги *Божественных установлений*, которые мы уже давно написали для того, чтобы пролить свет на истину и религию, могут укрепить умы читателей настолько и так вооружить их, что даже пространность их не вызывает отторжение и избыток данных в них не наводят скуку, все же ты, брат Пентадий, попросил, чтобы я составил для тебя *Эпитомы* из них, для того, думаю, чтобы я написал что-нибудь для тебя и имя твое было бы упомянуто в нашем труде.¹ 2. Я сделаю то, что ты просишь, хотя это кажется нелегким делом: собрать в одном томе то, что было изложено в семи больших книгах. 3. В самом деле, все станет менее полным, когда всю сумму вопросов мне придется поместить в узкие рамки, и менее ясным из-за краткости, особенно потому, что придется опустить многие доводы и примеры, необходимые для доказательства. Ведь их такое избыток, что они могли бы составить отдельную книгу. 4. Когда же их удалишь, что может оказаться <...>² и очевидным? Но я постараюсь, насколько это возможно, собрать то, что разлито [по тем книгам], и сократить то, что [изложено] пространно, но так, чтобы не показалось, будто в этом труде, в котором истина должна быть выведена на свет, не хватает аргументов для убедительности и четкости для понимания.

1. 1. Первым встает вопрос, существует ли какое-либо Провидение, которое сотворило мир и управляет им. Никто не сомневается, что су-

---

¹ Ср.: Цицерон. Письма. V.12.1.

² В этом месте в рукописи лакуна в одно слово.

ществует. На этот счет почти у всех философов, за исключением школы Эпикура, единое мнение и одна позиция, а именно, что мир не мог возникнуть без Бога Создателя и не может управляться без Управителя. 2. Таким образом, Эпикур опровергается не только учеными мужами, но и свидетельствами и ощущениями всякого смертного. 3. В самом деле, кто усомнится по поводу Провидения, когда увидит, что небо и земля так устроены, а вселенная так упорядочена, что они не только удивительно красивы, но и весьма служат пользе людей и удобству прочих живых существ? Итак, то, что разумно организовано, не могло возникнуть без участия разума, поэтому и очевидно, что Провидение существует.

2. 1. Возникает другой вопрос, один ли Бог или богов много? Этот вопрос содержит много двусмысленности. В самом деле, по этому вопросу друг с другом расходятся не только отдельные люди, но и целые племена и народы. 2. Но кто следует разуму, тот понимает, что и господин, и отец может быть только один. Если же Бог, Который все сотворил, является одновременно и Господином и Отцом, Он должен быть только одним, чтобы быть одновременно и Главой и Источником всех вещей. 3. Не может вселенная существовать иначе, как при подчинении всех вещей одному [началу], если не будет одного руководителя, если не будет Того, Кто один бы держал удила и один бы управлял всеми членами, подобно тому как и ум один. 4. Если бы в пчелином рое было много царей, то они погибли бы или разлетелись, пока бы *вражда меж двумя возникала царями*.¹ Если бы в стаде было множество вожаков, то они так долго бились бы друг с другом, пока не осталось бы одного. Если бы в войске было множество полководцев, то не было бы подчинения со стороны солдат, так как давались бы разные приказы, и у них самих не было бы единства, так как каждый бы по обыкновению заботился о своем. 5. Итак, если бы в этой республике мира не было единого Руководителя, Который был бы одновременно его Создателем, то либо вся эта громада разрушилась бы, либо вообще не могла бы возникнуть. 6. Кроме того, при множестве богов никто бы из них не мог обладать всей полнотой власти, поскольку каждый имел

¹ Вергилий. Георгики. IV.68.

бы свои обязанности и свои полномочия. В результате этого никто из них не мог бы именоваться всемогущим (что является подлинным званием Бога), поскольку каждый мог бы лишь то единственное, что зависит от него, того же, что зависит от других, он не дерзал бы и касаться. 7. Так, Вулкан не стал бы требовать для себя воды, а Нептун — огня, Церера — власти над искусствами, Минерва — над плодами, Меркурий не стал бы ведать войной, Марс — лирой, Юпитер — медициной, Асклепий — молнией. Он скорее был бы готов испытать удар молнии от другого,¹ чем сам бы смог метать ее. 8. Если каждый из них в отдельности не может всего, то каждый имеет меньше силы и меньше власти. Только Того же следует считать [истинным] Богом, Кто может выполнять все, а не того, кто может совершать только часть от всего.

3. 1. Значит, существует только один Бог, совершенный, вечный, неподверженный изменению и неподвластный никакому страданию, Сам всем владеющий и всем управляющий, Кого не может ни человеческий ум постичь мыслью, ни смертный язык выразить [в слове]. Ведь Он слишком величествен и могуществен, чтобы Его мог постичь человек и могла бы выразить речь. 2. Наконец (да не стану я говорить о пророках, проповедующих единственного Бога), поэты, философы и пророчицы свидетельствовали об одном Боге. 3. Орфей называет Бога первородным: Он сотворил небо и солнце с прочими звездами, Он сотворил землю и море. 4. Так же наш Марон именует Высшего Бога то душой, то духом и говорит, что Он, словно по членам разлитый, приводит в движение тело целого мира.¹ Он же утверждает, что Бог пронзает небесную высь, морские и земные дали и что от Него обрели жизнь все живые существа.² 5. Даже Овидий не отрицает, что мир сотворен Богом, Которого он называет иногда строителем вселенной, а иногда творцом мира.³

4. 1. Но обратимся к философам, чей авторитет выше, чем авторитет поэтов. Платон стоит за монархию, говоря, что существует один

---

¹ Лактанций намекает на то, что Асклепий (Эскулап) был наказан Зевсом (Юпитером) за попытку воскрешать мертвых: Зевс убил его молнией (*Аполлотор.* III.10.3–4).

² Ср.: *Вергилий.* Энеида. VI.724–727.

³ Ср.: *Вергилий.* Георгики. IV.221–224.

⁴ См.: *Овидий.* Метаморфозы. I.57, 79.

лишь Бог, создавший и по Своему изумительному замыслу упорядочивший мир. 2. Аристотель, его ученик, признает существование единого разума, правящего миром. Антисфен говорит о существовании единого Божества — природы, правящей всем миром. 3. Много времени заняло бы рассмотрение всего того, что в прошлом высказали о высшем Божестве Фалес, или Пифагор, или Анаксимен, а впоследствии стоики Клеанф, Хрисипп и Зенон, а из наших¹ — Сенека, последователь стоиков, и сам Туллий. Ведь все они пытались определить, что собой представляет Бог, и утверждали, что Он один правит миром и что Он не подчиняется природе, так как вся природа создана Им Самим.² 4. Гермес, который за добродетели и знание многих искусств был удостоен прозвища Трисмегиста [Трижды Великого], чье учение более древнее, чем учение философов, и который у египтян почитается в качестве бога, безмерно прославляя могущество одного-единственного Бога, называет Его Господом и Отцом. Он говорит, что Бог не имеет имени, ибо Он не нуждается в собственном имени, поскольку Он один, и что Он не имеет родителей, так как существует Сам по Себе. 5. Его сочинение, обращенное к сыну, начинается так: «Постичь Бога нелегко, выразить в речи — невозможно даже тому, кто может Его постичь, ибо не может совершенное быть выражено несовершенным и невидимое — видимым».

5. 1. Остается сказать о пророчицах. Варрон передает, что было десять Сивилл. Первая из Персии, вторая — Ливийская, третья — Дельфийская, четвертая — Киммерийская, пятая — Эритрейская, шестая — Самосская, седьмая — Куманская, восьмая — Геллеспонтская, девятая — Фригийская, десятая — Тибурская, чье имя Альбуenea. 2. Он говорит, что только три книги принадлежат Куманской Сивилле, в которых заключены судьбы римлян и которые считаются сокровенными. Существуют отдельные книги почти всех Сивилл, и они доступны народу, но все эти книги подписаны одним именем [Сивиллы], за исключением Эритрейской; она, как считается, жила во времена Троянской войны. Она-то и поместила свое подлинное имя в книге, книги же других Сивилл смешаны друг с другом. 3. Все эти Сивиллы, о которых я сказал, кроме

¹ Имеется в виду — из латинян.

² См.: Цицерон. О государстве. I.36.57.

Куманской, которую не позволено читать никому, кроме членов коллегии пятнадцати, свидетельствуют, что существует один Бог, Властелин, Творец, Родитель, ни от кого не рожденный, но Сам по Себе родившийся, Который был от века и Который будет в веках, и потому Он один должен почитаться, Его одного следует бояться и один Он должен прославляться всеми живущими. 4. Свидетельства их, поскольку я не могу их сократить, я опушу, но если ты хочешь их прочесть, то тебе следует обратиться непосредственно к их книгам. А мы последуем дальше.

6. 1. Итак, эти столь многие и столь важные свидетельства ясно показывают, что есть только один правитель в мире, одна власть, ни происхождение чье нельзя представить, ни силу чью нельзя выразить. 2. Стало быть, глупцы те, кто полагают, будто боги рождены от брака, в то время как сами полы и телесная связь для того смертным и даны от Бога, чтобы благодаря рождению потомства сохранялся их род. 3. А бессмертным зачем нужны пол и потомство, если им чуждо как удовольствие, так и гибель? 4. Те же, кто считаются богами, поскольку очевидно, что они были рождены подобно тому, как рождаются люди, явно были смертными [людьми]. Но они стали считаться богами, потому что, будучи великими и могущественными царями, они заслужили после смерти божественных почестей за те благодеяния, которые они оказали людям. А из-за того, что в их честь были построены храмы и установлены статуи, память о них сохранилась и упрочилась, как о бессмертных.

7. 1. Но хотя почти все народы убеждены, что те являются богами, все же деяния их, которые передают и поэты, и историки, со всей очевидностью показывают, что они были людьми. 2. Кто не знает, в какие времена жил Гераклес, если он плавал в числе аргонавтов и во время завоевания Трои убил Лаомедонта, отца Приама, за клятвопреступление? С того времени насчитывают чуть более тысячи пятисот лет. 3. Он, как передают, даже рожден был недостойно, к тому же, появившись на свет от прелюбодеяния Алкмены,¹ сам был предан порокам родителя. Он никогда не удерживал себя ни от женщин, ни от мужчин, и обошел

---

¹ Алкмена, жена тиринфского царя Амфитриона, была обманута Зевсом, который вступил с ней в связь, приняв облик Амфитриона. От этой связи родился Геракл (Геркулес).

весь круг земель, движимый не столько жаждой славы, сколько похотью, не столько ради побед над зверями, сколько ради порождения детей. 4. И хотя он был непобедим, все же был покорен Омфалой, и, отдав ей дубину и шкуру льва, облачился в женские одежды и, сидя у ног женщины, прял пряжу.¹ А позже, охваченный безумием, он убил [своих] маленьких детей и жену Мегару. 5. Наконец, облачившись в одежду, посланную ему супругой Деянирой,² и погибая от язв и страдая от невыносимой боли, он собрал для себя погребальный костер на горе Этне, на котором сжег себя заживо. Выходит так, что хотя его и можно было счесть богом за доблесть, но, исходя из этих деяний, должно признать [прежде всего] человеком.

8. 1. Тарквий передает, что Эскулап был рожден неизвестными родителями, и после того как он был выброшен ими и найден охотниками, вскормлен молоком собаки и отдан в обучение Хирону.³ 2. Он задержался в Эпидавре и, как говорит Туллий, похоронен в Киносурах,⁴ когда был поражен ударом молнии. В свою очередь, Аполлон, отец его, не счел позорным пасти чужое стадо ради того, чтобы получить жену,⁵ и когда нечаянно убил любимого мальчика,⁶ скорбь свою запечатлел на цветке.⁷ 3. Марсу, мужу особой храбрости, также не было чуждо прелюбодеяние. В самом деле, прикованный сетью [к ложу] вместе

¹ В наказание за убийство Ифита Геракл был отдан в рабство царице Лидии Омфале (*Аполлодор*. II.6.2–3).

² Деянира — дочь Ойнея и Алкмены, супруга Геракла. По совету кентавра Несса, пораженного стрелой Геракла, пропитала его кровью хитон, что якобы должно было вернуть любовь к ней Геракла, но кровь превратилась в яд, от которого Геракл погиб.

³ О воспитании Асклепия кентавром Хироном сообщает Аполлодор, который рассказывает, что Хирон обучил Асклепия искусству врачевания и охоты (*III*.10.3).

⁴ Цицерон. О природе богов. III.22.57.

⁵ Наказанный Зевсом за убийство киклопов, Аполлон был послан пасти стадо царя Адмета (*Аполлодор*. III.10.4).

⁶ Аполлон случайно убил юного Гиацинта во время метания диска (*Аполлодор*. I.3.3; III.10.3).

⁷ Овидий. Метаморфозы. X.215. Перевод наш. — В. Т.

с любовницей,¹ он стал посмешищем для других. Кастор и Поллукс украли чужих невест, что не осталось безнаказанным.² Гомер свидетельствует, причем не как [измышляющий] поэт, но достойным веры образом, что они умерли и были похоронены.³ 4. Меркурий, который родил в прелюбодеянии с Венерой Андрогина,⁴ заслужил звание бога тем, что изобрел лиру⁵ и искусство гимнастики. 5. Отец Либер, когда в качестве победителя после покорения Индии случайно прибыл на Крит, увидел на берегу Ариадну, которую обесчестил и бросил Тесей. Тогда, воспламененный любовью, он взял ее себе в жены, и венец ее, как передают поэты, поместил среди звезд. 6. Мать же богов, когда после изгнания и смерти ее мужа она пребывала во Фригии, хотя и была вдовой и преклонного возраста, полюбила прелестного юношу, а поскольку он оказался неверен ей, оскотив его, сделала его женоподобным,⁶ и поэтому теперь жрецы Галлии совершают в его честь богослужения.

9. 1. Как Церера родила Прозерпину, если не в результате разврата?⁷ Как Латона родила близнецов, если не в результате преступления?⁸ Вене-

---

¹ Лактанций имеет в виду историю Ареса и Афродиты, которые оказались прикованными сетями, когда были застигнуты на месте преступления супругом Афродиты Гефестом.

² Братья-близнецы Кастор и Полидевк (Поллукс) похитили Фебу и Гилайеру, дочерей Левкиппа. В ходе спора из-за дележа стада быков Кастор был убит Идасом. Поскольку Полидевк отказался от бессмертия, если брат его останется мертвым, Зевс сделал так, что они один день проводили среди богов, другой среди смертных (*Аполлодор*. III.11.2).

³ См.: Гомер. Илиада. III.243.

⁴ Андрогин — греческое имя Гермафродита.

⁵ Гермес (Меркурий), случайно найдя черепаху, изготовил из ее панциря лиру, которую отдал Аполлону (*Аполлодор*. III.10.2).

⁶ Лактанций намекает на историю Кибелы, которая полюбила юного Аттиса. Застигнув Аттиса с нимфой, Кибела убила нимфу, а на Аттиса насладила безумие, в котором он сам оскотил себя. См.: Овидий. Фасты. IV.223–246.

⁷ Лактанций намекает на кровосмешение, совершенное Церерой (Деметрой) со своим братом Юпитером (Зевсом), в результате которого родилась Прозерпина (Персефона).

⁸ Лактанций говорит о появлении на свет Аполлона и Артемиды, рожденных Лето (Латоной) от Зевса втайне от Геры.

ра, служащая похоти богов и людей, когда правила на Кипре, придумала ремесло проституции и научила женщин получать через это прибыль, чтобы не только одна она была порочна. 2. Неужели были непорочны те знаменитые девицы — Минерва и Диана? Как тогда появился на свет Эрихтоний? Неужели Вулкан излил семя в землю и оттуда вырос человек, словно гриб? 3. Или зачем эта Диана удалила Ипполита не то в потаенное место, не то к женщине, где он вырос один в неведомой роще, и после изменения имени звался уже Вирбием?¹ Что все это означает, если не кровосмешение, которого не посмели признать поэты?

10. 1. Царь же всех их и отец, Юпитер, в отношении которого полагают, будто он правит на небе, разве был благочестив, если он лишил власти отца своего Сатурна и его, изгнанного, преследовал с армией? Разве он был воздержан, познавший все виды сладострастия? 2. В самом деле, завладев, используя силу, Алкменой и Ледой, он через прелюбодеяние обрек их на позор. Он же, будучи пленен красотой мальчика, его, охотившегося и занимающегося мужскими делами, насильно унес для того, чтобы использовать в качестве женщины. Зачем я буду вспоминать обесчещенных им женщин, о чьем великом множестве можно судить по числу его детей? 3. В отношении одной лишь Фетиды он был воздержан, ибо было предсказано, что тот, кого она родит, станет могущественнее своего отца. Вот он и боролся с любовью, чтобы не родился кто-то сильнее его. Стало быть, знал, что сам он не обладал совершенной добродетелью и совершенными могуществом и властью, ибо боялся того, что сам совершил в отношении своего отца. 4. Почему же его называют Славным и Великим, если он осквернил себя грехами, что свойственно несправедливому и дурному [человеку], и если он боялся более сильного, что свойственно слабому и ничтожному?

11. 1. Но кто-нибудь скажет, что это выдумали поэты. Это является поэтическим вымыслом не настолько, чтобы выдуманно было всё, но в той лишь степени, что образом, как бы неким разноцветным покровом, прикрыто то, что произошло в действительности. Поэтическая вольность имеет тот предел, что измышляет не все (это свойственно лишь лжецам

¹ См.: Вергилий. Энеида. VII.774–777.

и глупцам), но изменяет только что-то, пряча смысл. 2. Говорят, что Юпитер превратился в золотой дождь, чтобы обмануть Данаю. Что за золотой дождь? Разумеется, это золотые монеты, предложив великое множество которых и осыпав ими ложе, Юпитер соблазнил слабую девичью душу подобной платой. Также говорят и о *железном дожде*,¹ когда хотят сказать о множестве стрел. 3. Он украл своего любимчика [Ганимеда], превратившись в орла. Что это за орел? Конечно же, [имеется в виду] легион, поскольку изображение этой птицы является значком легиона. Он похитил Европу, обратившись в быка. Что это за бык? Безусловно, это корабль, у которого оплот выполнен в виде [головы] быка. 4. Так и дочь Инаха не переплывала море, будучи превращенной в телку, но бежала от гнева Юноны на корабле, который имел форму быка. Наконец, когда она была перевезена в Египет, она стала Исидой, чье плавание отмечается в определенный день в память о том бегстве.

12. 1. Итак, видишь, поэты не все выдумали, но кое-что выразили образно, в результате чего, хотя они и говорили правду, все же добавили к [характеристике] тех, кого они называли богами, что-то и от царского величия. 2. Ведь когда они говорят, что Юпитер получил власть над небом, они намекают либо на гору Олимп, на которой, как показывают древние истории, жил Сатурн, а потом Юпитер, либо на восточные области, которые были как бы выше, поскольку там рождается свет. Запад же — как бы ниже [*inferior*], и потому говорят, что Плутону досталась преисподняя [*inferos*]. Море же, говорят, отошло к Нептуну; потому так говорят, что он охранял морские побережья со всеми островами. 3. Поэты многое приукрасили, в результате чего те, кто не учитывают сказанного нами, называют их лжецами, при этом только на словах, в действительности же верят им. И в самом деле, они ваяют образы богов так, что, создавая их мужчинами и женщинами и показывая одних супругами, других — родителями, третьих — детьми, они тем самым соглашаются с поэтами. Ведь всего этого не может быть без соития и деторождения.

13. 1. Но, ладно, оставим поэтов. Обратимся к истории, которая одновременно опирается на достоверность событий и на древность времен.

¹ Вергилий. Энеида. XII.284.

2. Евгемер Мессенский¹ был древнейшим писателем, который по священным надписям в древних храмах определил происхождение Юпитера, узнал о его подвигах и его потомстве. Он также изучил родителей других богов, место их рождения, деяния, пределы власти, смерть, могилы. 3. Эту *Историю* на латинский язык перевел Энний,² чьи слова таковы: «Здесь, следуя надписям, дается происхождение и род Юпитера и его братьев; именно так передают нам священные надписи». 4. И вот этот Евгемер передает: «Юпитер, когда пять раз обошел круг земель и разделил власть между своими друзьями и родственниками, когда он дал законы людям и совершил множество других благодеяний, когда он стяжал бессмертную славу и вечную память, закончил жизнь свою на Крите и удалился к богам, а могила его находится на Крите, в городе Кносе. На ней написано древними греческими буквами ΖΑΝ ΚΡΟΝΟΥ, т. е. Юпитер, [сын] Сатурна». 5. Итак, из того, что я процитировал, следует, что он был человеком и правил [лишь] на земле.

14. 1. Перейдем к сказанному выше, чтобы выявить начало всего этого заблуждения. Говорят, что Сатурн рожден Небом и Землей. 2. Это не заслуживает никакого доверия. Но почему так говорят, ясно. Кто этого не понимает, тот отвергает весь рассказ словно басню. Отец Сатурна именовался Ураном, о чем сообщают и Гермес, и *Священная история*. 3. Трисмегист, когда говорил, что существовало весьма немного действительно ученых мужей, в их числе называл своих родных — Урана, Сатурна и Меркурия. 4. Евгемер в следующих словах упоминал, что тот же самый Уран был первым, кто царствовал на земле: «Изначально первым высшей властью на земле обладал Небо [Caelus], он установил и приобрел эту власть вместе со своими братьями».

<далее в рукописи большая лакуна>.

5. ...Так что они были признаны богами благодаря глупому благоговению и заблуждению людей.

¹ *Евгемер* — греческий философ IV века до н. э., за рационалистическое толкование мифов прозванный Безбожником.

² *Энний* — римский писатель (239–169 гг. до н. э.), автор эпической истории римлян, сатир и драм. Цицерон называет его первым переводчиком и последователем Евгемера (*Цицерон. О природе богов. I.42.119*).

15 [20]. 1. Я сказал вообще о религиях, присущих всем народам. Теперь же скажу о собственных богах римлян. 2. Кто не знает, что жена Фаустула [Ларенция], кормилица Ромула и Рема,¹ в честь которой были названы Ларенциналии,² была блудницей? И потому она называлась Волчицей [Lupa] и изображалась в виде зверя. 3. Фаула и Флора также были блудницами, одна из которых, как передает Веррий,³ была любовницей Геркулеса, другая же, нажив своим телом великие богатства, назначила своим наследником народ, и потому в ее честь проводятся игры Флоралии.⁴ 4. Таций⁵ освятил найденную в большой сточной канаве [cloaca] женскую статую и назвал ее богиней Очистительницей [deam Cloacinam]. 5. Осажденные галлами, римляне изготовили из волос женщин канаты и потому установили алтарь и храм Венере Лысой.⁶ Также и Юпитеру Пекарю за то, что он увещевал их во сне, чтобы из всей муки они испекли хлеб и перебросили его в лагерь врагов, в результате чего галлы, отчаявшись изморить римлян голодом, сняли осаду.⁷ 6. Тулл Гостилий сделал богами Страх [Pavorem] и Смятение [Pallorem].⁸ Почитался ими также Ум [Mens], которым если бы они обладали, то никогда, я думаю, не сочли бы необходимым почитать его. Марцелл ввел также [почитание] Чести [Honoris] и Доблести [Virtutis].⁹

16 [21]. 1. Но сенат установил также почитание других ложных богов подобного рода — Надежды, Веры, Согласия, Мира, Целомудрия и

¹ См.: *Тит Ливий*. История от основания Города. I.4.6–7.

² Ларенталии или, как пишет Лактанций, Ларенциналии проводились в Риме ежегодно 23 декабря.

³ *Веррий Флакк* — римский грамматик времен Октавиана Августа и Тиберия; среди написанных им произведений было также сочинение о римских праздниках, которое в данном случае и использует Лактанций.

⁴ Празднества в честь Флоры проводились весной, во время «пробуждения» природы, с 28 апреля по 3 мая.

⁵ Скорее всего, речь идет о царе сабинян Тите Тации, современнике Ромула. Однако источник Лактанция в данном случае остается неизвестным.

⁶ Ср.: *Лактанций*. Божественные установления. I.20.27.

⁷ Ср.: Там же. I.20.33.

⁸ См.: *Тит Ливий*. История от основания Города. I.27.7.

⁹ См.: *Цицерон*. О природе богов. II.23.61.

Благочестия. Все они, в то время как должны были в действительности пребывать в душах людей, ложно были помещены внутри стен. 2. И хотя они вне человека вовсе не существуют, все же я скорее предпочел бы почитать их, нежели Ржу [Rubiginem] и Лихорадку [Febrem], которых следует не боготворить, а избегать, нежели богиню Форнакс¹ с ее священными Форнакалиями, нежели бога Стеркулия,² который первым ввел способ удобрять землю навозом, нежели богиню Муту,³ которая родила ларов, нежели Кунину,⁴ которая оберегает младенцев в колыбельях, нежели Каку,⁵ которая сообщила Геркулесу о краже его быков, чтобы тот убил ее брата. 3. Сколь много других вымыслов и смешных фантазий, о которых и говорить-то стыдно! Однако я не хотел бы обходить молчанием Термина, так как говорят, что он не уступил даже Юпитеру Капитолийскому, хотя и был бесформенным камнем.⁶ 4. Полагают, что он охраняет рубежи, и народ молит его, чтобы *неколебимая скала Капитолия*⁷ хранила и расширяла границы Римской империи.

17 [22]. 1. Первым, кто ввел все это безумие в Лации, был Фавн, который учредил кровавые жертвы своему деду Сатурну и хотел, чтобы его отец Пик почитался в качестве бога, а также поместил Фатую

¹ *Форнакс* (Fornax, букв.: Печь) — богиня очагов и печей. См.: *Овидий*. *Фасты*. II.525—532. Праздник в честь этой богини был введен в Риме Нумой Помпилием и проводился в феврале.

² Лактанций в очередной раз намекает на происхождение имени бога. *Sterculinium* букв.: навозная куча, свалка нечистот.

³ *Мута* (Muta, букв.: Немая) — нимфа, которую Юпитер за болтливость поразил немотой. См.: *Овидий*. *Фасты*. II.583—616.

⁴ Лактанций намекает, что имя этой богини происходит от латинского *cupa* (колыбель, люлька).

⁵ Бог Как (Cacus) похитил часть стада у Геркулеса; вернуть их помогла сестра похитителя, Кака (Caca), за что ей было посвящено святилище, где горел неугасимый огонь.

⁶ Ср.: «...когда Тарквиний захотел соорудить Капитолий, он, поскольку на том месте, [где он задумал воздвигнуть храм Юпитеру], находились святилища многих богов, спросил их через авгуров, уступят ли они [место] Юпитеру; когда же все уступили, остался только Термин» (*Лактанций*. Божественные установления. I.20.38).

⁷ *Вергилий*. *Энеида*. IX.448.

Фавну, сестру и супругу свою, среди богов и назвал Доброй богиней. 2. Затем в Риме Нума, который отяготил тех невежественных и грубых мужей новыми суевериями, учредил понтификов, разделил богов по семьям и родам, чтобы отвлечь души необузданного народа от военных занятий.¹ 3. По этой причине Луцилий, высмеивая глупость тех, кто служат пустым суевериям, написал такие стихи:

*Ламий ужасных, каких Помпилии Нумы и Фавны
Установили на страх, трепещет он, как всемогущих.
Точно ребята, что все живыми считают статуи
Медные, словно людей, — так эти во бред сновидений
Верят и сердцем живым наделяют идолов медных.
Все это — выдумки, вздор, галерея картинная только.²*

4. Туллий также сетует в сочинении *О природе богов*, что были введены вымышленные и ложные боги, и отсюда возникли ложные мнения, вносящие путаницу заблуждения и почти бабьи суеверия.³ Это высказывание должно быть принято во внимание тем более, что его высказал философ, который был в то же время понтификом.

18 [23]. 1. Мы сказали о богах, теперь скажем о священном культе и обрядах. Юпитеру Кипрскому по установлению Тевкра⁴ обычно приносят человеческие жертвы. 2. Как тавры приносили Диане в жертву чужеземцев, так и Юпитера Латинского задабривали человеческой кровью. 3. Также еще раньше для Сатурна, как это следует из ответа Аполлона, сбрасывали с моста в Тибр людей, достигших шестидесяти лет. И карфагеняне тому же Сатурну приносили в жертву не только младенцев, но и, побежденные сицилийцами, чтобы умиловить [бога], принесли в жертву двести сыновей знатных граждан.⁵ 4. Не человечнее перечисленных и обряды, которые совершают и сейчас в честь Великой

¹ См.: *Флор.* Эпитама. I.2.1–4.

² *Луцилий.* Сатиры. XV. Фрагм. 1.

³ *Цицерон.* О природе богов. II.28.70.

⁴ *Тевкр* — участник Троянской войны, легендарный основатель г. Саламина на Кипре.

⁵ В *Божественных установлениях* Лактанций, приводя рассказ о карфагенянах, ссылается на сообщения Песценния Феста (I.21.13).

Матери и Беллоны, в ходе которых жрецы приносят в жертву не чужую, а свою собственную кровь. Лишив себя гениталий, они перестают быть мужчинами, но не превращаются и в женщин, или же, надрезав предплечья, они собственной кровью окропляют отвратительные алтари.

5. Но это жестокие обряды. Перейдем к более умеренным. Священнодействия в честь Исиды не выражают ничего иного, как [сначала] потерю ею и обретение [затем] маленького сына, который носил имя Осирис. 6. В самом деле, вначале жрецы и их помощники, обнажив тело, ударяя себя в грудь, скорбят, рыдают, ищут, воспроизводя страдания матери. Потом кинокефал¹ находит мальчика. Таким образом, скорбные священнодействия завершаются радостью. 7. Священнодействия в честь Цереры мало отличаются от них; в ходе их при зажженных факелах всю ночь ищут Прозерпину, и когда находят ее, весь ритуал заканчивается изъяслением радости и бросанием факелов. 8. Жители Лампсака закалывают в честь Приапа осла. Эта жертва кажется подобающей тому, кому она приносится, ибо осел может быть сравним с Приапом величиной мужского срама.² 9. Линд является городом на Родосе, где в честь Геркулеса совершаются обряды посредством брани. Поскольку, когда Геркулес отнял у пахаря быков и убил их, тот ответил на причиненную несправедливость бранью. Когда же впоследствии Геркулес сделал этого пахаря своим жрецом, то повелел, чтобы и сам он, а потом и другие жрецы сопровождали обряды, [проводимые в честь его], такой же бранью.³ 10. Священнодействия в честь Юпитера Критского показывают, каким образом он младенцем был унесен от отца и воспитан. При этом присутствует коза, ибо козьим молоком Амалфея вскормила мальчика Юпитера. 11. То же самое изображают священнодействия в честь Матери богов. Ведь поскольку корибанты ударами о шлемы и бряцаньем щитов заглушали крики мальчика Юпитера, образ этих событий повторяется теперь в священнодействиях.⁴ Но вместо шлемов используют

¹ *Кинокефал* — собакоголовое существо. По всей видимости, во время этого религиозного обряда в нужный момент появлялось божество с собачьей головой, которое выводило Осириса из царства мертвых.

² Рассказ о Приапе и осле см.: *Овидий*. Фасты. I.391–440.

³ Ср.: *Лактанций*. Божественные установления. I.21.31–36.

⁴ См.: *Овидий*. Фасты. IV.207–214.

кимвалы, а вместо щитов — тимпаны, чтобы [в их шуме] Сатурн не услышал плачущего младенца.

19 [24]. 1. Это что касается священнодействий в честь богов. Теперь же изучим происхождение религий, чтобы открыть, кем и в какие времена они были установлены. 2. Дидим¹ в тех книгах, которые называются *Разъяснения Пиндара*, сообщил, что Мелиссей был тем царем критян, чьими дочерьми являлись Амалфея и Мелисса, вскормившие Юпитера козьим молоком и медом, 3. что он ввел новые обряды и пышность священнодействий и первым принес жертвы богам, а именно Весте, как именовалась Земля (отчего поэт и говорит, [что Эней призвал] «первую между бессмертных — Землю»²), а впоследствии и Матери богов. 4. Евгемер же в *Священной истории* говорит, что сам Юпитер, после того как получил власть, установил во многих местах храмы в свою честь. В самом деле, обходя круг земель, он, чтобы его почитали в каждом месте, соединял себя с правителями народов узами дружбы и гостеприимства. Чтобы память об этом сохранялась, он повелел, чтобы союзники его строили в его честь святилища и отмечали ежегодные праздники. Таким образом он и распространил по всем землям культ своего имени.

5. Определить, когда же те правители жили, не составляет большого труда. Ведь Талл написал в своей *Истории*, что Бел, царь ассирийцев, которого почитают вавилоняне и которому Сатурн был современником и другом, жил за 322 года до Троянской войны, а прошло от падения Трои 1470 лет. 6. Отсюда становится ясным, что прошло не больше, чем 1800 лет от того момента, когда в результате установления новых культов богов человеческий род впал в заблуждение.

20 [25]. 1. Итак, справедливо поэты говорят, будто ушел «золотой век», существовавший в правление Сатурна. Ведь тогда не поклонялись никаким богам, но знали одного только Бога. 2. После же того, как люди подчинили себя земным и тленным богам, поклоняясь дереву,

¹ Дидим — греческий грамматик из Александрии второй половины I в. до н. э., автор большого количества комментариев на книги греческих писателей, в том числе и поэта Пиндара (ок. 522–446 гг. до н. э.). Большинство комментариев Дидима, в том числе и на Пиндара, до нас не дошло.

² Вергилий. Энеида. VII.136–137.

меди или камню, произошла смена веков вплоть до «железного». 3. Ибо, когда исчезло знание [истинного] Бога и когда оборвалась единственная связующая нить человеческой общности, люди стали грабить друг друга, разбойничать и убивать. 4. Но если бы они подняли глаза вверх и увидели Бога, Который выпрямил их для созерцания неба и Самого Себя, они никогда бы не превратили себя в рабов и невольников почитания земных вещей. Глупость этих людей серьезно порицает Лукреций, говоря:

*Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляя к земле поникать головой.¹*

5. Они не понимают, насколько глупо бояться того, что ты создал сам, или ждать какой-то помощи от тех, которые немы и бесчувственны, не видят и не слышат молящегося. 6. Какое же могущество или влияние могут иметь те, в отношении кого человек решал, изготовить ли их, или сделать [из подходящего материала] что-то другое, и те, кто до сих пор пребывают во власти человека? 7. В самом деле, они могли бы быть испорчены или украдены, если бы их не охранял закон и человеческая защита. Неужели же может показаться, что обладает умом тот, кто закалывает тучные жертвы для таких богов, приносит им подарки, предлагает дорогие одежды, словно ими могут пользоваться те, кто недвижимы? 8. Справедливо, стало быть, Дионисий, сицилийский тиран, ограбил и высмеял богов Греции, когда захватил ее как победитель.² После же святотатства, которое совершил, он благополучно вернулся на Сицилию и сохранял царскую власть вплоть до старости, и оскверненные им боги не могли его наказать. 9. Насколько будет лучше, если, отвергнув пустых богов, ты обратишь себя к Богу, подтвердишь то положение, которое получил от Бога, подтвердишь свое имя! Ведь [человек по-гречески] именуется *ἄνθρωπος*,³ поскольку смотрит вверх. 10. А вверх смотрит тот, кто чтит живого и истинного Бога, пребывающего на небе, кто ищет Создателя и Родителя души своей не

¹ Лукреций. О природе вещей. VI.52–53.

² Дионисий Старший — тиран Сиракуз (ок. 430–367 гг. до н. э.). Историю святотатств Дионисия приводит Цицерон (*О природе богов*. III.34.83–84).

³ *Антропос*, т. е. обращенный вверх, смотрящий вверх.

только чувством и умом, но и ликом, и обращенными вверх очами. 11. Кто же подчиняет себя земным и низменным вещам, тот предпочитает для себя то, что внизу. Ведь поскольку человек является творением Бога, а статуя — творением человека, то не может быть отдано предпочтение человеческому творению перед божественным. И как Бог является Родителем человека, так и человек — родителем статуи. Стало быть, глупец и безумец тот, кто молит творение рук своих.

12. Автором этого отвратительного и никчемного искусства был Прометей, рожденный Иапетом, дядей Юпитера. Ведь когда Юпитер, обрета высшую власть, захотел, чтобы его воспринимали как бога и воздвигали ему храмы, и искал кого-нибудь, кто бы мог создавать человеческую фигуру, появился Прометей, который вылепил из тучной глины изображение человека с таким правдоподобием, что новизна и изящество его ремесла вызвали удивление. 13. И вот его современники, а затем и поэты говорили о нем как о создателе настоящего живого человека; так и мы, всякий раз, когда восхищаемся искусно выполненными образами, говорим, что они [словно] полны жизни и чувств. В действительности же он был создателем глиняных статуй. 14. А вот последователи его и потомки стали высекать [скульптуры] из мрамора, отливать из меди; затем с течением времени стали украшать их золотом и слоновой костью, чтобы глаза ослепляла не только их похожесть на людей, но и сам блеск. 15. И вот прельщенные красотой и забывшие истинное величие [люди], наделенные чувством, стали почитать бесчувственные [статуи], наделенные разумом — стали поклоняться лишним разуму, живые стали молить неживых.

21 [26]. 1. Теперь изобличим тех, кто в качестве богов принимают элементы мира, а именно небо, солнце и луну. Поскольку люди не знали Творца их, то стали удивляться и почитать собственно творения. 2. Этого заблуждения придерживаются не только невежественные люди, но и философы. Так, стойки считают, что все небесные тела должны быть включены в число богов, ибо они обладают точным и разумным ходом, благодаря которому соблюдается последовательное чередование времен.¹ 3. Но это говорит не о том, что они обладают самопроизвольным

---

¹ См.: Цицерон. О природе богов. II.21.54.

движением, а о том, что они подчиняются назначенным законам, [пови-
нуются] не собственному разумению, а замыслу высшего Творца, Кото-
рый их организовал так, чтобы они соблюдали безошибочный ход и обо-
роты, благодаря которым сменялись бы день и ночь, зима и лето. 4. Но
если люди восхищаются их влиянием, их движением, яркостью, постоян-
ством и красотой, то они должны понять, насколько более красив,
насколько более ярок, более могуществен Сам их Создатель и Органи-
затор — Бог. 5. Но эти люди оценили божественность человеческим
взглядом, не зная, что не может быть вечным то, что пребывает в преде-
лах взора, и нельзя различить смертными очами то, что вечно.

22 [27]. 1. Остается еще одно и последнее. Поскольку часто случает-
ся так (о чем мы читаем в историях), что боги могущество свое являют
через предзнаменования, через сновидения и посредством оракулов,
а также через наказания тех, кто совершает святотатства, то я должен
показать, какова причина этого, чтобы никто ныне не попадал в те же
самые ловушки, в которые попадали древние.

2. После того как Бог сообразно Своей добродетели и Своему могу-
ществу создал из ничего мир и украсил небеса звездами, а землю и
море наполнил живыми существами, Он из глины сотворил по образу
и подобию Своему человека и вдохнул в него жизнь. Он поместил его в
райский сад [in Paradiso], который Он засадил всякого рода плодовыми
деревьями. И повелел человеку, чтобы тот не вкушал от одного из де-
ревьев, на котором Он поместил для него [in qua posuerat ei] знание
добра и зла, предупредив, что тот погубит жизнь, если сделает это, если
же будет соблюдать приказание, то сохранит бессмертие. 3. Тогда змей,
который был одним из прислужников Бога, из зависти к человеку, ибо
тот был сотворен бессмертным, хитростью соблазнил его нарушить
приказание и закон Бога. Таким образом, человек хотя и обрел зна-
ние добра и зла, но утратил вечность жизни, предоставленную Богом.
4. И вот Бог изгнал согрешившего человека из святого места и отпра-
вил его на эту землю, чтобы тот искал себе пропитание трудом своим,
чтобы сносил заслуженные тяготы и нужду. Он окружил райский сад
огненным валом, чтобы никто из людей не попытался проникнуть в
это место вечного блаженства вплоть до судного дня. 5. Тогда, согласно
решению Бога, человека стала преследовать смерть. И все же жизнь

человека, хотя и оказалась ограничена временем, длилась тысячу лет; такая продолжительность человеческой жизни была вплоть до времени потопа. В самом деле, после потопа жизнь мало-помалу стала сокращаться и дошла до ста двадцати лет. 6. Змей же тот, который по поступкам своим получил имя диавола, т. е. клеветника или доносчика, не перестал преследовать потомство человека, которого обманул в начале. 7. Позже он, движимый завистью, побудил того [человека], который был первым рожден на этой земле, [Каина], к убийству брата [Авеля], чтобы из двух людей, рожденных первыми, одного уничтожить, а другого сделать братоубийцей. 8. Но и после этого он не успокоился и, стремясь, чтобы зараза преступления пропитала каждое поколение людей, стал развращать и растлевать людей. Одним словом, он начал сеять такие преступления, что справедливость стала уже редкой, и люди жили, словно звери. 9. Но когда Бог увидел это, Он послал ангелов своих, чтобы те облагородили жизнь людей и оберегали их от всякого зла. Он дал им приказание удерживать себя от земного, чтобы те не осквернили себя и не утратили славы ангелов. 10. Но коварный клеветник, пока ангелы пребывали среди людей, склонил также и их к удовольствиям, чтобы те осквернили себя с [земными] женщинами. Тогда, осужденные Богом и отвергнутые за грехи, они утратили и имя, и сущность ангелов. 11. В результате, став пособниками диавола, они, чтобы получить утешение за свое падение, обратили себя на порчу людей, на защиту которых были отправлены.

23 [28]. 1. Это те демоны, о которых поэты часто говорят в своих песнях, кого Гесиод называет хранителями людей.¹ Ибо своими соблазнами и обманами они побудили людей считать их богами. 2. Сократ говорил, что с раннего детства рядом с ним постоянно пребывал демон, защитник и руководитель его жизни, без чьего суждения и повеления он не мог совершать никакого поступка.² 3. И вот они сопутствуют каждому человеку и под именем пенатов или гениев захватывают дома. Им строят святилища, ежедневно приносят им жертвы, как духам-хранителям, им оказывают почет, словно отводящим беду. 4. Они

¹ См.: Гесиод. Труды и дни. 122–123.

² Платон. Пир. 202е. Ср.: Минуций Феликс. Октавий. 26.9, 12.

с самого начала ввели новые религии и культы, чтобы отвратить людей от познания истинного Бога; они научили сохранять память об умерших царях, строить им храмы, создавать статуи не [только] для того, чтобы умалить славу Божию или увеличить собственную, которую они утратили в результате прегрешения, но и для того, чтобы отнять у людей жизнь, украсть надежду истинного света, чтобы люди не обрели небесную награду бессмертия, которой они лишились. 5. Эти же [демоны] ввели астрологию, предсказание по полету птиц и внутренностям животных. Хотя все эти [ремесла] сами по себе ложны, все же эти авторы зла так управляют ими, так их используют, что те кажутся правдивыми. 6. Они изобрели также обманы магического искусства, чтобы вводить в заблуждение [человеческий] взор. В результате этого обмана случается так, что кажется, будто нет того, что на самом деле есть, и есть то, чего нет. 7. Они ввели некромантию, прорицания оракулов, чтобы во время дивинаций вводить в заблуждение умы людей, пользуясь двусмысленностью ответов. Они пребывают в храмах и при всех жертвоприношениях и, производя к удивлению присутствующих некие лукавые чудеса, настолько вводят людей в заблуждение, что те верят, будто в статуях и образах присутствует божественная воля. 8. Они проникают даже в тела, подобно тонкому духу, и в зараженных членах возбуждают болезни, а потом удаляются из них, будучи задобрены жертвами и мольбами. Они посылают сновидения или полные страха, чтобы люди призывали их [на помощь], или те, которые потом сбываются, чтобы заслужить к себе уважение. 9. Иногда они чинят месть святотатцам, чтобы всякий, кто это увидит, стал более робок и более суеверен. Так своими обманами они напускают на человеческий род тьму, чтобы, в то время как истина будет сокрыта, имя Высшего и единственного Бога пришло в забвение.

24 [29]. 1. Но кто-нибудь спросит: «Для чего же тот истинный Бог попускает это? Не лучше ли было изгнать или уничтожить злых? Зачем Он изначально позволил существовать демониарху, который все портит и разрушает?» 2. Я кратко отвечаю, почему Бог захотел, чтобы было так.

Я спрашиваю, благом ли является добродетель или злом? Нельзя отрицать, что она благо. Если же добродетель является благом, то порок,

напротив, является злом. 3. Если порок потому является злом, что разрушает добродетель, и добродетель является благом потому, что сокрушает пороки, то, значит, добродетель не может существовать без порока, и если ты убережешь пороки, исчезнет и ценность добродетели. Ибо не может быть никакой победы без врага. Выходит так, что не могло бы быть добра без зла. 4. Это, рассуждая о Провидении, признает Хрисипп, муж острого ума; он опровергает мнения тех, кто считает, будто добро создано Богом, и отрицают это в отношении зла. 5. Его мысль объяснил Авл Геллий в книгах *Аттические ночи*, сказав таким образом: «Те, кому не кажется, что мир создан ради Бога и людей и что человеческими делами не управляет Провидение, думают, что используют серьезный довод, когда говорят такое: если бы было Провидение, то не было бы никакого зла. Ведь нет ничего менее подобающего Провидению, говорят они, чем сохранять в этом мире, который, как говорят, Бог создал ради людей, такую власть зла и горестей».¹ 6. На это Хрисипп в четвертой книге *О Провидении* сказал так: «Нет никого глупее тех, кто полагают, будто могло бы существовать добро, если бы не было при этом зла. 7. Ведь если доброе противоположно злему, то необходимо, чтобы существовало и то и другое, и зиждилось как бы на взаимном противоборстве. Стало быть, нет никакой противоположности без другой противоположности. 8. Ибо каким образом можно было бы почувствовать справедливость, если бы не было несправедливости, или чем иным является справедливость, если не устранением несправедливости? Также нельзя понять, что такое смелость, иначе как из противоположной ей трусости, и понять, что такое самообладание, иначе как из неводержанности. А каким образом можно было бы говорить о знании, если бы не было противоположного ему незнания? 9. Почему же, — говорит он, — эти глупцы не требуют того, чтобы существовала правда и не существовало бы лжи? Ведь точно так же существуют добро и зло, благополучие и неприятности, удовольствие и боль. Одно ведь из другого; как говорил Платон,² они соединены друг с другом противоположными полюсами, и если ты убережешь одно, то устранишь

---

¹ См.: *Gell. Att. VII.1.*

² Ср.: *Платон. Федон. 60b.*

одновременно и другое». 10. Ну что, видишь, добро и зло, как часто я об этом говорил,¹ связаны друг с другом так, что одно без другого существовать не может. 11. Поэтому Бог с высшей рассудительностью поместил материю добродетели во зло. Это Он сделал для того, чтобы создать для нас состязание, победителей в котором Он увенчает наградой бессмертия.

25 [30]. 1. Я [отчетливо] показал, как мне представляется, что культы богов не только нечестивы, но и тщетны: либо потому, что сами боги были людьми, память о которых была сохранена после их смерти, либо потому, что статуи бесчувственны и невосприимчивы, так как созданы из земли, и человеку, который должен обращаться к небесному, не следует подчинять себя земным вещам, потому что духи, которые требуют для себя религиозного почитания, преступны и нечисты и оттого, осужденные решением Бога, пали на землю, и потому недопустимо подчиняться тем, кого ты превосходишь, если желаешь следовать истинному Богу.

2. Поскольку мы сказали о ложной религии, необходимо поговорить также о ложной мудрости, которую преподают философы — люди, одаренные высшей ученостью и красноречием, но весьма далекие от истины, так как не ведают ни Бога, ни мудрости Божией. 3. И пусть они рассудительны и велеречивы, но, поскольку мудрость их является человеческой, я не боюсь поспорить с ними; и пусть станет очевидным, что истина без труда может одолеть ложь, а небесное — земное. 4. Они таким образом определяют существо философии: «Философия — это любовь к мудрости или ее постижение». Стало быть, это не собственно мудрость, ибо тот, кто любит, с необходимостью должен отличаться от объекта любви. Если философия является постижением мудрости, то философия также не является мудростью. Ведь мудрость является тем предметом, который разыскивается, а рвение [к мудрости] — способом ее отыскать. 5. Следовательно, само определение или значение слова со всей очевидностью показывает, что философия не является собственно мудростью. Добавлю, что она не является даже постижением мудрости, ибо в ней нет мудрости. Ведь тот, кто, как считается,

¹ См., напр.: *Лактанций. О гневе Божиим*. 13.13–19.

что-то ищет, конечно же, еще не обладает этим. Кто учится медицине, грамматике, ораторскому искусству, тот может именоваться лишь усердствующим в том искусстве, которое он изучает. 6. А вот когда он изучит то или иное искусство, тогда только получит имя медика, грамматика или оратора. Также следовало бы и людей, постигающих мудрость, называть мудрецами только после того, как они узнают ее. 7. С другой стороны, поскольку они на протяжении всей жизни называют себя ревнителями мудрости, то, очевидно, их ремесло не является рвением, ибо оно не в состоянии достичь того предмета, к которому обращено. Разве только те, кто до конца жизни стараются найти мудрость, надеются обрести ее в преисподней? Всякое рвение должно иметь конечный результат. Их же рвение, в таком случае, не является верным, ибо не имеет конца.

26 [31]. 1. Кроме того, есть два предмета, на которых зиждется философия: знание и предположение. Если убрать их, то рухнет и вся философия. Но лучшие из философов отняли у философии как ту, так и другую части. 2. Сократ отверг знание, Зенон — предположение. Посмотрим, правильно ли это. Мудрость, как определяет ее Цицерон, является знанием божественных и человеческих дел.¹ Если это определение верно, то мудрость не имеет отношения к человеку. 3. В самом деле, кто из смертных может позволить себе заявить, что он знает и божественное, и человеческое? Я не буду говорить о человеческих делах, которые, хотя и связаны с божественными, все же, поскольку относятся к человеку, могут быть постигнуты человеком. 4. Но божественные дела не может знать ни один человек, именно потому что он — человек. Кто же знает их, тот необходимо должен обладать божественностью, а потому — быть Богом. Но человек не обладает божественностью и не является Богом. Следовательно, человек не может знать божественных дел. Значит, никто не является мудрым, кроме Бога, или, разумеется, кроме человека, которого наставил [в истине Сам] Бог. 5. Те же философы, поскольку они не являются богами и не были просвещены Богом, не могут быть мудрыми, т. е. они не могут обладать знанием божественных и человеческих дел. Стало быть, Сократ и

¹ Цицерон. Об обязанностях. II.2.5.

академики правильно отвергали знание. 6. Что же касается предположения, то оно не подобает мудрецу. Ведь всякий, кто о чем-то догадывается, не знает предмета наверняка. Предполагать же, что ты знаешь то, чего не знаешь, — это безрассудство и глупость. Правильно, стало быть, Зенон отверг и предположение. Если же человеку не принадлежит никакого знания и у него не должно быть [даже и] предположения, то от философии вообще ничего не остается.

27 [32]. 1. К этому следует добавить тот факт, что философия не однородна, но разделена на школы и, будучи разорванной на многочисленные и противоречивые позиции, лишена определенности. Поскольку же каждая [школа] в отдельности выступает и ведет борьбу против всех остальных и поскольку нет ни одной из них, которая не была бы обвинена прочими в глупости, то все тело философии (коль скоро члены его лишены согласия) пришло к разрушению. 2. Вследствие этого со временем появилась Академия. Ведь когда руководители этой школы увидели, что вся философия разрушена воюющими друг с другом философами, они начали войну против всех, опровергая все [положения] всех [школ], ничего сами не защищая, кроме того лишь, что ничего нельзя знать наверняка. 3. Таким образом, отвергая знание, они низвергли древнюю философию. Утверждая незнание, они перестали даже подпадать под имя философов, ибо ничего не знать — не свойственно не то чтобы философу, но даже простому человеку. 4. Итак, философы, поскольку лишены всякого основания, взаимными ударами поражают друг друга, и вся философия своим же собственным оружием уничтожается и упраздняется. 5. Но ведь, говорят они, прочности лишена только физика. Что же сказать нам в таком случае о моральной философии? Имеет ли она какую-либо прочную основу? Посмотрим, единодушны ли философы хотя бы в тех вопросах, которые касаются жизненных позиций.

28 [33]. 1. Необходимо определить, что является в жизни высшим благом, чтобы посвятить этому всю жизнь и направлять к этому все наши поступки. В момент поиска высшего блага человека следует исходить из того, что, во-первых, оно должно быть присуще только человеку, во-вторых — относиться к душе, в-третьих — достигаться через добродетель. 2. Давайте посмотрим, таково ли высшее благо, которое обнару-

живали философы, чтобы оно не было присуще ни одному бессловесному животному, чтобы не относилось к телу и чтобы не могло быть достигнуто иначе, как посредством добродетели. 3. Аристипп, основатель школы киренаиков, который думал, что высшее благо состоит в наслаждении тела, должен быть исключен из числа философов и даже сообщества людей, так как приравнял себя к скоту. 4. Высшее благо у Иеронима — в отсутствии страдания, у Диодора — в избавлении от страданий. Но ведь и прочие животные избегают страданий и радуются, когда не страдают или прекращают страдать. Что же здесь исключительного для человека, если это [якобы его] высшее благо общее с обычными животными?

5. Зенон полагал, что высшее благо — жить в согласии с природой. Но и это определение подходит под благо всех. Ибо все животные живут сообразно природе, и у каждого своя природа. 6. Эпикур признавал, что высшее благо состоит в наслаждении души [*voluptas animi*]. Что является наслаждением души, если не радость, которой душа преисполняется, или когда она предается забавам и веселью? Но это благо свойственно и бессловесным животным, которые, когда насытятся досыта, начинают предаваться веселью и резвиться. 7. Диномах и Каллифонт соединили добродетель с наслаждением. Но при этом они сказали то же самое, что и Эпикур, а именно, что высшее благо — в постыдном наслаждении тела [*voluptas corporis*]; если же они считали какие-то телесные наслаждения постыдными, а какие-то благопристойными, то это уже не высшее благо, ибо оно относится к телу. 8. Перипатетики выводили высшее благо из блага души, тела и фортуны. Блага души можно принять. Но если эти блага для достижения счастья нуждаются в помощи, значит, они слабы. Блага же тела или фортуны не зависят от человека. К тому же не является высшим благом то, что относится к телу или зависит от чего-то внешнего, ибо такое двойное благо может быть отнесено и к скоту, которому необходимо как обладать здоровьем, так и не иметь нужды в корме. 9. Стоики, кажется, несколько лучше думали, когда утверждали, что высшее благо — в добродетели. Но добродетель не может быть высшим благом, поскольку если добродетель заключена в умении переносить зло и тяготы, то сама по себе она не является благом, но должна создавать [условия] и вести к

высшему благу, так как нельзя прийти к нему без большого усердия и тяжкого труда.

10. Даже Аристотель был далек от разумного суждения, когда он связал вместе достоинство и добродетель, как будто бы добродетель когда-нибудь была отделена от достоинства или могла быть соединена с позором. 11. Герилл, последователь Пиррона,¹ сделал высшим благом знание. Хотя оно и присуще одному только человеку и душе, все же может достигаться и без добродетели. Не следует считать счастливым человеком того, кто узнал что-то, слушая, или получил знание, что-то прочитав. Так что данное определение не является определением высшего блага, поскольку может быть и знание дурных вещей, а также совершенно бесполезное знание. 12. А если бы речь шла о знании хороших и полезных вещей, которое ты обрел трудом, то и оно не было бы высшим благом, поскольку знание обретается не ради него самого, а ради чего-то другого. В самом деле, для того изучаются искусства, чтобы это давало нам средства для пропитания, приносило славу или же наслаждение, которые не могут быть высшим благом.

13. Таким образом, даже в этике философы не достигли согласия, поскольку расходятся между собой в самой сути, т. е. в определении того, в чем состоит смысл жизни. И не могут они быть одинаковы или совершенно похожи, когда одни видят смысл в наслаждении, другие — в достоинстве, третьи — в следовании природе, четвертые — в знании, пятые — в стяжании богатств, шестые — в избавлении от них, седьмые — в отсутствии страдания, восьмые — в перенесении страданий. В каждом из этих определений, как я выше показал, они отклоняются от сути, поскольку не ведают Бога.

29 [34]. 1. Рассмотрим теперь, что является высшим благом и какое высшее благо предложено мудрецу. То, что люди рождены для справедливости, учат нас не только Священные Писания, но это признают также кое-где те же самые философы. 2. Цицерон так говорит: «Однако из всех точек зрения ученых, которые касаются человека, нет лучше

---

¹ *Герилл* — философ-стоик III в. до н. э., происходивший из Карфагена, ученик Зенона; *Пиррон* — древнегреческий философ, родом из Элиды. Современник Аристотеля, основатель скептической философской школы.

той, согласно которой мы рождены для справедливости».¹ Это величайшая истина. В самом деле, мы рождены не для совершения зла, ибо мы общественные и совместно существующие животные. 3. Вот дикие животные рождены для проявления свирепости, поскольку они не в состоянии добывать себе пищу иначе, как охотясь и проливая кровь. Но даже они, сколь бы ни принуждал их крайний голод, не трогают животных своего рода. Так же поступают и птицы, которые кормятся мясом других. 4. Насколько же больше человек должен щадить и любить человека, который связан с ним и общим языком, и общими чувствами! В этом и состоит справедливость. 5. Но поскольку разумность дана одному лишь человеку для того, чтобы он познавал Бога, и в этом состоит основное различие между человеком и бессловесными животными, то сама справедливость зиждется на исполнении двух обязанностей. Во-первых, необходимо относиться к Богу как к Отцу, и, во-вторых, к человеку — как к брату, поскольку все мы рождены одним Богом. 6. Стало быть, справедливо и верно сказано, что мудрость — это знание божественных и земных дел. Ибо нам необходимо знать, что мы должны Богу, а что — человеку: Богу, разумеется, мы должны [воздавать] религиозное почитание, к человеку — испытывать привязанность. Первое относится к мудрости, второе — к добродетели, и то и другое включает в себе справедливость. 7. Если же очевидно, что человек рожден для справедливости, необходимо, чтобы праведник был подчинен злему, чтобы использовать добродетель, которой он наделен. Добродетель ведь — это перенесение зла. 8. Следует избегать удовольствий, поскольку они — зло; следует пренебрегать богатством, поскольку оно тленно, если же оно есть, то следует его раздать, чтобы оно послужило несчастным. Не следует жаждать почестей, потому что они временны и преходящи. 9. Никому не нужно причинять несправедливости; если же ты сам претерпеваешь их, то не надо мстить, и не надо преследовать ограбившего тебя, ибо причинять вред человеку грешно. А если вдруг кто-то станет заставлять отречься от Бога, не надо бояться ни мучений, ни смерти. Таким образом, ясно, что необходимо жить в бедности, унижении, среди поруганий и даже среди мук.

---

¹ Цицерон. О законах. I.10.28.

30 [35]. 1. Итак, какая же польза может быть от справедливости и добродетели, если в жизни ничего не будет, кроме бед? Но если добродетель должна презирать все земные блага, если должна весьма мудро переносить всякое зло и принимать смерть как должное, то она не может не иметь награды. Что же остается, кроме одной награды за нее — бессмертия? 2. Ведь если человеку присуща счастливая жизнь, как хотят философы, не соглашаясь лишь в том, что является счастьем, то, стало быть, ему присуще и бессмертие. Ибо только в том может заключаться счастье, что неизменно, а неизменно [лишь] то, что вечно. 3. Следовательно, высшим благом является бессмертие, так как оно относится и к человеку, и к душе, и к добродетели. К нему лишь мы обращены, для его достижения мы рождены. 4. Для того Бог предложил нам добродетель и справедливость, чтобы мы трудами нашими обретали ту вечную награду. Впрочем, о бессмертии мы будем говорить в своем месте.

5. Остается [еще] логическая философия, которая [тоже] не имеет никакого отношения к блаженной жизни. Ибо мудрость заключена не в красоте слога, но в сердце и в сознании. 6. Если же и физика, и логика бесполезны, а в этике, которая единственная является необходимой, философы блуждают, поскольку никак не могут найти высшее благо, то очевидно, что пуста и бесполезна всякая философия, которая не смогла ни открыть сути человека, ни выполнить своего долга.

31 [36]. 1. Поскольку я кратко сказал о философии, скажу теперь немного о [конкретных] философах. Учение Эпикура состоит в том, что нет никакого Провидения. И он же не отрицал, что боги существуют. И то и другое противно разуму. 2. Ведь если боги существуют, то существует и Провидение. Ибо нельзя понимать Бога иначе, как нечто провидящее. Он говорит, что Бог ни о чем не заботится. Следовательно, Он не заботится не только о человеческих, но даже о небесных делах. 3. Но каким образом тогда ты докажешь, что Он существует? Ибо если исключить Божественное Провидение и заботу, то из этого следует, что Бога вообще нет. Ты оставил Его на словах, но уничтожил в действительности.¹ Откуда тогда природа вещей, если Бог ни о чем не заботится? 4. Эпикур говорит, что существуют мелкие частицы, которые нельзя

---

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. I.30.85.

ни увидеть, ни ощутить, от случайного соединения которых все родилось и постоянно рождается. 5. Если они невидимы и не могут быть осязаемы ни одной частью тела, откуда тогда ты можешь знать, что они существуют? Далее, если они существуют, то каким образом они соединяются, чтобы что-то произвести? Если они гладки, то соединяться друг с другом не могут. Если они крючковаты и угловаты, то, следовательно, делимы, ибо у них есть крючки и углы, которые могут быть отсечены. Но это безумие и бессмыслица. 6. Что же сказать насчет того, что он считает души смертными? Его изобличают не только все философы и народное мнение, но и ответы оракулов, песни Сивилл, наконец, сами божественные речи пророков. Так что не удивительно, что существовал один Эпикур, который поставил человека вровень со скотом и зверями.

7. Что же Пифагор, который первым был назван философом? Он утверждал, что души хотя и бессмертны, но переселяются в разные тела, то [в тела] скотов, то птиц, то зверей. Не лучше ли было бы, чтобы души умирали вместе с телами, нежели так вот переселяться в другие тела? 8. Не лучше ли было не существовать вообще, чем жить свиньей или собакой, перестав быть человеком? 9. Но этот никчемный человек, чтобы придать сказанному больше веры, утверждал, что сам он во время Троянской войны был Эвфорбом, и когда тот был убит, переселялся в другие тела животных и, наконец, стал Пифагором. 10. О счастливец, кому единственному была дарована такая память, или, лучше сказать, несчастный, кому, переселившемуся в скота, не дано было забыть, кем он был. И если бы он один говорил этот вздор! Но он нашел, хотя и среди неученых людей, тех, кто поверили ему и кому перешло наследие глупости.

32 [37]. 1. После него стал первенствовать в философии Сократ, и даже оракул назвал его самым мудрым, так как он знал только одно, а именно — что он ничего не знает. 2. Следовало, чтобы мнение этого оракула удерживало физиков от поисков того, чего нельзя узнать, или от признания того, будто они знают то, чего в действительности не знали. 3. Однако посмотрим, был ли Сократ самым мудрым, как сказал Пифийский оракул. Сократ часто произносил такую крылатую фразу: «Что выше нас, то для нас ничто не значит».¹ Впрочем, он тут же вышел за

¹ См.: *Минуций Феликс*. Октавий. 13.1.

пределы своего суждения. Ведь в то время как он заявил, что знает только одно, [что ничего не знает], он открыл нечто особое, высказав это, как человек знающий. Но и эта [вторая его] мысль тщетна. 4. Ведь нам и Бога, Который выше нас, следует искать, и религию следует принимать, которая единственная отличает нас от диких зверей. А Сократ не только отвергал ее, но и высмеивал, клянясь собакой и гусем, как будто не мог поклясться Эскулапом, которому обещал петуха. Вот она, жертва мудреца! 5. И поскольку сам он не мог принести ему жертву, попросил перед смертью друзей, чтобы они исполнили данное им обещание, дабы его не задержали как должника перед преисподней.¹ Итак, он не только заявил, что ничего не знает, но и показал это со всей очевидностью.

33 [38]. 1. Ученик Сократа, Платон, которого Туллий называет богом философов² и который, один из всех, в своей философии более других приблизился к истине, все же, не зная Бога, во многом допустил большие ошибки и заблуждался сильнее, чем кто-либо другой, и прежде всего в том, что потребовал в своих книгах *О государстве*, чтобы у всех все было общим.³ 2. Что касается имущества, то это еще терпимо, хотя и несправедливо; ибо никому не должно ни повредить то обстоятельство, если вдруг благодаря его усердию у него будет чего-то больше, ни послужить на пользу, если у него по его же вине станет чего-то меньше. Впрочем, это, как я уже сказал, еще возможно как-то перенести. Но будут ли общими также жены и дети?⁴ 3. Тогда не будет никакого различия по крови, не будет ни определенного рода, ни семьи, ни родства, ни свойства. Нет, все будет перемешано и неразличимо, как в стаде скота. Мужчины будут лишены воздержанности, женщины — целомудрия. 4. Какая возможна и у тех, и у других супружеская любовь, когда у них нет определенного и особого расположения друг к другу? Кто же будет благочестив в отношении отца, не зная, от кого сам рожден? Кто станет любить сына, которого будет считать чужим? 5. Платон сохранил за женщинами даже доступ в курию, разрешил им военную службу, магистратуры и империй. Насколько несчастен будет

¹ См.: Платон. Федон. 118а.

² См.: Цицерон. О природе богов. II.12.32.

³ См.: Платон. Государство. III. 416d.

⁴ См.: Там же. V. 457c; 463c.

город, в котором женщины присвоят себе обязанности мужчин!¹ Но подробнее об этом [я сказал] в другом месте.²

6. Зенон, глава стоиков, который славит добродетель, считает, что сострадание, являющееся высшей добродетелью, должно быть устранено как болезнь души, хотя оно мило Богу и необходимо для людей. 7. Но есть ли кто-нибудь, кто, оказавшись вдруг в беде, не захотел бы удостоиться сострадания и отказался бы от помощи, которая не связана ни с чем, кроме чувства жалости? 8. И пусть он назовет это гуманностью, пусть благочестием, это изменит название, но не суть. Это то чувство, которое дано одному лишь человеку, чтобы мы через взаимопомощь компенсировали нашу слабость. Кто уничтожает это чувство, тот низводит нас до жизни зверей.

9. Мало того, исходя из той же бесчеловечности, основываясь на которой он порицает сострадание как болезнь, он утверждал, что все преступления одинаковы. Но кто не делает никакого различия в согрешивших, тот либо думает, что легкие проступки должны наказываться более сурово, что свойственно жестокому судье, либо что тяжелые преступления должны караться менее сурово, что свойственно легкомысленному судье. И то и другое наносит вред государству. 10. Ведь если за опасные преступления будут налагаться незначительные наказания, возрастет дерзость дурных людей к свершению еще более опасных преступлений. А если будут налагаться суровые наказания за незначительные проступки, тогда, коль скоро никто не может быть безгрешен, многие граждане, которых могло бы исправить порицание, окажутся в опасности.

34 [39]. 1. Другие заблуждения не столь значительны, но родились из того же пустословия. Ксенофан³ говорил, что круг Луны в восемнадцать раз больше нашей Земли. К тому же внутри полости Луны находится, якобы, другая Земля, которая населена людьми и всякого рода животными.⁴ 2. Также без смеха нельзя ни слушать, ни говорить

¹ См.: Цицерон. О государстве. IV.5.5.

² См.: Лактанций. Божественные установления. III.21.1–22.11.

³ Ксенофан — греческий философ (ок. 570–489 гг. до н. э.), первый представитель Элейской школы философии.

⁴ Ср.: Cic. Acad. II.26.82; 34.123.

об антиподах. Однако утверждают как нечто серьезное, что существуют якобы люди, чьи ступни противоположны нашим. Анаксагор¹ безумствовал не так сильно, утверждая, что снег черен. 3. У некоторых философов смешны не только высказывания, но и поступки. Демокрит отказался от оставленной ему отцом земли и разрешил превратить ее в общественное пастбище. 4. Диоген, который утверждал, что высшая добродетель в презрении ко всем вещам, предпочитал побираться со стаей своих собак, нежели искать пропитание честным трудом или иметь какую-нибудь собственность. 5. Несомненно, жизнь мудреца должна быть примером для других. Но если все будут подражать мудрости этих философов, то как будет существовать государство? 6. А разве могли киники дать пример скромной жизни, публично совершая соития со своими женами? Я не знаю, какую могли защищать добродетель те, кто устраняли стыд. 7. Не лучше их был Аристипп, который, я думаю, чтобы понравиться своей любовнице Лаиде, основал учение киренаиков, согласно которому поместил предел высшего блага в удовольствии тела, чтобы ни мнение, ни учение не противоречили его греху и порокам. 8. Неужели следует одобрять тех «храбрецов», которые, чтобы о них говорили как о презревших смерть, по собственной воле убили себя? 9. Зенон, Эмпедокл, Хрисипп, Клеанф, Демокрит, как и уподобившийся им Катон, не ведали, что тот, кто убивает себя, повинен, согласно божественному закону, в человекоубийстве. 10. Ибо Бог поселил нас в эту обитель плоти, Он дал нам временное жилище тела, чтобы мы жили до тех пор, пока это Ему угодно. Поэтому следует считать нечестием желание уйти из жизни без разрешения Бога. 11. Поэтому не следует насиловать природу. Он [Сам] знает, каким образом уничтожить Ему Свои творения. Если же кто обращает нечестивые руки против Его творений и разрывает узы божественного творчества, тот пытается убежать от Бога, чьего суда не в силах избежать никто, ни живой, ни мертвый. 12. Стало быть, преступники и нечестивцы все те [философы], которых я назвал выше; они, кроме всего,

---

¹ Анаксагор — греческий философ (ок. 500—428 гг. до н. э.), автор сочинения *О природе*, последний представитель Ионийской философской школы, фактический основатель Афинской философской школы.

учили, какие должны быть причины для добровольной смерти, как будто мало было бы вины в том, что они стали самоубийцами, если бы они и других не просветили в этом нечестии.

35 [40]. 1. Существует бесчисленное множество высказываний и поступков философов, которыми можно было бы изобличить их неразумие. Поскольку же мы не можем привести их все, довольно будет и немногих примеров. 2. Этого достаточно, чтобы понять, что философы не являются ни учителями справедливости, которую они не знали, ни учителями добродетели, которую неправильно понимали. В самом деле, чему могут научить те, которые часто признавались в собственном незнании? 3. Я не говорю о Сократе, чье суждение хорошо известно. Анаксагор заявил, что все покрыто тьмой. Эмпедокл говорил, что дороги к открытию истины очень узки. 4. Демокрит утверждает, что истина находится в некоей глубокой бездне. Поскольку ее нигде не нашли, то говорили, будто не существовало ни единого мудреца. 5. Так вот, поскольку не существует, как говорит Сократ у Платона, никакой человеческой мудрости,¹ последуем божественной и воздадим благодарность Богу, Который открыл и передал ее нам. И мы должны радоваться за себя, оттого что благодаря божественной щедрости обладаем истиной и мудростью, которую искали столько талантливых умов в течение стольких поколений и которую никто не мог найти в философии.

36 [41]. 1. Теперь, поскольку мы опровергли ложную религию, которая заключена в поклонении богам, а также ложную мудрость, которая принадлежит философам, обратимся к истинной религии и истинной мудрости. При этом следует говорить одновременно и о той, и о другой, так как они связаны между собой. 2. Ведь почитание истинного Бога является не чем иным, как мудростью. 3. Ведь Он есть Высший Бог и Создатель всех вещей, Который сотворил человека по образу Своему. Для того из всех животных одному лишь человеку дан разум, чтобы человек воздавал Ему почет как Отцу и Господину и стяжал этим благочестием и послушанием в награду бессмертие. Это истинная и божественная тайна. 4. Между философией же и культом богов, поскольку они не являются истинными, нет согласия. Ни в философии

---

¹ См.: Платон. Апология Сократа. 23а.

нет священнодействий, ни в священнодействиях философии. И религия потому является ложной, что она лишена мудрости, и философия — потому что не содержит религии. 5. Где же объединено и то и другое, там с необходимостью есть мудрость, так что если бы спросили, что такое истина, можно было бы точно ответить: это или мудрая религия, или религиозная мудрость.

37 [42]. 1. Теперь же я скажу, что является и мудрой религией, и религиозной мудростью. Бог изначально, прежде чем сотворить мир, из источника Своей вечности, а также от Своего божественного и вечного Духа Сам породил для Себя непорочного Сына, целиком подобного по добродетели и по могуществу Отцу. 2. Он — Добродетель, Причина, Слово Божие и Мудрость. С этим Творцом, как называет Его Гермес, и Советником, как [именует] Сивилла, Бог измыслил превосходное и удивительное сотворение этого мира. 3. И вот из всех ангелов, которых из дыхания Своего сотворил тот же самый Бог, только Он один был допущен к соучастию в осуществлении высшего могущества, только Он один был назван Богом. Ибо «все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».¹ 4. Наконец, Платон превосходно сказал о первом и втором Боге не как философ, но как провидец, возможно следуя в этом Трисмегисту, чьи слова я приведу в переводе с греческого: 5. «Господь и Создатель вселенной, Которого мы обычно называем Богом, произвел второго Бога, видимого и осязаемого. Я говорю *осязаемого* не в том смысле, что Он Сам осязает, но в том, что воспринимаем чувствами и зрением. Когда же Он сотворил Его первым и единственным, Тот предстал перед Ним преисполненным всех благ и возлюбленным».² 6. Сивилла также говорит, что *Бог сотворил Бога вождем для всех*.³ И другая говорит, что *Его следует почитать как Бога и Сына Божьего*,⁴ как показывают и те примеры, которые я поместил в своих книгах. 7. Его предвещали исполненные Духа Святого пророки. Среди них особенно Соломон в *Книге*

¹ Ин. 1.3.

² Ps.-Plato. Epist. VI.323c. Ср.: Лактанций. Божественные установления. IV.6.4.

³ Книги Сивилл. Фрагм. I.6.

⁴ Там же. IV.329.

Премудрости, а также его отец [Давид], автор божественных гимнов, оба бывшие великими царями, которые жили за 180 лет до Троянской войны, свидетельствуют, что Он был рожден от Бога,¹ 8. что имя Его не известно никому, кроме Его Самого и Отца, как учит Иоанн в *Откровении*.² Гермес говорит, что имя Его нельзя произнести смертными устами. 9. Тем не менее, люди используют два имени: Иисус, что означает Спаситель, и Христос, что означает Царь. Он [именуется] Спасителем, потому что служит исцелением и спасением для всех, кто через Него верит в Бога. Христом же, потому что по окончании этого века сойдет с небес, чтобы судить мир и, воскресив мертвых, установить для Себя вечное царствие.

38 [43]. 1. Но чтобы вдруг у тебя не возникло замешательства, я в нескольких словах объясню тебе, почему же мы называем Того [Бога], Который был рожден Богом прежде мира, Иисусом, Который был рожден от человека 300 лет назад. 2. Он является одновременно Сыном и Бога, и человека. Ибо Он рожден дважды. Сначала от Бога, в Духе, прежде сотворения мира; затем во плоти, от человека, во время правления Августа. В этом содержится восхитительное и удивительное таинство, в нем заключено и спасение людей, и религия Высшего Бога, и вся истина. 3. Ведь когда прежде из-за происков демонов появились преступные и нечестивые культы богов, религия [истинного] Бога сохранилась у одних только евреев. И они, следуя не какому-то закону, а обычаю предков, соблюдали переданное им по наследству почитание Бога до тех пор, пока не ушли из Египта под руководством Моисея, первого из всех пророков, через которого Бог дал им Закон. И после этого они стали называться иудеями. И вот они стали почитать Бога, будучи уже связаны узами Закона. 4. Но постепенно они, склоняясь к нечестивым культам, стали принимать чужих богов, и, оставляя культ, доставшийся от предков, стали приносить жертвы бесчувственным идолам. 5. По этой причине Бог послал к ним пророков, исполненных Духа Божия, чтобы те укоряли иудеев за грехи их и призывали их раскаяться. Они угрожали им грядущим наказанием и предсказывали, что

¹ См., напр.: *Притч. Сол.* 8.22–30.

² *Откр.* 3.12.

с ними будет, если те станут упорствовать в этих преступлениях, а именно, что Бог пошлет Дарителя нового Закона и, лишив неблагодарный народ наследства, соберет Себе другой, более преданный народ из чужеземных племен. 6. Те же не только продолжали упорствовать, но и убивали пророков, посылаемых Богом. И вот Он осудил иудеев за эти преступления и перестал посылать к упрямому народу пророков, но отправил Своего Сына, чтобы собрал Он все народы на милость Божию. 7. Но и иудеев, хотя и были они нечестивы и неблагодарны, не лишил Он надежды на спасение, но прежде всего к ним послал Сына, чтобы, если вдруг они подчинятся, не утратили того, что некогда получили, если же они не примут своего Бога, в таком случае, поскольку сами будут лишены наследства, его обретут язычники. 8. Итак, Вышший Отец повелел Ему сойти на землю и принять человеческое тело, чтобы, подверженный страстям плоти, Он учил добродетели и терпению не только словом, но и поступками. 9. Вот Он и был рожден вновь от девы без отца, как человек, чтобы точно так же, как в первом (духовном) рождении Он был сотворен, как и Святой Дух, усилиями одного только Бога, так и во втором (телесном) рождении, рожденный одной только матерью, Он стал святой плотью, чтобы через Него плоть, которая была подвластна греху, освободилась от гибели.

39 [44]. 1. Что это случится так, как я показал, еще раньше предсказали пророки. 2. У Соломона так написано: «Было чрево девы слабо, и познало плод; и отяготилась, и стала матерью дева по великому милосердию».¹ 3. У Исаии так: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»,² что означает «С нами Бог». Был же Он с нами на земле, когда принял плоть, и при этом Бог был в человеке и человек — в Боге. 4. То, что Он будет и тем и другим, еще прежде было предсказано пророками. О том, что Он будет Богом, Исаия так сказал: «И будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога. Истинно Ты — Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель. Все они будут постыжены и

---

¹ Ни в *Книге Притчей Соломоновых*, ни в *Книге Песни Песней Соломона* этих слов нет.

² *Ис.* 7.14.

посрамлены».¹ 5. И пророк Иеремия так говорит: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми».² 6. То, что Он станет человеком, тот же Иеремия так говорит: «И се человек, и кто узнал Его?»³ Исаия же так передает: «И пошлет Бог человека, Который спасет их, предавая суду, и избавит их».⁴ То же говорит и сам Моисей в *Числах*: «Восходит звезда от Иакова, и восстает человек от Израиля».⁵ 7. А плоть Он принял, хотя и был Богом, для того, чтобы, став средним между Богом и человеком, примером Своим через преодоление смерти привести человека к Богу.

40 [45]. 1. Мы сказали о Его рождении. Теперь же скажем о Его добродетели и деяниях. Когда Он совершил эти великие и удивительные деяния среди людей, иудеи, увидевшие их, решили, что они совершены с помощью магической силы, не зная, что все творимое Им было предсказано пророками. 2. Хворых и ослабленных всякого рода болезнями Он тотчас излечивал не с помощью лекарств, но силой и мощью слова. Он укреплял слабых и давал способность ходить хромым. Языки безмолвных Он наполнил речью, глухим дал возможность слышать. Оскверненных и покрытых скверной Он очищал. Одержимым демонами Он возвращал разум, уже мертвых из могил поднимал Он к жизни и свету. 3. Кроме того, Он насытил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами. Он ступал также по морю. В момент бури Он повелел ветру успокоиться, и тотчас наступила тишина. Предсказания обо всем этом мы находим в книгах пророков и в песнях Сивилл. 4. Когда из-за этих чудес великое множество людей обратилось к Нему, уверовав, что Он Сын Божий и послан Богом, священники и вожди иудеев, исполненные

---

¹ Ис. 45.14–16.

² Лактанций ошибается, это слова из *Книги пророка Варуха*. Вар. 3.36–38.

³ Иер. 17.9. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?»

⁴ Ис. 19.20. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «И Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их».

⁵ Числ. 24.17. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл от Израиля».

ненавистью и охваченные гневом, поскольку Он обличал их прегрешения и несправедливость, сговорились убить Его. 5. Такое будущее чуть более чем тысячу лет назад предсказал Соломон в книге *Премудрости* такими словами: «Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть. Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их; и они не познали таин Божиих».¹

6. И вот, не помня тех писаний, которые они читали, иудеи стали подстрекать против Него народ, как если бы Он был нечестивцем, чтобы схватить Его и предать суду, и в нечестивых выражениях требовали для Него смерти. 7. Они обвиняли Его в том преступлении, что Он называл себя Сыном Божиим и что, излечивая людей в субботу, Он нарушал Закон, который, по Его словам, Он не нарушал, а лишь исполнял. 8. И когда Понтий Пилат, который тогда был легатом в Сирии, увидел, что этот случай не относится к сфере римского суда, то отправил Его к тетрарху Ироду и предоставил иудеям самим рассудить дело по их законам. Те, получив власть наказать Его, приговорили Его к кресту; но прежде избивали Его бичами и кулаками, увенчали терновым венцом, плевали Ему в лицо, давали Ему в пищу и в качестве питья желчь и уксус. И в ходе этих издевательств Он не вымолвил ни единого слова. 9. Тогда мучители, разделив между собой тунику и плащ Его, повесили и приколотили Его к кресту. 10. Поскольку же на следующий день ожидалась Пасха, т. е. праздничный для них день, то ожидалось большое скопление народа. Это преступление сопровождалось чудесными явлениями, из чего иудеи

---

¹ Прем. 2.12–22. Лактанций дает цитату из *Книги Премудрости Соломона* с некоторыми лакунами.

должны были понять, сколь нечестиво то, что они совершили. И в самом деле, в тот же миг, когда Он испустил дух, случилось великое землетрясение и затмение солнца, так что день обратился в ночь.

41 [46]. 1. Что все это произойдет именно так, предсказано пророками. Исаия так говорит: «И Я не воспротивился, не отступил назад. Я предал хребет Мой биящим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания». ¹ Он же сказал о Его молчании так: «Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих». ² 2. Также Давид в 34 псалме: «Собирались ругатели против меня, не знаю за что, поносили и не переставали; с лицемерными насмешками скрежетали на меня зубами своими». ³ Он же о пище и питье в 68 псалме: «И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом». ⁴ 3. Он же о распятии Христа: «Можно было бы перечесать все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий». ⁵ 4. Моисей во *Второзаконии*: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей». ⁶ Он же в *Числах*: «Разве Бог не как человек повешен и разве не как сын человеческий претерпевает насилия». ⁷ 5. То же Захария: «И они воззрят на Него, Которого пронзили». ⁸ О затмении солнца Амос так сказал: «И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня. И обращаю праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач». ⁹ 6. То же сказал Иеремия о городе Иерусалиме, [столице Иудеи], в которой Он был казнен: «Лежит в изне-

---

¹ Ис. 50.5–6.

² Ис. 53.7.

³ Пс. 34.15–16.

⁴ Пс. 68.22.

⁵ Пс. 21.18–19.

⁶ Втор. 28.66.

⁷ Числ. 23.19. Перевод наш. — В. Т. Лактанций значительно меняет смысл библейской фразы. Ср. Синодальный перевод: «Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться».

⁸ Зах. 12.10.

⁹ Ам. 8.9–10.

можении родившая семерых, испускает дыхание свое; еще днем закатилось солнце ее, она постыжена и посрамлена. И остаток их предам мечу пред глазами врагов их». ¹ 7. Не без причины это было сказано, ибо спустя короткое время император Веспасиан укротил иудеев и земли их опустошил огнем и мечом, обрек осажденных на голод, разрушил Иерусалим, пленных провел на триумфе, остальных, кто выжил, изгнал из их земель и не позволил им когда бы то ни было возвращаться в землю отцов. 8. Это было совершено Богом за распятие Христа, как об этом засвидетельствовал в Писании иудеев Соломон, сказав: «И будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо его, ужаснется и свистнет, и скажет: “за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?” И скажут: “за то, что они оставили Господа, Бога своего, и преследовали царя своего, возлюбленного Богом, и распяли Его в унижении великом. За это Бог предал их таким несчастьям”». ² 9. Ибо что другое заслужили те, кто казнили Господа, посланного ради их же спасения?

42 [47]. 1. После этого тело, снятое с креста, спрятали в склепе. Но на третий день перед рассветом, когда случилось землетрясение, камень, который закрывал могилу, отвалился, и Он воскрес. В могиле же не было обнаружено ничего, кроме покровов с тела. 2. То, что Он воскреснет на третий день, уже давно предсказали пророки. Давид в 15 псалме: «Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление». ³ То же Осия: «Это сын Мой премудрый [*Hic filius meus sapiens*], иначе не пребывал бы Он теперь в терзании сынов своих; и от руки ада Я вырву Его. Где суд твой, смерть, и где жало твое?» ⁴ Также в другом

---

¹ *Иер.* 15.9.

² *3 Цар.* 9.7–9. Последняя фраза дана в нашем переводе. — *В. Т.* Синодальный перевод: «И скажут: “за то, что они оставили Господа, Бога своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им и служили им, за это навел на них Господь все сие бедствие”».

³ *Пс.* 15.10.

⁴ *Ос.* 13.13–14. Перевод наш. — *В. Т.* Синодальный перевод значительно отличается: «Он — сын неразумный, иначе не стоял бы долго в положении рождающихся детей. От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало?»

месте: «Оживит нас после через два дня, в третий день».¹ 3. Отправившись после воскресения в Галилею, Он вновь собрал Своих учеников, которых страх обратил в бегство. И дав им поручения, которые они должны были исполнить, и организовав проповедь Евангелия по всему кругу земель, вдохнул в них Дух Божий и дал им силу совершать чудеса, чтобы они трудились во спасение людей не только словом, но и деяниями. И тогда лишь в сороковой день Он возвратился к Отцу, вознесенный на облаке. 4. Это уже давно открыл пророк Даниил, сказав: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится».² 5. Также Давид в 109 псалме: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих».³

43 [48]. 1. Пребывая по правую руку от Господа, Он определил, что, когда придет судить мир, уничтожит врагов Своих, которые Его распяли; тогда стало очевидно, что у иудеев не остается никакой надежды, если только они не обратятся к раскаянию и, смыв с себя кровь, которой себя замарали, не станут уповать на Того, Кого отвергли. 2. Поэтому Ездра так говорит: «Эта Пасха — наш Спаситель и прибежище наше. Задумайтесь, и войдет в сердце ваше, что имеем мы унижить Его на кресте, а после этого будем уповать на Него».⁴ 3. Что иудеи будут лишены наследства за то, что осудили Христа, а мы, которые [происходим] из язычников, будем поставлены на их место, подтверждают Писания. 4. Иеремия так сказал: «Я оставил дом Мой; покинул удел Мой; самое любезное для души Моей отдал в руки врагов его. Удел мой сделался для Меня как лев в лесу; возвысил на Меня голос свой; за то Я

---

¹ Ос. 6.2.

² Дан. 7.13–14.

³ Пс. 109.1.

⁴ Этих слов нет у Ездры, но со ссылкой на книгу этого пророка их приводит св. Иустин Мученик (*Св. Иустин. Разговор с Трифоном Иудеем*. 72). Причем св. Иустин объясняет, что прежде эти слова были в Библии, но были изъяты оттуда иудеями (Там же. 71).

возненавидел его».¹ 5. То же самое у Малахии: «Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами».² 6. Исаия сказал так же: «И вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою».³ 7. У него же в другом месте так сказано от лица Отца к Сыну: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы».⁴

44 [49]. 1. Если же иудеи были отвергнуты Богом, как открывает истинность Священных Писаний, а язычники, как мы видим, были Им приняты и освобождены из темноты этой временной жизни и от пут демонов, стало быть, нет никакой иной надежды у человека, кроме как следовать истинной религии и истинной мудрости, которые пребывают во Христе. Кто же не признает Его, тот всегда будет чужд и истине, и Богу. 2. И пусть не льстят себе ни иудеи, ни философы по поводу признания Всевышнего Бога. Кто не признал Сына, тот не мог признавать и Отца. В этом состоит мудрость, в этом заключено таинство Всевышнего Бога. Бог захотел, чтобы Его Самого и познавали, и почитали через Сына. 3. Для этого Он заранее посылал пророков, чтобы те предвещали о прибытии Сына, чтобы, когда сбудется предсказанное, люди уверовали в то, что перед ними и Сын Божий, и [Сам] Бог.

4. И все же не следует считать, будто существует два Бога. Ибо Отец и Сын суть одно. Ведь в то время когда Отец любит Сына и все Ему отдает, тогда и Сын искренне почитает Отца и не желает ничего, кроме того, чего хочет Отец. И не может разорваться эта тесная связь так, чтобы говорили, будто есть два Бога, если у Них и одна субстанция, и одна воля, и одна вера [в Них]. 5. Следовательно, и Сын через Отца, и Отец через Сына. Значит, один почет должен воздаваться и Тому, и Другому как единому Богу. И следует так разделять поклонение Обоим, чтобы

¹ Иер. 12.7–8.

² Мал. 1.10–11.

³ Ис. 66.18.

⁴ Ис. 42.6–7.

само разделение сочеталось неразрывной связью. Ни Того, ни Другого не сохраняет тот, кто отделяет либо Отца от Сына, либо Сына от Отца.

45 [50]. 1. Остается ответить также тем, кто полагают неподобающим и лишенным смысла то, что Бог облачился смертным телом, что Он подчинился людям, что сносил оскорбления, что претерпел пытки и смерть. 2. Я скажу то, что знаю, и, насколько могу, эту безмерную тему изложу кратко. Тот, кто чему-то учит, должен, насколько я понимаю, сам исполнять то, чему учит, чтобы побудить людей последовать этому. Ведь если бы [наставник] не исполнял того, [чему учит], то подорвал бы веру в собственные наставления. 3. Значит, нужны примеры, чтобы то, что предписывается, обретало силу. И если вдруг появится какой-нибудь упрямец и станет говорить, что что-то из наставлений невозможно исполнить, учитель убедил бы его своим примером. Поэтому обучение не может быть совершенным, если оно совершается только с помощью слов. Но тогда оно совершенно, когда оно наполняется делами. 4. Поэтому Христос, будучи послан людям в качестве учителя добродетели, чтобы обучение Его было совершенным, должен был и наставлять, и [Сам] исполнять [наставления]. Но если бы Он не принял человеческого тела, то не смог бы исполнять то, чему учил, а именно — не гневаться, не жаждать богатств, не распалиться сладострастием, не бояться боли, презирать смерть. 5. Как бы то ни было, это — добродетели, но они не могут быть проявлены вне плоти. Стало быть, Он для того принял плоть, чтобы, наставляя в необходимости преодолевать желания, совершить это прежде Самому, дабы никто потом не оправдывал себя слабостью [человеческой] плоти.

46 [51]. 1. Теперь скажу о тайне крестной смерти, чтобы никто вдруг не сказал: если Ему суждено было принять смерть, то уж не позорную и не бесславную, а ту, которая несет в себе нечто достойное. 2. Я, право же, знаю, что многие, презирая имя креста, отступают от истины, в то время как в кресте заключены и великий смысл, и огромная сила. Ведь поскольку Он был послан для того, чтобы открыть всякому, даже самому низкому человеку путь ко спасению, то Сам Он сделал Себя низким, чтобы освободить таких же. 3. Итак, Он принял тот род казни, который обычно выносятся низким людям, чтобы все получили возможность последовать этому. Кроме того, так как Он должен был воскреснуть,

члены Его тела не должны были быть повреждены, и кости не должны были быть переломаны, что случается с теми, кому отсекают голову. 4. Поэтому был избран крест, который сохранял бы Воскресшему [Его] тело с невредимыми костями. К этому добавляется также то, что в момент пыток и смерти Он должен был оказаться выше всех. 5. Настолько крест возвышал Его и реально, и в качестве символа, что в момент Его страстей все увидели и могущество Его, и славу. В самом деле, когда Он распростер руки Свои на кресте, Он [словно] крылья Свои распростер на восток и на запад, под которыми могли бы собраться в поисках покоя все народы как с той, так и с другой стороны мира. 6. Насколько же большой силой обладает этот символ и какой наделен властью, ясно из того, что любая когорта демонов побеждается этим знаком и бежит от него. 7. И как Сам Он перед страстями Своими изгонял демонов словом и властью Своей, так и теперь именем и знаком той же крестной смерти прогоняются отвратительные духи, проникшие в тела людей, когда, будучи измученными и изведенными, демоны обнаруживают себя и покоряются [неотступно] терзающему их Богу. 8. К чему же уповают греки на свою религию и свою мудрость, если видят, что их богов (причем они не отрицают, что те являются демонами) побеждают с помощью креста люди?

47 [52]. 1. Итак, у людей есть одна надежда в жизни, одна спасительная пристань и одно убежище для свободы, если, отказавшись от заблуждений, в которые когда-то они впали, люди откроют глаза разума своего и познают Бога, в Котором одном лишь находится обитель истины. Если они презрят земное и сотворенное из земли; если сочтут пустой философию, которая у Бога является глупостью, и, приняв истинную мудрость, т. е. религию, станут наследниками бессмертия. 2. Но [язычники] сопротивляются не столько истине, сколько собственному спасению. И когда они слышат это, то гнушаются подобных слов, словно какого-то невыразимого нечестия. 3. Они не хотят даже слышать подобного, полагая, что, внимая этому, оскверняют уши свои святотатством. При этом они не удерживаются от оскорблений, но, как только могут, бранятся последними словами. Кроме того, если они бывают облечены властью, то преследуют [праведников] как государственных врагов, мало того, даже больше, чем врагов. Ведь наказанием для врагов, когда те бывают побеждены в войне, служит либо смерть, либо рабство,

и никто не подвергается истязаниям после сложения оружия (пусть они и заслужили претерпеть все что угодно), так чтобы и среди мечей обрело место милосердие. 4. Жестокость же в отношении невинных является неслыханной и недостойна победителей, ибо не имеет другой причины, кроме ярости. И вот, поскольку язычники не в состоянии бороться с помощью разума, они прибегают к насилию, осуждают из-за своего неведения невинных людей, словно самых опасных злодеев, не желая ничего знать о справедливости. 5. И при этом они не считают достаточным, чтобы те, кого они без основания ненавидят, умерли от скорой и легкой смерти, но терзают их изысканными пытками, чтобы унять свою ненависть, которую породило вовсе не преступление, а истина. Эта истина ненавистна тем, кто живет дурно, так как они с трудом переносят то, что существуют люди, которым не могут нравиться их поступки. Таких людей они жаждут уничтожить любым способом, чтобы получить возможность грешить свободно и без свидетелей.

48 [53]. 1. Но эти [язычники] говорят, что поступают так, чтобы защитить своих богов. Прежде всего, если боги существуют и имеют какую-то власть и влияние, то они не нуждаются в защите и покровительстве людей, но способны защитить себя сами. 2. Иначе как человек может уповать на их помощь, если они даже себя не могут оградить от несправедливости? Следовательно, глупо и вздорно стремиться мстить за богов, разве только стремиться этим усилить недоверие к ним. 3. Ибо кто берется защищать Бога, которого он почитает, тот со всей очевидностью показывает, что тот Бог ничего из себя не представляет. Если же человек почитает Бога на том основании, что считает Его могущественным, то он не должен стремиться защищать Его, поскольку сам находится под Его защитой. 4. Стало быть, мы правильно поступаем. Ведь в то время как те защитники ложных богов выступают против истинного Бога, преследуют в лице нас Его имя, мы не сопротивляемся ни словом, ни делом, но переносим кротко, молча и терпеливо все, что способно обратить против нас их жестокость. Ибо мы уповаем на Бога, от Которого мы ожидаем неизбежного отмщения в будущем. 5. И это упование не беспочвенно. В самом деле, мы отчасти слышали, отчасти же видели, что смерть всех тех, кто дерзнули на это преступление, была удивительна. И никто не остался безнаказанным

после оскорбления Бога; и тот, кто не пожелал внять слову, что это истинный Бог, получил доказательство через кару.¹

6. Я хотел бы знать, когда они заставляют людей против их воли совершать жертвоприношения, какую выгоду они преследуют или ради кого это совершают? Если ради богов, то не является культом и приемлемой жертвой то, что делается против воли, что вымогается через несправедливость, что вырывается через причинение боли. 7. Если же ради тех, кого они принуждают, то не является благодеянием то, ради неприятия чего человек предпочитает погибнуть. Если это благо, к которому вы влечете меня, то почему ведете к нему с помощью насилия? Почему не посредством слов, а посредством пыток? Почему не через разумные доводы, а через истязания тела? Из этого ясно, что является злом то, к чему вы не по желанию привлекаете, а тащите против воли. 8. Какое это безумие — стремиться осчастливить человека против его воли! Если бы кто-то попытался, оказавшись принужденным бедами, обратиться к смерти, и если ты вырвешь у него меч, или сорвешь петлю, или оттолкнешь от пропасти, или выльешь яд, сможешь ли ты гордиться тем, что спас человека, когда тот, кого, как ты полагаешь, спас, не благодарит тебя и считает, что ты добавил ему неприятностей тем, что удержал его от желанной смерти, что не позволил ему добиться прекращения бед и успокоения? 9. Ибо благодеяние должно определяться не характером поступка, а чувством того, кто его получает. Почему же ты считаешь благодеянием то, что, по-моему, является злодеянием? 10. Ты хочешь, чтобы я почитал твоих богов, что я полагаю смертоносным для себя. Если это благо, то я его не желаю; наслаждайся сам своим благом, и не надо стремиться помогать мне в моем заблуждении, которое я принял по собственному суждению и собственной воле. 11. Если же это зло, зачем ты тянешь меня к соучастию во зле? Оставайся с ним сам. Я предпочитаю умереть, совершая добро, нежели жить, совершая зло.

49 [54]. 1. Хотя эти слова справедливы, но кто согласится с ними, если обозленные и надменные люди считают, что их власть уменьшится,

---

¹ Проблеме и истории отмищения Господа врагам христианской веры Лактанций посвящает специальное историческое сочинение *О смерти гонителей*.

если вдруг в человеческих делах появится какая-то свобода? А только в религии и пребывает свобода. 2. Ибо религия, в отличие от всего другого, является делом добровольным, и никто не может быть принужден к тому, чтобы почитать то, чего он не хочет. Вероятно, кто-то и может притворяться [и почитать чуждое ему], но не может это совершать с искренним желанием. 3. В конце концов, хотя некоторые люди, побежденные или боязнь пыток, или собственно истязаниями, соглашаются принести отвратительные жертвы (хотя никогда бы не совершили добровольно того, что сделали по необходимости), все же, как только они обретают право выбора и свободу, они обращаются к Богу и с мольбой и слезами каются перед Ним в том, что совершили ту скверну не по воле, которой у них не было, но по принуждению. И не бывает отказано в милости тому, кто раскаялся.

4. Какая же польза тем, кто истязают тела, если они не могут изменить желание? В самом деле, если люди слабого ума вынудят человека стойкой души принести все-таки жертву их богам, то они в невероятном воодушевлении ликуют и радуются, словно провели под игом врага. 5. Если же кто-нибудь, не поддавшись угрозам и не сломившись под пытками, предпочтет веру жизни, то жестокость устремит на него всю свою изобретательность, обратит против него неслыханные и нестерпимые пытки. Поскольку же они знают, что смерть во имя Бога покрыта славой и что мы одерживаем победу, когда, перетерпев пытки, направляем душу к вере и религии, то стремятся одолеть нас. 6. Они не казнят нас, но выдумывают новые неслыханные истязания, чтобы слабость плоти уступила боли. Если же и это не помогает, они делают передышку и подлечивают раны [у своих жертв], чтобы, пока рубцы еще свежие, повторными пытками доставить еще больше боли. И производя подобные пытки в отношении невинных, они считают себя благочестивыми, справедливыми и религиозными людьми (ведь они восхищаются подобными священнодействиями в честь богов), других же называют нечестивыми и пропащими людьми. 7. Какая же превратность в том, чтобы тот, кто подвергается пыткам, будучи при этом невинным, именовался пропащим, а истязатель назывался справедливым и благочестивым!

50[55]. 1. Но они говорят, что это справедливо и должно наказывать тех, кто проклинаят народные религии, доставшиеся нам от предков.

Если, как мы уже показали выше, те предки, приняв пустые религии, были глупцами, то неужели же нам запрещено следовать истинной и лучшей религии? 2. Почему мы должны лишать себя свободы и, словно обреченные, идти в рабство чужих заблуждений? Пусть будет дозволено рассуждать, пусть дозволено будет искать истину! 3. Но все же, если угодно защищать глупость предков, почему остаются безнаказанными египтяне, которые почитают в качестве богов скотов и всякого рода животных? Почему язычники [сами] насмеются над богами и почему удостаивают почестей того, кто остроумнее над ними смеется? Почему они слушают философов, которые говорят, что богов либо вообще нет, либо если даже и есть, то они ни о чем не заботятся и не пекутся о человеческой жизни, или которые отрицают всякое Провидение, которое бы управляло миром? 4. Зато считаются нечестивцами только те, кто следуют за [Всевышним] Богом и истиной. Поскольку же они обвиняют в нечестии и глупости именно то, что является справедливостью и мудростью, они не видят, что вводит их в заблуждение, когда они называют дурным хорошее и хорошим — дурное. 5. При этом многие философы, но особенно Платон и Аристотель, немало говорили о справедливости, превознося ее как истину и добродетель, достойную высшей славы, так как она воздает каждому свое и сохраняет равенство между всеми. И между тем как другие добродетели как бы безмолвны и замкнуты в себе, справедливость — единственная добродетель, которая не замкнута в себе и не сокрыта, но обнаруживает себя целиком и склонна к благим деяниям ради того, чтобы приносить как можно большую пользу. 6. Как будто справедливость должна быть присуща одним лишь судьям и людям, облеченным какой-то властью, а не всем! Между тем, нет человека даже среди самых незначительных и нищих людей, который бы не мог обратиться к справедливости. 7. Но так как они не знали, что она собой представляет, откуда она проистекает и каково ее назначение, то они, [т. е. философы], эту высшую добродетель, т. е. общее благо, объявили уделом немногих и заявили, что она не ищет своей пользы, а только благоприятствует чужим выгодам. 8. И вот Карнеад, человек необычайного дарования и острого ума, с полным основанием выступил с тем, чтобы доказать несостоятельность утверждений этих людей и отвергнуть значение справед-

ливости, не имевшей прочного основания, — не потому, чтобы он полагал, что справедливость заслуживает порицания, а с целью доказать, что поборники справедливости не выставили в ее защиту никаких обоснований и никаких незыблемых доводов.¹

51 [56]. 1. Ведь если справедливость — это почитание истинного Бога (ведь что столь важно для равенства, столь благочестиво для уважения, столь необходимо для спасения, как признание Бога в качестве Родителя, почитание Его в качестве Господа, покорность Его закону и повелениям?), стало быть, философы не знают справедливости, так как не ведают Бога и не соблюдают ни культа Его, ни закона. 2. И потому они могли быть побеждены Карнеадом, который в ходе спора доказывал, что нет никакого естественного права [*nullum jus naturale*] и все животные защищают свою выгоду, руководствуясь только природой, и потому справедливость, если суть ее в том, чтобы заботиться о пользе других, пренебрегая собственной, следует именовать глупостью. 3. [Он говорил, что] все народы, достигшие власти, и даже сами римляне, которые овладели всем миром, если бы захотели быть справедливыми, т. е. если бы возвратили чужое, вынуждены были бы вернуться в лачуги и жить в нужде и бедности. И если бы они поступили так, то они, конечно, считались бы справедливыми, но все же глупцами, ибо для того, чтобы принести благо другим, должны были бы навредить себе.² 4. Наконец, если кто-нибудь встретит человека, который бы ошибочно считал, что продает желтую медь, хотя это было золото, или свинец, хотя это — серебро, то умолчит ли он об этом, чтобы купить этот [товар] по низкой цене, или скажет об этом, чтобы купить по высокой? Если скажет [правду], то его, конечно, следует считать справедливым, так как не обманет, но все-таки глупцом, потому что принесет прибыль другому, а себе — убыток.³ 5. А что если жизнь его окажется в опасности, так что придется либо погибнуть самому, либо убить другого, как тогда он поступит? Может случиться так, что во время кораблекрушения кто-нибудь более слабый, чем он, ухватится за доску, или,

¹ Орывок 50 [55]. 5—8 ср.: Цицерон. О государстве. III.7.10—11.

² См.: Там же. III.12.21.

³ См.: Там же. III.19.29.

убегая после поражения в битве, увидит кого-то из раненых сидящим на коне. Неужели не отнимет он в первом случае доску и коня во втором, чтобы получить возможность спастись самому? Если он захочет быть справедливым, то не совершит этого, но будет сочтен глупцом, ибо, спасая жизнь другому, лишится собственной. Если же сделает это, окажется, конечно, разумным, так как поможет себе, хотя и [сочтется] злым человеком, так как совершит злодеяние.¹

52 [57]. 1. Эти [рассуждения Карнеада], конечно, остроумны, но мы без труда можем ответить на его доводы. Ведь подмена понятий приводит к тому, что кажется, будто [в его рассуждениях все] так оно и есть. В самом деле, и справедливость имеет образ глупости, но все же не является глупостью, и порочность имеет образ мудрости, но все же не является мудростью. 2. Но как та порочность, понимаемая и проявляемая в следовании собственной пользе, является не мудростью, а хитростью и коварством, так и справедливость должна называться не глупостью, а честностью, потому что справедливый человек необходимо разумен, а глупец — несправедлив. 3. Ибо ни разум, ни сама природа не допускают, чтобы тот, кто справедлив, не был бы разумным человеком, ведь, в самом деле, справедливый человек не совершает ничего, кроме правильного и хорошего, и всегда избегает превратного и дурного. 4. Кто же может отличать добро от зла, правильное от превратного, если не тот, кто разумен? Глупец же совершает дурные поступки, потому что не знает, что́ есть добро и зло. А потому он грешит, ибо не способен отличить превратное от благого. Стало быть, ни справедливость не может быть свойственна глупцу, ни мудрость несправедливому человеку. 5. Следовательно, не является глупцом тот, кто не отнимет доску у тонущего и коня у раненого, поскольку удержит себя от совершения злого поступка, ибо этот поступок греховен. Избегать же греха — свойство мудрого человека. 6. Но на первый взгляд он кажется глупцом, потому что [язычники] полагают, будто душа погибает вместе с телом, а поэтому все связывают с этой жизнью.

7. В самом деле, если после смерти ничего нет, то, конечно, глупо поступает тот, кто спасает чужую душу, жертвуя своей, или тот, кто

---

¹ См.: Цицерон. О государстве. III.20.30–31.

заботится о чужой прибыли больше, чем о собственной. Если смерть [тела] уничтожает и душу, то мы должны поступать так, чтобы [вся] жизнь наша была [как можно более] радостной и приятной. Но если после смерти нам будет дарована вечная и блаженная жизнь, то мудрый и справедливый человек должен пренебрегать этой телесной жизнью со всеми земными благами, потому что будет знать, какую он получит от Бога награду. 8. Давайте же сохранять невинность, соблюдать справедливость, давайте принимать на себя образ глупости, чтобы иметь возможность проявить истинную мудрость. И пусть людям представляется вздорным и глупым предпочитать мучения и смерть, нежели совершить жертвоприношение [ложным] богам и избежать страдания, мы тем не менее будем сохранять со всем достоинством и со всей терпеливостью верность [истинному] Богу. 9. Да не испугает нас смерть и не лишит стойкости боль, чтобы крепость духа сохранялась непоколебимой. Пусть они называют нас глупцами, но сами глупы, тупы, слепы и подобны скоту те, которые не ведают, что смертоносно [для их душ], оставив живого Бога, уничтожать себя и обращать к земному, которые не знают, что тех, кто будут поклоняться бесчувственным образам, ждет вечное наказание, а те, кто ради почитания и уважения истинного Бога не отвергнут ни пыток, ни смерти, обретут вечную жизнь. 10. В этом состоит высшая верность, в этом — высшая мудрость, в этом — совершенная справедливость. Нас не тревожит ничего из того, что о нас думают глупые людишки. Мы должны ожидать суда Божиего, чтобы мы потом [на небесах] могли оценить тех, кто выносит суждение о нас [здесь, на земле].

53 [58]. 1. Я сказал о справедливости, что́ она собой представляет. Теперь следует, чтобы я показал, что же является истинной жертвой Богу, что является самым правильным способом поклонения, дабы никто не считал, будто Бог требует жертвенных животных, благовоний или дорогих приношений. Ведь если Ему чужды голод, жажда, холод и стяжание любых земных вещей, то Он, конечно, не пользуется всеми теми вещами, которые приносят в храмы и жертвуют глиняным богам, но как телесное необходимо для обладающих телом, так и бестелесная жертва подобает бестелесному Богу. 2. В тех вещах, которые Бог дал в пользование человеку, Он не нуждается уже потому, что вся

земля находится в Его власти. Не нуждается в храме Тот, Чьей обителью является весь мир. Не нуждается в Своем изображении Тот, Кто неуловим глазами и непостижим умом. Не нуждается в земных светильниках Тот, Кто смог сотворить для пользы людей солнце и прочие звезды. 3. Что же требует Бог от человека, если не почитания чистым и святым сердцем? Ведь все те вещи, которые либо созданы руками, либо находятся вне человека, бессмысленны и тленны. Та жертва является истинной, которая берется не из сундука, а из души, которая приносится не руками, а сердцем. Та жертва является приемлемой, которую душа порождает из самой себя. 4. К чему жертвенные животные? К чему благовоения? К чему одежды? К чему серебро? К чему золото? К чему приносить драгоценные камни, если у почитателя душа нечиста? Следовательно, существует только справедливость, которую и требует Господь. В ней заключена и жертва, в ней заключено и почитание Бога, о чем я думаю сейчас рассуждать и [потому] должен объяснить, в каких поступках содержится справедливость.

54[59]. 1. Есть две дороги, по которым идет человеческая жизнь; о них знали и философы, и поэты, но и те и другие представляли их разным. Философы хотели, чтобы одна была дорогой усердия, вторая — праздности. Но они не совсем правы в том, что относили эти дороги к одной пользе этой жизни. 2. Лучше думали поэты, которые говорили, что одна дорога является дорогой праведников, другая — нечестивцев. Однако и они ошибаются, утверждая, что эти дороги находятся не в этой жизни, а перед преисподней. 3. Мы же говорим более правильно, утверждая, что одна дорога — жизни, другая дорога — смерти, и обе они находятся здесь. Но та правая дорога, по которой ступают праведники, ведет не в Елисийские поля, но на небо. Ибо они обретают бессмертие. Левая же дорога ведет в Тартар, ибо люди, далекие от справедливости, осуждаются на вечные муки. Стало быть, нам следует держаться дороги справедливости, которая ведет к жизни. 4. Первая же обязанность справедливости — признавать Бога в качестве Родителя, бояться Его как Господина и любить как Отца. Ибо Кто нас родил, Кто вдохнул в нас жизнь, Кто кормит нас и Кто дает здоровье, Тот имеет право не только как Отец, но и как Господин, наказывать нас, давать жизнь и смерть. Поэтому люди должны испытывать к Нему двойное

чувство, а именно любовь и страх. 5. Вторая обязанность справедливости — признавать другого человека в качестве брата. Ведь если нас сотворил Бог и родил всех единым образом для справедливости и вечной жизни, то мы связаны узами братства; кто не признает [истины] этих отношений, тот [воистину] несправедлив.

6. Источник же этого зла, из-за которого разывается общность людей и узы родства, заключен в незнании истинного Бога. Ибо кто не знает этого Источника милосердия, тот никоим образом не может быть благим человеком. Именно с того самого времени, когда людьми стали придумываться и почитаться многочисленные боги, справедливость, как передают поэты, была изгнана и разрушилась общность естественного права. 7. Тогда каждый, заботясь о себе, стал сам себе законодателем, все стали использовать силу, причинять друг другу вред, строить козни, хитрить, увеличивать свою прибыль за счет чужих убытков, перестали жалеть близких, детей и родителей, стали готовить яды для убийства людей, выходить на дорогу с ножом, разбойничать на морях, давать волю жадности, которая порождает ярость, наконец, у людей не осталось ничего святого, что могло бы остановить их неслыханное корыстолюбие. 8. Когда это случилось, тогда люди установили себе законы ради общей пользы, чтобы обезопасить себя от несправедливых людей. Но страх перед законами не остановил преступлений, но лишь унял дерзость. Ибо законы могли наказывать преступления, но не могли наказывать совесть.¹ 9. И вот, то, что прежде совершалось открыто, стали совершать скрытно. Стали также [научаться] обходить закон. В самом деле, блюстители законов, подкупленные деньгами и подарками, выносили решения, ведущие либо к освобождению злодеев, либо к казни добрых. К этому добавились раздоры, войны, взаимные грабежи, и поскольку законы были попорчены, появилось присвоенное силой право совершать насилие.

55 [60]. 1. Когда же дела человеческие пришли в такое состояние, Бог пожалел нас, открыл и явил Себя нам, чтобы мы через Него Самого узнали религию, веру, нравственную чистоту и милосердие, чтобы, оставив заблуждение прежней жизни, мы вместе познали самих себя

¹ Ср.: Цицерон. О государстве. III.14.13, 23.

вместе с Самим Богом, ибо нас разделила [наша] нечестивость, и приняли данный Самим Господом божественный закон, который связывает человеческое с небесным, и чтобы благодаря этому закону могли отвергнуть все заблуждения, которыми мы были охвачены, вместе с пустыми и нечестивыми суевериями. 2. И вот этот закон определял, что мы должны совершать в отношении человека, он учил, что все, что ты даешь человеку, ты даешь и Богу. 3. Но корень справедливости и фундамент равенства в том, чтобы ты не совершал того, чего не хочешь для себя самого, но мерил душу другого человека по своей. Если тебе неприятно сносить несправедливость, и тот, кто ее вершит, считается у тебя несправедливым человеком, подумай о другом человеке, как о [самом] себе, и суди о себе, как ты судишь о другом человеке, и знай, что ты, причиняя вред другому, поступаешь столь же несправедливо, как и другой, причиняя вред тебе. 4. Если мы поймем это, то сохраним невинность, которая является как бы первой ступенью справедливости. Ибо первым [правилом] является — не совершать вреда. Вторым — приносить пользу. 5. И как невозделанные поля, прежде чем начать сеять, необходимо очистить от терния и всякого рода сорняков, так и из наших душ сначала нужно удалить пороки и только после этого насаждать в них добродетели, чтобы из них родились плоды бессмертия, порожденные словом Божиим.

56 [61]. 1. Существуют три страсти или, так сказать, три фурии, которые вызывают такие волнения в душах людей и подчас заставляют поступать так, что люди не оглядываются ни на свою репутацию, ни на безопасность, ни даже на пользу. Это гнев, который требует мести, жадность, которая алчет богатств, и вожделение, которое жаждет наслаждений. 2. Прежде всего следует удалить эти пороки, вырвать эти сорняки, чтобы можно было посеять добродетели. Стоики считают, что следует искоренять страсти, перипатетики же полагают, что следует умерять их. Ни те ни другие неправы, так как страсти не могут быть полностью искоренены, ибо, данные природой, они имеют вполне определенный смысл и значение. Также они не могут быть и умерены, ибо если они являются злом, то мы должны воздерживаться от них, даже если они умерены и незначительны, если же они являются добром, то мы должны пользоваться ими без ограничения.

3. Мы же говорим, что их не следует ни искоренять, ни умерять. Ибо страсти не сами по себе являются злом, так как Бог не без причины наделил ими человека. Однако в то время как по природе они являются добром, ибо даны нам для сохранения жизни, они превращаются в зло в момент их использования. 4. Это как храбрость является добром в том случае, если мы сражаемся за отчизну, и злом, если против отчизны. Так и страсти, если направлены на благие цели, становятся добродетелями, а если на дурные, то считаются пороками. Так вот, гнев был дан для наказания за проступки, т. е. для поддержания порядка, дабы страх наказания сдерживал и укрощал дерзость. Но те, кто пренебрегают его пределами, гnevаются на равных себе и даже на старших. Это открывает путь к ужасным преступлениям: к убийствам и войнам. 5. Жадность также дана для стремления и стяжания необходимого для жизни. Но кто не знает пределов ее, тот ненасытен в стремлении к богатству. Отсюда берутся отравления, интриги, лжесвидетельства и всякого рода обманы. 6. Вожделение является страстью, данной нам для произведения на свет потомства, но кто не видит в душе своей его границ, пользуется им только ради наслаждения. Отсюда возникают недопустимые связи, измены и распущенность, отсюда рождаются все виды разврата. 7. Следовательно, все эти страсти должны пребывать в своих границах и направляться в правильное русло, где, даже если бы они были чрезмерны, не могли бы привести к греху.

57[62]. 1. Нам следует подавлять гнев, когда мы терпим несправедливость, чтобы сдержать то зло, которое неизбежно при ссоре, и чтобы проявить две великие добродетели — невинность и терпение. Надо укрощать жадность, если мы уже имеем столько, что нам достаточно. 2. Ибо какое безумие стремиться к накоплению того, что неизбежно уйдет к другим в результате разбоя ли, воровства, проскрипции или смерти! 3. Не следует выпускать вожделение за пределы законного брака, но следует подчинить его рождению детей. Чрезмерная страсть к наслаждению несет опасность, порождает дурную славу и (чего особенно следует опасаться) ведет к вечной смерти. Ничто столь ненавистно Богу, как греховные мысли и нечистая душа.

4. Да не подумает кто-нибудь, что следует воздерживаться от одного лишь этого наслаждения, которое возникает при телесном соитии с

женщиной, но следует удерживать себя также и от всех прочих наслаждений, рождаемых органами чувств, так как эти наслаждения сами по себе порочны, к тому же презрение к ним является добродетелью. 5. Зрительные наслаждения происходят от [созерцания] красивых вещей, слуховые — от мелодичного и приятного голоса, наслаждение обоняния — от привлекательного запаха, вкусовые — от сладкой пищи. Добродетель должна стойко противостоять всем этим наслаждениям, чтобы душа, пойманная в ловушку этими соблазнами, не отвратилась от небесного к земному, от вечного — к преходящему, от бесконечной жизни — к вечному наказанию. 6. В удовольствиях вкуса и обоняния заключена та опасность, что они способны увлечь к неге. В самом деле, кто будет предан этим удовольствиям, лишится всей собственности, а если что-то у него и останется, то растратит и это и будет вести потом отвратительную жизнь. Кто же ублажает слух (я говорю о песнопениях, которые часто настолько задевают сокровенные чувства, что приводят в смущение ум, о продуманно составленных речах и разнообразных поэмах, а также о выразительных диалогах), тому легко впасть в нечестивые верования. 7. Отсюда происходит то, что люди, которые либо сами отличаются красноречием, либо стремятся читать изысканные сочинения, ищут не истину, а красоту, и с трудом верят Священным Писаниям, поскольку те кажутся безыскусными. Мало того, им кажется более истинным то, что наслаждает их слух. В результате они, наслаждаясь приятностью речи, отвергают истину. 8. Наслаждение же для глаз разнообразно. В самом деле, то, которое происходит от созерцания драгоценностей, возбуждает жадность, которая должна быть чужда мудрому и честному человеку, а то, которое происходит от созерцания женской красоты, влечет к другому наслаждению, о котором мы уже сказали выше.

58 [63]. 1. Остается сказать о зрелищах, которых мудрецу надлежит остерегаться и избегать, поскольку они серьезно повреждают души, а с другой стороны — потому что они введены в честь [ложных] богов. 2. Ведь считается, что бои диких зверей были посвящены Сатурну, театральные представления — Отцу Либеру, цирковые — Нептуну, так что тот, кто участвует в представлениях, оставляя поклонение [истинному] Богу, явно обращается к нечестивым обрядам. 3. Но я скорее хочу

говорить о самом предмете, нежели о его происхождении. Что может быть ужаснее и отвратительнее, чем убийство человека? Поэтому наша жизнь охраняется суровыми законами, потому войны считаются омерзительными. И все же убийство часто совершается и без войны, и вопреки законам, и в нем находят удовольствие, если наказывается преступник. 4. Но тот оскверняет свою совесть, кто созерцает убийство, и очевидец преступления столь же виноват, как и сам преступник. Стало быть, во время резни гладиаторов тот, кто смотрит, проливает кровь в не меньшей степени, чем тот, кто убивает. Ибо не может быть непричастен к пролитию крови тот, кто хочет, чтобы она пролилась, и кто, видя, что [боец] еще жив, подбадривает убийцу [к добиванию противника] и сулит ему награду.

5. Что же сказать о театральных зрелищах? Неужели они более чисты, если в них представляется либо комедия об изменах и любовных приключениях, либо трагедия о кровосмешении и отцеубийстве? 6. Бесстыжие позы актеров, изображающих порочных женщин, учат сладострастию, которое они выражают в своих танцах. Мимы не меньше учат распушенности, когда они совершают в ходе представления то, что заслуживает позора, [словно стремясь к тому], чтобы [зрители] совершали это в реальности, не испытывая стыда. 7. Это ведь смотрят и юноши, чей опасный возраст требует руководства и строгости, и учатся на этих представлениях порокам и греху. 8. Цирк хотя и представляется более невинным, все же несет в себе большое безумие, ибо умы зрителей наполняются таким исступлением, что те часто вступают не только в перебранку, но и в ссоры, в драки и потасовки. 9. Поэтому нам следует избегать всяких зрелищ, чтобы мы могли сохранять спокойствие своей души. Мы должны отречься от вредоносных наслаждений, чтобы не попасть в сети смерти, увлекшись их пагубной сладостью.

59 [64]. 1. Ценить следует одну только добродетель, которая заслужит бессмертную награду, когда победит наслаждение. Когда же одолены страсти и отвергнуты удовольствия, человеку не составит труда отвергнуть и прочее, чтобы стать последователем [Всевышнего] Бога и истины. Пусть он никогда не злословит, ибо должен уповать на добрые слова Господа; пусть никогда не лжет, дабы не обмануть Его, и пусть даже не клянется, чтобы, оказавшись вдруг в безвыходном положении

или следуя привычке, не преступить однажды клятву. 2. Пусть не говорит ничего с целью обмануть или скрыть, и не отказывается от того, что обещал, и не обещает того, что не сможет исполнить. Пусть никому не завидует, ибо он должен быть доволен собой и собственным благом; пусть ничего не отнимает и не вожделеет чужого, ибо должен уповать на гораздо большие благодеяния для себя со стороны Бога. Пусть ничего не крадет и никогда не жаждет чужого, и не отдает деньги в рост (ибо это значит, что он будет стремиться извлечь прибыль из убытков другого), и при этом пусть не отказывается давать займы, если кого-то постигнет нужда. 3. Пусть не будет суров ни к сыну, ни к рабу, ибо должен помнить, что и сам он имеет Отца и Господа.¹ Пусть он обходится с ними так же, как хотел бы, чтобы поступали с ним. 4. Пусть не принимает дорогих подношений от тех, кто беднее, ибо несправедливо, если состояние богатых будет прирастать за счет убытков бедняков.

5. Есть старое предписание: не убивать. Но его следует понимать не так, будто мы должны отказываться лишь от человекоубийства, которое карается и гражданскими законами. Напротив, по этому предписанию не следует грозить смертью даже на словах, нельзя убивать и выбрасывать младенцев, ни совершать самоубийство. 6. То же самое относится к запрету прелюбодействовать. Этим предписанием не только запрещается осквернять чужой брак, что также осуждается общим у всех народов законом, но и предписывается воздерживаться от публичных женщин. Ибо превыше всех законов стоит закон Божий, который, чтобы достичь [небесной] справедливости, запрещает даже то, что считается допустимым. 7. Этим законом запрещено лжесвидетельствовать, что также имеет более широкое толкование. Ведь если ложное свидетельство, с одной стороны, вредит тому, против кого оно производится, а с другой — вводит в заблуждение того, в чьем присутствии произносится, стало быть, никогда нельзя лгать, так как ложь постоянно либо вводит в заблуждение, либо вредит. Стало быть, нечестен тот, кто лжет в праздной беседе, не думая причинить вреда. 8. К этому же присоединяется запрещение льстить, ибо лесь [не менее] пагубна и лжива. Напротив, всегда следует защищать правду, которая пусть и

---

¹ Ср.: *Еф.* 6.4–9.

неприятна в настоящий момент, однако, когда проявится ее результат и польза, она родит не ненависть, как полагал поэт,¹ а благодарность.

60 [65]. 1. Я говорил о том, что запрещено. Теперь же кратко скажу о том, что следует совершать. Невинности близко милосердие. Та не совершает зла, это — вершит добро; та кладет начало справедливости, это — вершит ее. 2. В самом деле, поскольку природа людей слабее, чем у других животных, которых Бог наделил как средствами для нападения, так и средствами для защиты, то нам Он дал чувство сострадания, чтобы всю поддержку своей жизни мы искали во взаимной помощи. 3. Ведь если мы созданы единым Богом и ведем род от одного человека, то мы связаны правом кровного родства. Следовательно, мы должны любить всякого человека. Итак, нельзя не только чинить несправедливость, но даже мстить за несправедливость, чтобы мы были абсолютно невинны. И потому Бог повелел нам, чтобы мы постоянно молились даже за недругов.² 4. Следовательно, мы должны быть общественными и дружными животными, чтобы защищать друг друга, предоставляя и получая помощь. Ведь наша немощь подвержена множеству превратностей и тягот. 5. Не забывай, что и с тобой может случиться то, что случилось на твоих глазах с другим. Тогда лишь ты сможешь оказать помощь, если постигнешь душу того, кто, оказавшись в беде, молит тебя о помощи. 6. Если кто нуждается в пище, мы должны ему дать ее. Если кто окажется гол, мы должны одеть его. Если кто терпит несправедливость со стороны более могущественного, мы должны защитить его. 7. Да будет открыто жилище наше для чужеземцев и нуждающихся. Да не прекратится с нашей стороны забота о сиротах и защита вдов. Великое проявление милосердия — выкупить у врага пленников, а также посещать и поддерживать больных и бедных. Если умрут нищие и чужеземцы, мы не должны позволить, чтобы они лежали без погребения. Это деяния и обязанности милосердия. Если кто совершит их, то принесет истинную и желанную жертву Богу. 8. Эта жертва более приемлема для Бога, Которому нравится не кровь агнца, а благочестие человека, которого Бог, поскольку Он справедлив, удостоил

¹ Ср.: Теренций. Девушка с Андроса. I.1.69.

² Мф. 5.44.

Своего собственного закона и особого положения. Бог милостив к тому, кого видит милосердным. Но Он глух к тому, кого видит глухим к просящим. 9. Следовательно, чтобы мы могли совершать все то, что приятно Богу, мы должны презреть земные богатства и обратиться к небесным сокровищам, которые ни вор не может унести, ни ржа испортить, ни тиран отнять, но которые хранятся для нашего вечного довольства под опекой Бога.

61 [66]. 1. Верность также является значительной частью справедливости. Особенно она должна храниться нами, которые приняли имя верности, в первую очередь в религии, так как Бог превыше и предпочтительнее человека. 2. И если принять смерть за друга, за родителей, за детей, т. е. за человека, является достойным славы, и тот, кто так поступает, обретает на долгие годы славу и похвалу, то насколько более славно погибнуть за Бога, Который может взамен временной смерти дать вечную жизнь! 3. Поэтому когда возникает необходимость такого рода, что нас станут принуждать отречься от Бога и обратиться к языческому поклонению, да не согнут нас ни страх, ни угрозы, чтобы сохранили мы принятую нами веру. Пусть Бог будет пред очами, пусть Он будет в сердце; с помощью Его мы можем одолеть плотскую боль и перенести мучения, причиняемые телу. 4. Мы не должны тогда думать о чем-то другом, кроме как о награде вечной жизни. Тогда, даже если нам будут рвать члены, мы без труда вытерпим все, что ни возведет на нас кровожадное безумие тиранов. 5. В конце концов, мы должны стремиться принимать саму смерть без боязни и без страха, но с охотой и готовностью, ибо мы знаем, какая ждет нас слава у Бога, 6. когда мы, одержав верх над веком, явимся к Нему за обещанной наградой, благами которой и счастьем которой мы возместим краткость мучений и тяготы этой жизни. Но даже если нет возможности достичь подобной славы [мученика], верность, проявленная и в мирное время, также достойна награды.

Поэтому мы должны хранить верность во всяком жизненном долге. Пусть она хранится в браке. Ибо недостаточно, если ты воздержись от чужого ложа или от публичного дома. 7. Кто имеет жену, пусть не ищет ничего сверх того, но, довольствуясь только ею, пусть хранит в чистоте и неприкосновенности святость брачного ложа. Ибо и перед Богом является прелюбодеем и развратником тот, кто, нарушив [брачный] союз,

ищет удовольствия с чужой женщиной, со свободной ли, или с рабыней. 8. Но как женщина связана узами целомудрия и не должна жаждать другого [мужа], так и муж должен следовать этому же закону. 9. Ведь Бог связал мужчину и женщину в единстве одного тела. Потому Он предписал никогда не изгонять жену, только в случае ее измены, и никогда не разрывать уз брачного союза, если только его не разрушит неверность. Для сохранения целомудрия необходимо не только отказаться от прегрешения, но даже и от мысли о нем. Ибо очевидно, что ум оскверняется хотя бы и мнимой страстью. Итак, тот, кто считает себя честным человеком, не должен ни совершать, ни желать совершить [грех]. 10. Поэтому совесть следует сохранять чистой; она открыта Богу, обмануть Которого невозможно. Следует очистить душу свою от всякой пагубы, чтобы она могла стать храмом Божиим, который светел не от блеска золота и слоновой кости, а от сияния веры и чистоты.

62 [67]. 1. Но ведь все это трудно для человека, и слабость его природы не терпит того, чтобы он был безупречен. Следовательно, последнее средство для нас — прибегнуть к раскаянию, которое занимает значительное место среди добродетелей, потому что оно является возможностью для нас исправиться. Если вдруг мы согрешим на деле или в словах, мы можем признать свой грех и просить прощения у Бога, в котором Он по милосердию Своему не откажет никому, кроме тех, кто упорствуют во грехе. 2. Великая помощь и великое утешение [обретаются] в раскаянии. Оно является врачеванием ран и исправлением грешников. Оно является надеждой и гаванью спасения. Кто отказывается от него, тот закрывает себе путь к спасению, поскольку никто не может быть столь праведен, чтобы никогда не нуждался в раскаянии. 3. Даже если бы мы никогда не грешили, все же должны исповедоваться перед Богом, непрерывно молить о прощении грехов наших и благодарить даже в несчастье. Ибо мы постоянно должны выражать покорность Господу. Смирение приятно и дорого Богу, Которому хотя и более мил раскаявшийся грешник, нежели надменный праведник, но еще более дорог раскаявшийся праведник, которого возвысит Он по смирению его в Царствии Небесном.

4. Это то, что должен исполнять почитатель [Всевышнего] Бога. Это — жертвы, это — смиренное жертвоприношение; в том заключен истинный

культ, когда человек приносит на алтарь Божий залог своей души. Все-вышний Бог радуется такому почитателю, Господь принимает его как сына, ибо дарует ему в награду бессмертие, о котором я должен теперь сказать и опровергнуть мнение тех, кто считают, будто души умирают вместе с телами. Эти [философы], поскольку не знали Бога и поскольку не могли знать и тайну мира, не открыли даже сущности человека и души. 5. В самом деле, каким образом они могли постичь вторичное, если были лишены знания о главном? Ибо, отрицая всякое Провидение, они не признавали и Бога, Который является Источником и Главой мира. 6. Отсюда у них следовало, что все сущее или существовало всегда, или родилось само собой, или возникло в результате столкновения первоэлементов. Но не может быть, чтобы существовало всегда то, что существует и что мы видим, ибо это не могло не иметь какого-то начала. Само собой также не могло ничего родиться, так как ничего не может появляться на свет без производящей природы. 7. А каким образом могли появиться первоначальные семена, если семена рождаются из плодов, а плоды, в свою очередь, из семян? Стало быть, нет ни одного семени, которое не имело бы начала. Получилось так, что, полагая, будто мир создан без всякого Провидения, эти [философы] стали считать, будто и человек был рожден без всякого смысла. Если же не существовало никакого смысла при создании человека, то и душа не может быть бессмертной. 8. Другие же, наоборот, утверждали, что существует один Бог, что Им сотворен мир, и сотворен ради человека, и что души бессмертны.¹ Однако хотя они думали правильно, все же не рассматривали ни причины, ни смысла, ни цели божественного плана и творчества, чтобы свести воедино все таинство истины и заключить как бы в некие пределы. 9. Однако то, что не смогли сделать они, поскольку не были целиком причастны к истине, должны сделать мы, которые узнали истину от Самого Бога.

63 [68]. 1. Давайте рассмотрим, какой же заключен смысл в этом столь великом и столь необыкновенном творении мира. Платон полагал, что мир создан Богом, но не объяснил, зачем Он его сотворил. Он

---

¹ Лактанций говорит прежде всего о позиции Платона и стоиков, к которой он обратится в следующей главе.

говорил, что поскольку Бог благ и ко всему добр, Он создал то, что является благом.¹ Однако мы видим, что в природе вещей есть и благое, и злое. 2. Следовательно, может появиться некий превратный человек, каким был тот безбожник Феодор,² и сказать Платону в ответ: «Напротив, поскольку Бог зол, то Он сотворил то, что является злым». Как бы Платон опроверг его? Если то, что является благом, сотворил Бог, то откуда взялось столько зла, которое по большей части превосходит даже добро? Зло, скажет он, заключено в материи. 3. Если есть зло, то есть и добро, так что или Бог не сотворил ничего, или если Он сотворил только добро, то зло, которое сотворено не было, превосходит добро, которое имеет начало, в вечности. Ибо то имеет конец, что когда-то получило начало, и [вечно] сохраняется то, что существовало всегда. Следовательно, зло сильнее. 4. Если же оно не может быть сильнее, то не может быть и вечным. Стало быть, либо как зло, так и добро существовали вечно, и Бог непричастен к их появлению, либо и то и другое родилось из одного источника. Более же правдоподобно то, что Бог создал все, а не то, что Он не создавал ничего. Следовательно, согласно высказыванию Платона, один и тот же Бог является благом, поскольку создал добро, и злым, так как сотворил зло. 5. Если это невозможно, то очевидно, что не потому мир сотворен Богом, что мир благ. Ибо он обнимает и добро и зло, и не существует ничего ради самого себя, но только ради чего-то другого.

6. Ведь дом строят не для того только, чтобы был дом, но чтобы он принял и охранял жильца. Также и корабль строят не для того, чтобы все увидели корабль, но чтобы люди могли на нем плавать. Посуду также изготавливают не для того лишь, чтобы просто была посуда, но чтобы использовать ее под необходимое. 7. Так и мир Бог создал для какого-то использования. Стоики говорят, что мир был создан ради человека. И это верно. Ведь люди наслаждаются всеми теми благами, которые заключает в себе мир. Но зачем созданы сами люди и какую пользу они несут для Провидения, этого Создателя вещей, стоики не открывают.

---

¹ Платон. Тимей. 29е.

² Феодор — греческий философ из Кирены (ок. 320–280 гг. до н. э.), который отрицал само существование богов (Цицерон. О природе богов. I.1.2).

8. Тот же Платон утверждает, что души бессмертны. Но он не объяснил, для чего, каким образом, когда и благодаря кому они обретут бессмертие, или что же за тайна, что те, кто будут бессмертны, рождаются прежде смертными и только потом, завершив путь временной жизни и сбросив одежды тленной плоти, переходят к вечному блаженству. 9. Наконец, он не сказал ни о суде Божиим, ни о различении праведных и неправедных, но полагал, что души, которые запятнали себя в преступлениях, осуждаются лишь тем, что рождаются вновь в низких животных, и грешники искупают таким образом наказание, пока вновь не возродятся в человеческом облике. И это происходит постоянно, и нет предела перерождениям.¹ По-моему, он смеется, когда говорит такое, как будто бы увиденное во сне, ибо ему кажется, что не существует ни руководства Божия, ни какого-либо плана.

64 [69]. 1. Теперь я скажу, какова та тайна, для открытия которой даже те, кто говорили верно, не могли собрать воедино суждения и доводы. Бог создал мир, чтобы родились люди. Люди же были рождены, чтобы признать Бога в качестве Отца, в чем заключена мудрость. А признают [Его Отцом], чтобы почитать, в чем заключается справедливость. Почитают, чтобы обрести в награду бессмертие. Обретают бессмертие, чтобы вечно служить Богу. 2. Неужели ты не видишь, насколько связано между собой первое утверждение со средними и средние — с заключительным? Рассмотрим же [все] по отдельности и увидим, есть ли в них смысл. 3. Итак, Бог сотворил мир ради человека. Кто этого не видит, не слишком отличается от скота. Ведь кто созерцает небо, кроме человека? Кто созерцает солнце и звезды? Кто поражается всем творениям Божиим, если не человек? Кто возделывает землю? Кто получает с нее плоды? Кто плавает по морю? Кому подчинены рыбы, птицы, четвероногие животные, если не человеку? Стало быть, все это создал Бог для человека, так как все это используется [именно] человеком.

4. Философы видели это, но не видели того, что из этого следует, а именно, что Бог создал человека ради Себя Самого. Ибо логично, благочестиво и необходимо, чтобы, поскольку подобное творение было совершено ради человека, поскольку Бог оказал человеку такую честь и дал

¹ Ср.: Платон. Тимей. 42b, 90e.

такую власть господствовать в мире, человек признавал Бога, Творца этих благодеяний, Который сам мир создал ради него самого, и воздавал Ему должное поклонение и уважение. 5. Именно здесь заблуждался Платон, здесь терял [из виду] ту истину, которую имел вначале, когда умолчал о поклонении тому Богу, Которого признавал Создателем и Родителем мира,¹ и когда не понимал, что человек связан [esse religatum] с Богом узами благочестия, откуда сама религия [religio] берет свое имя, и что это единственное, из-за чего души являются бессмертными. 6. Все же он чувствовал, что души вечны, хотя и пришел к этому суждению неверно. Ведь, отбросив средние посылки, он перескочил к истине, как бы через зияющую пропасть. И он не пошел дальше, поскольку нашел правду не с помощью разума, а случайно.

7. Итак, следует почитать Бога, чтобы через религию, которая является справедливостью, человек получил от Бога бессмертие. И нет никакой иной награды для благочестивой души, которая, являясь невидимой, не может быть награждена невидимым Богом иначе, как незримой же наградой.

65 [70]. 1. В самом деле, можно привести множество доводов в пользу того, что души вечны. Платон говорит, что существует вечное движение, которое происходит само собой, и движение не имеет начала и не будет иметь конца.² Душа же человека движется сама собой; она, будучи подвижна для размышления, искусна для изобретения, легка для восприятия, вместительна для знания, и поскольку помнит прошлое, сознает настоящее и предвидит будущее, объемлет знание многих вещей и искусств, то является бессмертной. Ибо она не имеет ничего связанного с пагубой земли.³ 2. Кроме того, о бессмертии души можно заключить из добродетели и наслаждения. Наслаждение свойственно всем животным, добродетель же одному лишь человеку. Наслаждение порочно, а добродетель достойна уважения. Наслаждение соответствует природе, добродетель же противна природе, если душа не бессмертна.

---

¹ Там же. 28с.

² См.: Платон. Федр. 245с–е. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.23.53; Цицерон. О государстве. V.25.27.

³ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.27.66.

3. Ибо добродетель во имя верности и справедливости без страха перенесет и бедность, и изгнание, и заключение, и боль, и даже смерть. Поскольку эти вещи противны природе, то добродетель является глупостью, ибо противится хорошему и несет вред жизни, или, если она не является глупостью, то душа является бессмертной и отвергает сущие блага, потому что более предпочтительны ей другие, которые она обретет после разрушения тела.

4. Самый же большой довод в пользу бессмертия тот, что только человек имеет знание о Боге. У бессловесных животных нет никакого понятия о религии, поскольку они являются земными и склонены к земле. Человек же для того прямо взирает на небо, чтобы искать Бога. Стало быть, не может не быть бессмертным тот, кто ищет бессмертного Бога. Не может быть подвержен разложению тот, кто связан с Богом и ликом, и мыслью. 5. Наконец, один только человек пользуется небесным элементом, каким является огонь. Ибо если свет [рождается] через огонь, а жизнь через свет, то очевидно, что тот, кто пользуется огнем, не может быть смертным, поскольку ему свойственно и принадлежит то, без чего не может существовать ни свет, ни сама жизнь.

6. Но зачем мы собираем доводы в пользу бессмертия души, если у нас есть божественные свидетельства? Ведь этому учат Священные Писания и голоса пророков. Если же кому-то этого покажется мало, пусть прочтет песни Сивилл и послушает ответы Аполлона Милетского, чтобы понять, какое безумие говорили Демокрит, Эпикур и Дикеарх, которые единственные из всех смертных отрицали то, что очевидно.

7. После того как бессмертие доказано, остается объяснить, Кем, кому, каким образом и когда оно будет даровано. По завершении божественно и со всей определенностью установленных времен, неизбежно случится гибель и уничтожение вещей, чтобы мир был обновлен Богом. Это время близко, что можно заключить по числу лет и из знаков, которые предсказаны пророками. 8. Но так как слишком много было сказано о конце века и завершении времен, необходимо попросту сообщить о том, что было предсказано, поскольку приводить сами свидетельства — задача бесконечная. Если кому-то они необходимы или если кто-то не доверяет нам, пусть обратится к самой сокровищнице небесных Писаний и, укрепившись в доверии к ним, поймет, что

заблуждались те философы, которые либо полагали, будто этот мир вечен, либо считали, что прошло много тысяч лет со времени его сотворения. 9. На самом деле не прошло еще и шести тысяч лет, по истечении которых будет уничтожено всякое зло, чтобы правила одна лишь справедливость. Я кратко поясню, когда это случится.

66 [71]. 1. Это будущее предсказано не только пророками, но и прорицателями. Когда мир начнет приближаться к своему концу, усилится зло, возрастут все виды порока и обмана, погибнет справедливость, не станет ни верности, ни мира, ни милосердия, ни стыда, ни истины. Станет господствовать сила и дерзость. Никто не будет иметь ничего, кроме несправедливо приобретенного и защищенного силой. 2. Если и останутся добрые, то над ними будут насмехаться и издеваться. Никто не будет благочестив по отношению к родителям, никто не будет милосерден к детям и старикам. Всё извратят жадность и сладострастие. Придут убийства и кровопролития. Войны будут не только внешние и пограничные, но и внутренние. Города вступят в войну друг с другом, возьмется за оружие человек всякого пола и возраста. 3. Не останется ни достойной власти, ни воинской дисциплины, но будут царить грабеж и опустошение, словно при вражеском завоевании. Власть будет раздроблена, и десять мужей захватят круг земель, и будут терзать и пожирать его. И появится другой [царь], более могущественный и более дерзкий, который, убив трех из их числа, захватит Азию и, подчинив остальных своей власти, будет терзать всю землю. Он установит новые законы, уничтожит старые, создаст свое государство, изменит имя и перенесет престол Империи. Тогда наступит ужасное и мерзкое время, в которое никому из людей не будет мила жизнь. 4. Наконец мир придет в такое состояние, что все возрадуются смерти и станут оплакивать жизнь. Города и крепости падут, которые — под мечом, которые — от огня, которые — от частых сотрясений земли, которые — от наводнений, которые — от чумы и голода. Земля ничего не будет производить или от чрезмерного холода, или от ужасного жара. Вся вода частью обратится в кровь, частью же наполнится горечью; так что не останется ничего пригодного для пропитания и питья.

5. К этим несчастьям добавятся также небесные знамения, которые еще больше приведут людей в смятение. Часто станут появляться коме-

ты. Солнце, побледнев, померкнет навсегда. Луна зальется кровью и не будет испускать отраженного света. Все звезды падут, и времена утрачат свой порядок, когда смешаются зима и лето. 6. Тогда станет короче и год, и месяц, и день. Это старение и разрушение мира было предсказано [Гермесом] Трисмегистом. Необходимо знать, что когда это случится, наступит время нового прихода Бога для изменения этого мира.

7. Среди этих бед возвысится нечестивый царь, ненавистный не только роду человеческому, но и Богу. Он сокрушит то, что было сохранено теми прежними тиранами, истерзает, измучает и уничтожит [всю землю]. Будут тогда беспрестанные слезы, постоянные рыдания и стоны, и не будет никакого покоя от страха, ни сна для отдыха. День будет постоянно приносить несчастье, ночь же — тревогу. Так доведет он круг земель до полного опустошения и малочисленности людей. 8. Тогда нечестивец станет преследовать праведных людей и исповедников Бога и прикажет почитать себя как Бога. Ибо он скажет, что он — Христос, хотя будет Его противоположностью. Чтобы люди могли в это поверить, он получит власть совершать чудеса, чтобы огонь спускался с небес, чтобы солнце меняло свой ход, чтобы принимал образ, какой бы он ни захотел. 9. Этими чудесами он соблазнит многих, чтобы молили его и принимали знак его на руке и на челе. Кто же не будет молить и принимать знак, погибнет от страшных пыток. Таким образом, он истребит почти две части [населения], третья же бежит в различные пустыни. 10. Но этот нечестивец, воспламененный гневом, приведет войско и окружит гору, на которой будут пребывать праведники. И когда те увидят себя осажденными, громким криком будут молить Бога о помощи, и Бог услышит их и пошлет им освободителя.

67 [72]. 1. Тогда в момент бури небо разверзнется, и сойдет Христос в великой славе, а впереди Его будет идти неугасимое пламя и несметное воинство ангелов. И уничтожит Он все то множество нечестивцев, и прольются потоки крови, а сам их вождь бежит, и после того как несколько раз пополнит войско, начнет четвертую битву, в которой будет захвачен со всеми прочими тиранами и предан сожжению. 2. Но и сам предводитель демонов, источник и зачинатель зла, закованный огненными цепями, будет заключен, чтобы мир обрел покой и истерзанная за столько веков земля успокоилась. 3. И вот когда будет установлен мир и

будет повержено всякое зло, тот справедливый Царь и Победитель совершит на земле великий суд над живыми и мертвыми, при этом всех язычников отдаст в рабство живым праведникам, мертвых же [праведников] восстановит к вечной жизни. И Он Сам будет править на земле с праведниками и построит священный город, и продлится это правление праведников тысячу лет. 4. В течение этого времени и звезды будут светить сильнее, и солнце будет ярче, и луна не будет больше убывать. Тогда и утром, и вечером будут идти благодатные дожди, ниспосланные Богом, и земля родит все плоды без человеческого труда. 5. Скалы гор будут истекать медом, реки наполнятся молоком. Звери, забыв про свирепость, станут кроткими, волк будет гулять среди скота, не причиняя вреда, теленок будет пастись рядом со львом, голубка соединится с коршуном, змея не будет иметь яда, ни одно животное не будет жить кровью. Ибо Бог даст всем обильную и невинную пищу.

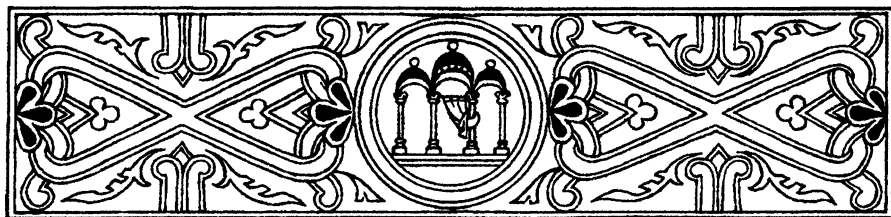
6. По истечении же тысячи лет, когда будет освобожден предводитель демонов, восстанут язычники на праведников и придет неисчислимое множество их на завоевание города святых. 7. Тогда случится последний суд Божий над язычниками. Сотрясет Он до основания землю, и рухнут города, и прольется на нечестивцев огонь с серой и камнями, и сгорят они и будут убивать друг друга. Праведники же укроются ненадолго, пока не завершится казнь язычников, и выйдут после третьего дня, и увидят поля, покрытые мертвыми телами. Тогда случится землетрясение, и разрушатся горы, и долины уйдут в глубокую бездну, и будут собраны там тела мертвых, и дано будет ей имя Полиандрион.¹ 8. После этого Бог преобразит мир и обратит праведников в ангелов, чтобы они, одаренные одеянием бессмертия, вечно служили Богу. И это будет Царство Божие, которому не будет конца. Тогда и нечестивцы воскреснут, но не для жизни, а для наказания. Ибо Бог, совершив второе воскресение, поднимет их, чтобы, преданные вечному наказанию и вечному пламени, они понесли заслуженные кары за преступления свои.

---

¹ *Полиандрион* — букв. с греческого «кладбище». Ср.: «И будет в тот день: дам Гогу место для могилы в Израиле, долину прохожих на восток от моря, и она будет задерживать прохожих; и похоронят там Гога и все полчище его, и будут называть ее долиною полчища Гогова» (Иез. 39.11).

68 [73]. 1. Коль скоро то, что все это случится именно так, было предсказано согласным возвещением всех пророков; коль скоро то же самое предвещал Трисмегист, Гистасп, Сивиллы, то нельзя сомневаться в том, что вся надежда на жизнь и спасение заключена в одной лишь [истинной] религии [Всевышнего] Бога. 2. Если же человек не примет Христа, Которого Бог послал для освобождения и пошлет вновь, если не признает Христа истинным Богом, если не будет исполнять Его предписаний и закона, то примет ту казнь, о которой мы сказали выше. 3. Поэтому нам следует презреть тленное, чтобы мы могли обрести нерушимое, следует отвергнуть земное, чтобы мы могли быть удостоены небесного, следует избегать временного, чтобы мы могли прийти к вечному. 4. Пусть каждый наставит себя в справедливости, обратит себя к воздержанию, подготовит к борьбе, вооружит на добродетель, чтобы, если противник объявит вдруг войну, никакая сила, никакой страх и никакие пытки не смогли бы отвлечь от правильного и благого. 5. Пусть откажется он от подчинения бесчувственным образам, но признает одного лишь Бога, пусть откажется от удовольствий, чьими соблазнами пригибается возвышенная душа к земле, пусть каждый сохраняет невинность, пусть приносит пользу многим, пусть добрыми поступками стяжает себе нетленные богатства, чтобы получить возможность по суду Божьему обрести по заслугам добродетелей своих и венеч веры, и награду бессмертия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

CSEL

Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum

Arist. De gen. anim.

Aristoteles. De generatione animalium

Cic. Acad. pr.

Cicero. Academica prior

Cic. Acad. post.

Cicero. Academica posterior

Epic. Fr.

Epicurus. Fragmenta

Gell. Att.

Gellius. Noctes Atticae

Hieron. De vir. ill.

Hieronymus. De viris illustribus

Ps.-Plato. Epist.

Ps.-Plato. Epistulae

Varro. De ling. lat.

Varro. De lingua latina

Ам.

Книга пророка Амоса

Вар.

Книга пророка Варуха

Втор.

Пятая книга Моисеева. Второзаконие

Дан.

Книга пророка Даниила

Деян.

Деяния святых Апостолов

Еф.

Св. апостола Павла Послание к Ефессянам

Зах.

Книга пророка Захарии

Иез.

Книга пророка Иезекииля

Иер.

Книга пророка Иеремии

Ин.

От Иоанна святое благовествование

Ис.

Книга пророка Исаии

Лк.

От Луки святое благовествование

Мал.

Книга пророка Малахии

Мф.

От Матфея святое благовествование

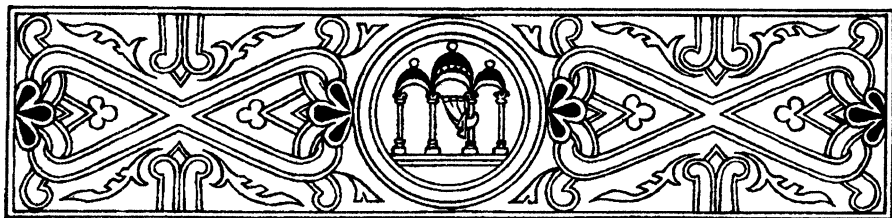
Мк.

От Марка святое благовествование

<i>Ос.</i>	Книга пророка Осии
<i>Откр.</i>	Откровение Иоанна Богослова
<i>Прем.</i>	Книга Премудрости Соломона
<i>Притч. Сол.</i>	Книга Притчей Соломоновых
<i>Пс.</i>	Псалтирь
<i>Числ.</i>	Четвертая книга Моисеева. Числа
<i>1 Ин.</i>	Первое соборное послание св. апостола Иоанна
<i>3 Цар.</i>	Третья книга Царств

УКАЗАТЕЛЬ

*имен собственных,
встречающихся в сочинениях Лактанция¹*

- Авель, библ. Э 22[27].7
Аврелиан, римский император С 6.1.
Адрианополь, город С 45.6.
Азия, область С 9.6; Э 66[71].3.
Алкмена, миф. Э 7.3; 10.2.
Альбуня, Сивилла Э 5.1.
Амалфея, миф. Э 18[23].10;
19[24].2.
Амос, библ. Э 41[46].5.
Анаксагор, греческий философ
Э 34[39].2; 35[40].3.
Анаксимен, греческий философ
Э 4.3.
Андрогин, миф. Э 8.4.
Антисфен, греческий философ
Г 11.14; Э 4.2.
Аполлодор Эритрейский,
греческий ученый Г 22.5, 6.
Аполлон, миф. Г 23.12; С 11.7—8;
33.5; Э 8.2; 18[23].3; 65[70].6.
Ариадна, миф. Э 8.5.
Аристид, афинский политический
деятель Г 19.7.
Аристипп, греческий философ
Э 28[33].3; 34[39].7.
Аристоксен, греческий философ
Г 16.13.
Аристоник, греческий писатель
Г 22.5.
Аристотель, греческий философ
Г 12.6; Г 10.49; 11.15; 17.13; Э 4.2;
28[33].10; 50[55].5.
Армения, область С 9.6.
Архит Тарентийский, политический
деятель-пифагореец Г 18.4—5, 7,
9, 12.
Асклепий, миф., см.: Эскулап
Ассирия, ассирийцы Э 19[24].5.
Афины, афиняне Г 9.2.
Африка, диоцез С 8.3.

¹ Указание дается на название книги (Г — «О творении Божиим», Г — «О гневе Божиим», С — «О смерти гонителей», Э — «Эпитомы Божественных установлений»), номер главы (арабской цифрой с выделением) и номер отрывка в главе (арабской цифрой без выделения).

Бел, миф. **Э 19[24].5.**

Беллона, римская богиня

Э 18[23].4.

Благочестие, римское божество

Э 16[21].1.

Вавилон, вавилоняне **Э 19[24].5.**

Валериан, римский император

С 5.1; 6.1; 9.6.

Валерия, дочь Диоклетиана

С 15.1; 39.2; 40.1–2; 41.2; 50.2; 51.1.

Варрон Марк, римский ученый-

энциклопедист **Т 5.6; 8.6;**

10.1, 16; 12.6, 17; 14.3; 17.5, 8;

Г 22.5; Э 5.1.

Венера, миф. **Э 8.4; 9.1; 15[20].5.**

Вера, римское божество

Э 16[21].1.

Вергилий, римский поэт **Т 8.8;**

18.11; Э 3.4.

Веррий, римский грамматик

Э 15[20].3.

Веспасиан, римский император

Э 41[46].7.

Веста, миф. **Э 19[24].3.**

Византий, город **С 45.4.**

Вирбий, см.: Ипполит

Вифиния, провинция **С 10.6; 45.2;**

48.1.

Волчица, миф. **Э 15[20].2.**

Восток, префектура **С 36.1; 38.7;**

47.5–6.

Вулкан, миф. **Э 2.7; 9.2.**

Г. Скрибоний Курион, римский консул **Г 22.6.**

Галерий, см.: Максимиан Галерий

Галилея, область **Э 42[47].3.**

Галлия, галлы **С 16.1; 27.1; 28.1; 29.1, 3; Э 8.6; 15[20].5.**

Ганимед, миф. **Э 11.3.**

Геллий, римский грамматик

Э 24[29].5.

Гемины, консулы **С 2.1.**

Гераклея (Перинф), город

С 45.5–6.

Герилл, греческий философ

Э 28[33].11.

Геркулес, миф. **С 52.3; Э 7.2;**

15[20].3; 16[21].2; 18[23].9.

Гермес, см.: Трисмегист

Гесиод, греческий поэт

Э 23[28].1.

Гистасп, царь мидян

Э 68[73].1.

Гн. Октавий, римский консул

Г 22.6.

Гомер, греческий поэт **Э 8.3.**

Готы, германское племя **С 13.2;**

38.6.

Греция, страна **Г 11.8; Э 20[25].8.**

Давид, библия. **Э 41[46].2;**

42[47].2, 5.

Дакия, даки **С 4.3; 9.2; 23.5.**

Даная, миф. **Э 11.2.**

Даниил, библия. **Э 42[47].4.**

Данувий (Истр), река **С 9.2; 17.4;**

18.6.

Деметриан, адресат Лактанция
Т 1.1; 20.1.

Демокрит, греческий философ
**Г 10.33, 47; Э 34[39].3, 9;
35[40].4; 65[70].6.**

Деций, римский император **С 4.1.**

Деянира, миф. **Э 7.5.**

Диагор Мелосский, греческий философ
Г 9.7; 10.47.

Диана, миф. **Э 9.2–3; 18[23].2.**

Дидим, греческий грамматик
Э 19[24].1.

Дикеарх, греческий философ
Э 65[70].6.

Диномах, греческий философ
Э 28[33].7.

Диоген, греческий философ
Э 34[39].4.

Диодор, греческий философ
Э 28[33].4.

Диоклетиан, римский император
**С 7.1; 9.1, 4, 6–7, 11; 10.4; 11.4; 12.4;
14.1, 3; 17.1; 18.2, 6, 10, 13;
19.1, 5; 29.2; 37.3; 41.1, 3; 42.2;
43.6; 52.3.**

Дионисий Старший, сицилийский тиран **Э 20[25].8.**

Доблесть, римское божество
Э 15[20].6.

Домициан, римский император **С 3.1.**

Донат, адресат Лактанция
в «О гневе Божиим» **Г 1.1; 22.1.**

Донат, адресат Лактанция
в «О смерти гонителей» **С 1.1;
16.3; 35.2; 52.5.**

Евгемер, греческий философ
Г 11.8; 13.2, 4; 14.4; 19[24].4.

Европа, миф. **Э 11.3.**

Египет, египтяне **Г 11.12; С 36.3;
Э 4.4; 11.4.**

Ездра, библ. **Э 43[48].2.**

Елисейские поля, миф. **Э 54[59].3.**

Захария, библ. **Э 41[46].5.**

Земля, миф. **Э 14.1; 19[24].3.**

Зенон, греческий философ **Г 10.49;
11.15; Э 26[31].2, 5; 28[33].5;
33[38].6; 34[39].9.**

Иаков, библ. **Э 39[44].5–6.**

Иапет, миф. **Э 20[25].12.**

Иеремия, библ. **Э 39[44].5–6;
41[46].6; 43[48].4.**

Иерокл, наместник **С 16.4.**

Иероним, греческий философ
Э 28[33].4.

Иерусалим, город **Э 41[46].6–7.**

Израиль, библ. **Э 39[44].4–6;
41[46].8.**

Иисус Христос **Э 41[46].3, 8; 43
[48].3; 44[49].1; 45[50].4;
66[71].8; 67[72].1; 68[73].2.**

Иллирик, диоцез **С 18.6; 26.6.**

Иннах, миф. **Э 11.4.**

Индия, страна **Э 8.5.**

Ипполит, миф. **Э 9.3.**

Ирод Агриппа, тетрарх
Э 40[45].8.

Исаия, библ. **Э 39[44].3–4, 6;
41[46].1; 43[48].6.**

Исида, миф. **Э 11.4; 18[23].5.**

Испания, диоцез **С 8.3.**

Италия **С 8.3; 15.6; 27.2, 6–7.**

Иудея, иудеи **Г 23.12; 2.1;**

Э 40[45].6, 8, 10; 41[46].8;

43[48].1, 3; 44[49].1–2.

Иуда Искарот **С 2.4.**

Каин, библ. **Э 22[27].7**

Кака, римское божество **Э 16[21].2.**

Каллифонт, греческий философ

Э 28[33].7.

Кампания, область **С 27.7.**

Кандидиан, сын Галерия **С 20.4;**

50.2–3, 7.

Капитолий, храм **Г 22.6;**

Э 16[21].4.

Каппадокия, провинция **С 47.6.**

Карнеад, греческий философ

Э 50[55].8; 51[56].2.

Карпы, германское племя **С 4.3;**

9.2.

Карфаген, карфагеняне

Э 18[23].3.

Кастор, миф. **Э 8.3.**

Кв. Катул, римский консул **Г 22.6.**

Катон Марк Порций, римский

философ **Э 34[39].9.**

Кенофрур, город **С 6.2.**

Кимон, афинский политический

деятель **Г 19.7.**

Киносуры, область **Э 8.2.**

Кипр, остров **Э 9.1.**

Клавдий Марцелл Марк, римский

консул **Э 15[20].6.**

Клеанф, греческий философ **Э 4.3;**
34[39].9.

Кнос, город **Э 13.4.**

Константин Великий, римский

император **С 18.10; 19.1, 4;**

24.3, 5–9; 25.1–3, 5; 27.1;

29.3–5, 8; 30.5; 32.5; 37.1; 42.1;

43.2, 4; 44.3, 5, 7, 10–11; 45.1;

46.12; 48.1–2.

Констанций Хлор, римский

император **С 8.7; 15.6, 7; 18.10;**

20.1, 3; 24.2–3, 5.

Корнелий Сципион (Африкан),

римский полководец **Т 1.13.**

Крит, критяне **Э 8.5; 13.4;**

19[24].2.

Ксенократ, греческий философ

Т 16.12.

Ксенофан, греческий философ

Э 34[39].1.

Ксенофонт, греческий писатель

Г 11.13.

Кунина, римское божество **Э 16[21].2.**

Лаида, любовница Аристиппа

Э 34[39].7.

Лампсак, город **Э 18[23].8.**

Лаомедонт, миф. **Э 7.2.**

Ларенция, блудница **Э 15[20].2.**

Латона, миф. **Э 9.1.**

Лаций, область **Э 17[22].1.**

Левкипп, греческий философ

Г 10.3, 33, 47.

Леда, миф. **Э 10.2.**

Либер, миф. **Э 8.5; 58[63].2.**

- Линд, город **Э 18[23].9.**
- Лихорадка, римское божество
Э 16[21].2.
- Лициний, римский император
С 20.3, 4; 29.2; 32.1, 5; 35.3;
36.1; 43.2; 45.1, 4, 6–7; 46.3, 5,
10–12; 47.1–2; 48.1–2; 49.1;
50.2, 4–6.
- Лукреций Кар, римский философ-эпикурец **Т 6.1; 8.12; 19.3;**
Г 10.16; Э 20[25].4.
- Луций, римский поэт **Э 17[22].3.**
- Максенций, римский император
С 18.9, 11; 26.1, 3, 5–6; 43.3–4;
44.1–4; 7–9; 46.8.
- Максимиан Галерий, римский император **С 9.1, 6; 10.6; 14.5;**
18.1, 6–7, 9; 19.2, 4; 20.1, 3; 23.5;
24.3, 5, 7; 25.2; 26.1–2, 4, 6;
27.1–2, 5, 7; 28.1; 29.1, 31.1–2;
32.2, 4–5; 33.1; 35.1, 3; 37.3;
38.6; 39.2; 43.2; 50.6.
- Максимиан Геркулий, римский император **С 8.1; 15.6; 18.1, 7, 9,**
12; 26.5, 9–10; 27.1; 28.1; 29.1,
3, 6; 30.4; 42.1; 52.3.
- Максимин Дайя, римский император **С 18.13; 19.4, 6; 20.4;**
25.5; 27.1; 32.1, 4–5; 35.1;
36.1, 3–4; 37.1; 38.4; 39.3, 5;
40.1, 3; 43.1; 44.10–11; 45.2, 4–
7; 46.2, 8–9, 12; 47.2, 4–5; 49.4;
50.2, 5–7.
- Малахия, библ. **Э 43[48].5.**
- Марс, миф. **С 9.9; Э 2.7; 8.3.**
- Массилия, город **С 29.7.**
- Матфей, апостол **С 2.4.**
- Мегара, миф. **Э 7.4.**
- Медиолан, город **С 45.1; 48.2.**
- Мелисса, миф. **Э 19[24].2.**
- Мелиссея, миф. **Э 19[24].2.**
- Меркурий, миф. **Э 2.7; 8.4; 14.3.**
- Минерва, миф. **Э 2.7; 9.2.**
- Мир, римское божество
Э 16[21].1.
- Моисей, библ. **Э 39[44].6;**
41[46].4.
- Мульвийский мост **С 44.3.**
- Мута, римское божество
Э 16[21].2.
- Надежда, римское божество
Э 16[21].1.
- Нарсес, персидский царь **С 9.5, 7.**
- Небо, миф. **Э 14.1, 4.**
- Нептун, миф. **Э 2.7; 12.2; 58[63].2.**
- Нерва, римский император **С 18.2, 4.**
- Нерон, римский император **С 2.4–**
6, 9.
- Никея, город **С 40.3.**
- Никомидия, город **С 7.10; 10.6; 17.4;**
35.1, 4; 47.5; 48.1.
- Нума Помпилий, римский царь
Э 17[22].2–3.
- Овидий Назон, римский поэт
Г 23.6; Э 3.5.
- Олимп, гора **Э 12.2.**
- Омфала, миф. **Э 7.4.**

- Оронт, река **С 50.7.**
 Орфей, миф. **Э 3.3.**
 Осирис, миф. **Э 18[23].5.**
 Осия, библия. **Э 42[47].2.**
- Павел, апостол **С 2.4, 6.**
 Пенталдий, адресат Лактанция
Э прол.
 Персия, персы **С 5.2–3; 9.5, 7; 21.2;**
Э 5.1.
 Петр, апостол **С 2.6.**
 Пик, миф. **Э 17[22].1.**
 Пиррон, греческий философ
Э 28[33].11.
 Пифагор, греческий философ
Г 10.47, 49; 11.12, 14; Э 4.4;
31[36].7, 9.
 Платон, греческий философ
Т 3.19; 16.12; Г 9.3; 10.47, 49;
11.11–13; 18.5; Э 24[29].9;
33[38].1, 5; 35[40].5; 37[42].4;
50[55].5; 63[68].1–2, 4, 8;
64[69].5.
 Плутон, миф. **Э 12.2.**
 Полиандрион, место **Э 67[72].7.**
 Поллукс, миф. **Э 8.3.**
 Понтий Пилат, прокуратор Иудеи
Э 40[45].8.
 Посидоний, греческий философ
Г 4.7; 17.13.
 Приам, миф. **Э 7.2.**
 Приап, миф. **Э 18[23].8.**
 Приска, жена Диоклетиана
С 25.1.
 Присциллиан, наместник **С 16.4.**
- Прозерпина, миф. **Э 9.1; 18[23].7.**
 Прометей, миф. **Т 1.11;**
Э 20[25].12.
 Протагор, греческий философ
Г 9.1.
- Равенна, город **С 17.3.**
 Рем, брат Ромула **Э 15[20].2.**
 Ржа, римское божество
Э 16[21].2.
 Рим, римляне **Г 22.6; 23.2; С 2.5–6;**
5.3, 6; 7.10; 17.1–3; 23.5; 26.1–3,
5; 27.2–3, 8; 28.4; 30.6; 34.1; 38.6;
40.2; 43.3; 44.1, 8, 10; 46.8; Э 5.2;
15 [20].1, 5; 17[22].2.
 Родос, остров **Э 18[23].9.**
 Ромул, первый римский царь **С 9.9;**
Э 15[20].2.
 Ромула, мать Галерия **С 9.9.**
- Сапор, персидский царь **С 5.3; 9.5.**
 Сарматы **С 13.2.**
 Сатурн, миф. **Э 10.1; 12.2; 13.4;**
14.1–3; 17[22].1; 18[23].3, 11;
19[24].5; 20[25].1; 58[63].2
 Север, римский император
С 18.12; 19.4; 20.4; 24.5; 25.5;
26.5–6, 8–9; 27.1, 4; 28.2; 29.2;
44.2; 50.4.
 Севериан, сын Севера **С 50.4.**
 Сенека, римский философ **Г 17.13,**
Э 4.3.
 Серенское поле **С 46.9.**
 Сивиллы, прорицательницы
Г 22.5–6; 23.1–2, 7–8; С 2.8;

- 44.8; Э 5.1–3; 31[36].6;
37[42].2; 40[45].3; 65[70].6;
68[73].1.
Сирия, провинция С 36.3; 41.1;
45.2; Э 40[45].8.
Сицилия, сицилийцы Э 18[23].3;
20[25].8.
Смятение, римское божество
Э 15[20].6.
Согласие, римское божество
Э 16[21].1.
Сократ, греческий философ Г 9.1,
3; 10.47, 49; 11.13; Э 23[28].2;
26[31].2, 5; 32[37].3–4;
33[38].1; 35[40].3, 5.
Соломон, библ. Э 39[44].2;
40[45].5; 41[46].8.
Стеркулий, римское божество
Э 16[21].2.
Стратон, греческий философ
Г 10.1.
Страх, римское божество
Э 15[20].6.
Тавр, горы С 49.1.
Тавры Э 18[23].2.
Тагис, гаруспик С 10.3.
Талл, греческий мифограф
Э 19[24].5.
Тарквиний Гордый, римский царь
С 28.4.
Тарквиций, этрусский писатель
Э 8.1.
Тарс, город С 49.1.
Тартар, миф. Э 54[59].3.
Тевкр, миф. Э 18[23].1.
Термин, римский бог Э 16[21].3.
Тесей, миф. Э 8.5.
Тиберий, римский император
С 2.1.
Тибр, река С 44.9; Э 18[23].3.
Траян, римский император С 18.2;
23.5.
Трисмегист Г 11.12; Э 4.4; 14.2–3;
37[42].2, 4; 66[71].6; 68[73].1.
Троя, город Э 7.2; 19[24].5.
Тулл Гостилий, римский царь
Э 15[20].6.
Ум, римское божество Э 15[20].6.
Уран, миф. Э 14.2–4.
Фавн, миф. Э 17[22].1, 3.
Фалес, греческий философ
Э 4.3.
Фатуня Фавна, миф. Э 17[22].1.
Фаула, миф. Э 15[20].3.
Фауста, дочь Геркулия С 30.2–3.
Фаустул, муж Ларенции
Э 15[20].2.
Фенестелла, римский историк
Г 22.5, 6.
Феодор Киренский, греческий
философ, прозванный
Безбожником Г 9.7; 10.47;
Э 63[68].2.
Фессалоники, город С 51.1.
Фетида, миф. Э 10.3.
Флакцин, префект С 16.4.
Флора, миф. Э 15[20].3.

Форнакс, римское божество

Э 16[21].2.

Фракия, провинция С 6.2.

Франки С 29.3.

Фригия, область Э 8.6.

Халкидон, пролив С 36.1.

Хирон, миф. Э 8.1.

Хрисипп, греческий философ

Г 10.36; Э 4.3; 24[29].4, 6;

34[39].9.

Целомудрие, римское божество

Э 16[21].1.

Церера, миф. Э 2.7; 9.1; 18[23].6.

Цицерон Марк Туллий, римский философ Т 1.12; 5.6; 20.5; Г 4.7;

7.6; 8.3; 10.45; 11.9, 12; 14.4; 17.9;

20; 22.2; Э 4.3; 8.2; 17[22].4;

26[31].2; 29[34].2; 33[38].1.

Честь, римское божество

Э 15[20].6.

Эвфорб, миф. Э 31[36].9.

Эмпедокл, греческий философ

Т 17.6; Э 34[39].9; 35[40].3.

Эней, миф. Э 19[24].3.

Энний, римский писатель Г 11.8;
13.3.

Эпидавр, город Э 8.2.

Эпикур, греческий философ

Т 2.10; 6.1, 7, 10, 15; 8.13; Г 4.1,

7, 9; 8.1, 6; 9.4; 10.33, 47; 13.20,

22, 24; 15.6; 17.1–2; Э 1.1–2;

28[33].6; 31[36].1, 6; 65[70].6.

Эритры, город Г 22.6.

Эрихтоний, миф. Э 9.2.

Эскулап, миф. С 33.5; Э 2.7;

32[37].4.

Этна, гора Э 7.5.

Юнона, миф. Э 11.4.

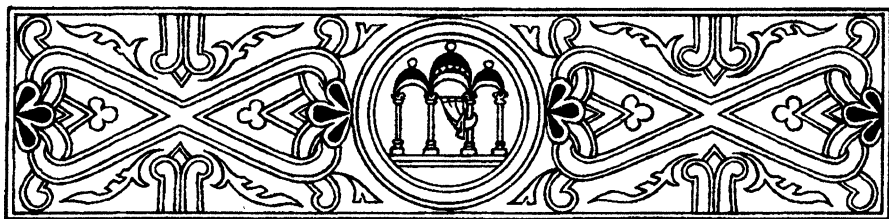
Юпитер, миф. Г 23.6; С 19.2; 46.2;

52.3; Э 2.7; 10.1; 11.2; 12.2; 13.2–

4; 15[20].5; 16[21].3; 18[23].1–

2, 10; 19[24].4; 20[25].12.

Содержание

<i>В. М. Тюленев. Малые сочинения Лактанция</i>	5
О ТВОРЕНИИ БОЖИЕМ	37
О ГНЕВЕ БОЖИЕМ	77
О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ. К исповеднику Донату	124
ЭПИТОМЫ БОЖЕСТВЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ	173
Список сокращений	243
Указатель имен собственных, встречающихся в сочинениях Лактанция	245

Научное издание

ЛАКТАНЦИЙ
О творении Божиим
О гневе Божиим
О смерти гонителей
Эпитомы Божественных установлений

Директор издательства: *О. Л. Абышко*

Редактор: *Л. А. Абышко*

Корректор: *Н. М. Баталова*

Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

Издательство Олега Абышко,
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37–1–71

По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге

Центр Православной книги «КИФА»

Издательство и склад: тел./факс (812) 717–3486

ООО «Университетская книга»

Тел. (812) 323–5495; e-mail: ukniga@sp.ru

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Сестрорецкая ул., д. 8. Тел./факс: (812) 430–7074.

E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

в Москве

Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Тел. (495) 681–2009. E-mail: info@blagoslovenie.su.

Сайт: <http://blagoslovenie.su>

ИТД ГК «Гнозис»

Тел. (495) 247–1757; e-mail: gnosis@pochta.ru

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Волоколамское шоссе, д. 3. Тел./факс: (495) 937–6744

Для заказа книг «Издательства Олега Абышко» (СПб.)

по почте пишите по адресу:

198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 37, корп. 1, кв. 71.

Свои предложения и замечания можно отправить по e-mail:

nikita2712@mail.ru

Подписано в печать 10.11.2006. Формат 60×88¹/₁₆.

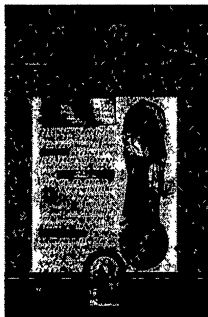
16 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 3690

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука».

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

**В серии «Библиотека христианской мысли»
в 2007 г. вышла книга**

Свящ. А. Дружинин

**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ св. ДИОНИСИЯ ВЕЛИКОГО,
ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО**

60×88¹/₁₆. 352 с. Переплет 7БЦ

Предлагаемое исследование посвящено изучению жизни и трудов одного из самых замечательных пастырей и богословов III в., святителя Дионисия Великого, главы Александрийского огласительного училища и епископа Александрии в 247–264 гг. Просвещенный защитник христианского вероучения от нападок языческих философов, негибимый хранитель чистоты христианской истины от искажений, каким подвергалась она в лжеучениях еретиков и раскольников, св. Дионисий особо прославился своей мудростью в управлении Церковью и руководством верующими на пути к нравственному усовершенствованию и вечному спасению. По непреложному суждению Церкви, он первый удостоился получить имя Великого, что полностью соответствует его действительному значению в истории христианства.

Для всех интересующихся историческими путями Православия.

В серии «Библиотека христианской мысли»
в 2007 г. вышла книга

Лактанций

БОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Книги I–VII

Перевод с латинского, вступительная статья,
комментарии и указатель *В. М. Тюленева*

60×88¹/₁₆. 512 с. Переплет 7БЦ

Целий Луций Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325 гг.) — один из самых значимых писателей раннего христианства, чье творчество оказало заметное влияние на всю последующую святоотеческую мысль и интеллектуальную атмосферу раннего Средневековья, а в дальнейшем нашло отклик даже в творчестве средневековых богословов, почитавших Лактанция как «христианского Цицерона». В настоящем издании вниманию читателей предлагается перевод на русский язык «Божественных установлений», главного сочинения Лактанция, в котором автор, с одной стороны, полемизирует с приверженцами язычества и дает систематическую критику различных школ античной философии, а с другой — утверждает незыблемые основы христианского вероучения, основанные не на шатком человеческом разуме, а на божественном Откровении. Этот труд Лактанция, современника Константина Великого, стал первой попыткой изложить на латинском языке основные положения христианского вероучения.

Предлагаемый перевод сочинения Лактанция сопровождается вступительной статьей, а также снабжен необходимыми комментариями и указателем.

Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.

В настоящем томе сочинений христианского латинского апологета IV века Лактанция (ок. 250 — ок. 325 г.), одного из самых интересных мыслителей раннего христианства, современника Константина Великого, публикуются его малые произведения: «О творении Божиим», «О гневе Божиим», «О смерти гонителей» и «Эпитомы Божественных установлений». В этих сочинениях Лактанций, полемизируя с язычниками, поднимает важнейшие вопросы христианского мировоззрения: о природе человека, о Божественном промысле в мире, о истории и возможности спасения. Сочинения Лактанция дают представления о развитии христианской мысли в первые века ее существования, об отношении христианских апологетов к античному наследию. Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.